

Уходящий аргиш

фольклор нганасанов

Редакторы:

Мария Брыкина

Беата Вагнер-Надь

Шандор Севереньи

Studia uralo-altaica. Supplementum 13

Redigunt:

Sándor Szeverényi

Sándor Papp

András Róna-Tas

Уходящий аргииш
фольклор нганасанов

Редакторы:

Мария Брыкина, Беата Вагнер-Надь,
Шандор Севереньи

Иллюстрации: Камилла Кайзер

Перевод на английский: Шома Шельмеци

-

Szeged, 2024

- © University of Szeged
Department of Altaic Studies
Department of Finno-Ugrian Philology
- © Szegedi Tudományegyetem
Altajisztikai Tanszék
Finnugor Nyelvtudományi Tanszék

Published in 2024

DOI: 10.14232/sua.sup.2024.13.

ISBN 978-963-688-021-7

Online ISSN 3004-1384

Содержание

Предисловие	6
Preface	10
Тексты / Texts	13
Сказки о Дяйку и Ибуле / Tales about Dyaiku and Ibula	14
1. Дяйкү бэлы / Песня про Дяйку / Dyaiku's Song.....	14
2. Дяйкү, кэнтэ / Дяйку и санка / Dyaiku and the Sledge.....	20
3. Хибулэ / Ибула / Ibula.....	23
Сказки о животных / Tales about animals	32
4. Таа, тэмуңку / Олень и мышка / The Reindeer and the Mouse.....	32
5. Буэзу / Разговоры / Conversations.....	41
6. Тунты / Лисица / The Fox.....	47
Легенды и предания / Myths and legends	59
7. Туу кэнтэ / Санка огня / The Sledge of Fire	59
8. Мың моуму” / Наша земля / Our Land.....	67
9. Коте / Болезнь / Disease.....	73
Рассказы о шаманах / Tales about shamans	101
10. Җэзэ турка”а / Шаман-озеро / Shaman Lake	101
11. Хуалээ җэ” / Шаман Хуалэ / Shaman Khuale.....	106
12. Кадүа” Дүнту”а / Средний Брат-Гром / Middle Brother Thunder	111
Сказки о людях / Tales about people	116
13. Мелызээ нумэа / Парень-мастер / The Master.....	116
14. Бэзүрбүи” моу / Земля мертвых / The Land of the Dead	121
Ситабы / Sitaby	136
15. Хальмира Тиндама / Хальмира Чиндама / Khalmira Tindama.....	136

Предисловие

В этой книге собрано несколько образцов нганасанского фольклора, записанных различными исследователями в 1992–2016 гг. Нганасанский язык принадлежит к самодийской группе уральской языковой семьи. В настоящее время на нем говорит около сотни человек, проживающих на полуострове Таймыр, преимущественно в посёлках Усть-Авам, Волочанка, Новая, а также в городе Дудинка. Несмотря на то, что на протяжении всей своей истории нганасаны были немногочисленным (около 1000 человек) народом, их устная фольклорная традиция отличается удивительным богатством и разнообразием. К сожалению, параллельно тому, как выходит из активного повседневного употребления нганасанский язык, угасает и фольклорная традиция. Несколько сказок, включенных в этот сборник, — это записи, вероятно, одного из последних поколений рассказчиков, которые сами слышали эти сказки, когда традиционная оленеводческая культура нганасанов была еще жива. Отсюда и название сборника — «Уходящий аргиш» (аргиш — это поезд из санок с запряженными в них оленями, с которым нганасаны кочевали). Конечно, пятнадцать текстов не могут дать представления обо всём богатстве нганасанского фольклора, это лишь своеобразное введение, приглашение погрузиться в его необыкновенный мир.

Еще одна задача этого сборника — продолжить традицию публикации нганасанского фольклора именно на нганасанском языке. С одной стороны, таких публикаций было уже немало: среди прочих, это «Сказки народов Сибирского Севера» (вып. 3 и 4); составленные К. И. Лабанаускасом «Фольклор народов Таймыра. Вып. 3: Нганасанский фольклор» и «Ня” дүрымы” туобтугуйся. Нганасанская фольклорная хрестоматия»; «Певцы и песни Авамской тундры» О. Э. Добжанской; «По следу белого мамонта» В. С. Момде; «Chrestomathia Nganasanica» под редакцией Б. Вагнер-Надь. С другой стороны, со временем некоторые из этих книг становятся труднодоступными, а кроме того, часть из представленных в сборнике сюжетов публикуется впервые.

Все представленные здесь тексты входят в коллекцию нганасанского корпуса проекта INEL, который в настоящий момент создается в Университете Гамбурга и включает в себя, помимо новых записей, тексты, которые собирались и обрабатывались в проектах NSLC (поддержан фондом DFG), «Пять языков Евразии», а также при поддержке программы Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» в 2003–2005 гг. (с согласия авторов). Тексты были изначально записаны на нганасанском языке (преимущественно это аудиозаписи), а потом были затранскри-

бированы и переведены на русский при участии носителей нганасанского языка.

Нганасанский вариант текстов представляет собой транскрипцию устной речи и отражает, таким образом, разговорный язык, характеризующийся, в частности, большим количеством связующих дискурсивных элементов. Тексты подвергались минимальной правке: из исходной транскрипции удалялись оговорки, очевидные повторы, комментарии неосновного рассказчика (и, соответственно, ответные реплики основного рассказчика), реплики рассказчика, не относящиеся к тексту, неразборчивые фрагменты (в последнем случае в текст добавлялось многоточие в квадратных скобках). Некоторые предложения являются синтаксически неполными или незаконченными. В текстах встречаются отдельные русские слова или слова из таймырской говорки, которые выделяются курсивом. Фрагменты текста, которые в исходной записи поются, отделены от остального текста отступом.

Выбранная для нганасанских текстов орфография в целом соответствует орфографии, используемой С. Н. Жовницкой, за исключением двух случаев. Во-первых, для обозначения звука «и» после твердых «т», «д», «н» используется буква *i*, чтобы различать, например, *кобтуати* ‘их двоих дочь’ и *кобтуати* ‘их двоих дочери’. Во-вторых, вместо принятого в орфографии «з» с дужкой используется знак «ž».

При переводе на русский язык мы старались сохранять разговорный стиль, характерный для оригинала. Также мы не переводили на русский язык нганасанские восклицания (такие как *оу*, *хиемоу*, *казяу*). В случае, когда в перевод для облегчения восприятия текста добавлялись слова, отсутствующие в оригинале, они заключались в квадратные скобки. Имена собственные иногда переводились на русский язык, а иногда мы оставляли их нганасанские варианты (если при этом эти имена можно перевести, соответствующий перевод приводится при первом упоминании имени в квадратных скобках). При переводе названий животных и растений мы не стремились к абсолютной точности, а ориентировались на вариант, предлагавшийся носителями языка, осуществлявшими первичный перевод текста.

Мы хотели бы выразить свою искреннюю признательность и бесконечную благодарность всем носителям нганасанского языка, без неопределимой помощи и кропотливого труда которых представленная здесь коллекция текстов не могла бы существовать. Это:

Александр Чалеевич Момде

Анна Алексеевна Момде

Василий Фенакович Порбин

Валентина Бинталеевна Костеркина
Вера Лаймареевна Момде
Галина Фенаковна Поротова
Дарья Чайхореевна Момде
Дилимяку Сочубтеевна Яроцкая
Евдокия Демнимеевна Порбина
Екатерина Николаевна Совалова
Екатерина Субоптеевна Костеркина
Екатерина Чубовна Кокоре
Зинаида Солобтеевна Чебодаева
Зоя Чубоевна Порбина
Игорь Демнимеевич Костеркин
Курумаку Федорович Туглаков
Ладун Надеевна Турдагина
Мария Дюнтовна Яроцкая
Мария Маджореевна Порбина
Надежда Кайбюреевна Турдагина
Надежда Тубяковна Костеркина
Наталья Кундуптеевна Турдагина
Николай Санкевич Чунанчар
Нина Демнимеевна Логинова
Нина Дентумеевна Чунанчар
Нина Тоньдюлеевна Турдагина
Нумуму Хурсаптеевич Турдагин
Светлана Мойбовна Кудрякова
Светлана Сыгаковна Аксенова
Серафима Мудимеевна Купчик
Сыку Маджореевна Яроцкая
Тамара Сочуптеевна Турдагина
Татьяна Демнимеевна Туркина
Татьяна Тоньдюлеевна Кузенко
Тубяку Дюходоевич Костеркин
Хелла Лаймареевна Порбина
Хоняку Ламкаевич Турдагин
Хосю Чалеевич Момде
Юлия Маджореевна Горичева

Мы благодарны Валентину Гусеву, нашему постоянному коллеге в работе над нганасанском языком, а также многочисленным исследователям, которые делились с нами своими записями. Спасибо Оксане Эдуардовне

Добжанской, Надежде Тубяковне Костеркиной, Жан-Люку Ламберу, Ларисе Яндиптеевне Турдагиной и ГТРК «Таймыр», Евгению Арнольдовичу Хелимскому, Татьяне Ждановой, Жуже Варнаи, Йозефине Будциш.

Мы также чрезвычайно признательны Шоме Шельмеци, которая перевела все тексты на английский язык, и Камилле Кайзер, которая выполнила иллюстрации к текстам.

Сборник подготовлен в рамках исследовательской Программы Академий, совместно финансируемой Федеральным правительством Германии и Федеральными землями, при участии Федерального министерства образования и научных исследований и Вольного и ганзейского города Гамбурга. Программа Академий координируется Союзом Академий наук Германии.

*Мария Брыкина
Беата Вагнер-Надь
Шандор Севереньи*

Preface

This book presents several samples of Nganasan folklore collected by various researchers between 1992 and 2016. The Nganasan language belongs to the Samoyedic group of the Uralic language family. It is currently spoken by about a hundred people living on the Taimyr Peninsula, mainly in the settlements of Ust-Avam, Volochanka, Novaya, and the town of Dudinka. Throughout their history, the Nganasans have always been a small group (about 1,000 people), yet their oral folklore tradition is characterized by remarkable richness and diversity. Unfortunately, as the Nganasan language fades from active everyday use, the folklore tradition is also disappearing. Several tales included in this collection are records, probably, of one of the last generations of storytellers, who themselves heard these tales when the traditional reindeer herding culture of the Nganasans was still alive. Hence the title of the collection, *The Leaving Argish* (an “argish” is a sledge train with harnessed reindeer that the Nganasans used for traveling). Of course, fifteen texts can only provide a preliminary glimpse into the richness of Nganasan folklore. They are just an invitation to explore its extraordinary world.

Another purpose of this collection is to continue the tradition of publishing Nganasan folklore in the Nganasan language. On the one hand, there have already been many such publications, including *Skazki narodov Sibirskogo Severa* (vols. 3 and 4); *Folklor narodov Tajmyra: nganasanskij folklor* and *Nganasanskaya folklornaya khrestomatiya*, compiled by K. I. Labanauskas; *Pevcy i pesni Avamskoj tundry* by O. E. Dobzhanskaya, *Po sledu belogo mamonta* by V. S. Momde, and *Chrestomathia Nganasanica*, edited by B. Wagner-Nagy. On the other hand, over time, some of these books have become difficult to access, and several of the tale-types are being published here for the first time.

All texts in this book are part of the Nganasan corpus collection of the INEL project, which is currently being established at the University of Hamburg and includes, in addition to new recordings, texts that were collected and processed in the Nganasan Spoken Language Corpus (supported by the German Research Foundation), Five Languages of Eurasia, and with the support of the Presidium of the Russian Academy of Sciences program *Ethno-cultural Interaction in Eurasia* in 2003–2005 (with the authors’ consent). All texts were originally recorded in Nganasan (mostly audio recordings), and then transcribed and translated into Russian with the participation of Nganasan speakers.

The Nganasan version of the texts is a transcription of oral speech and thus reflects a spoken language characterized, in particular, by a large number of cohesive discursive elements. The texts were subjected to minimal editing: reservations,

obvious repetitions, comments by secondary narrators (and corresponding main narrator's responses), narrator's remarks unrelated to the text, and illegible fragments (marked with ellipses in square brackets) were removed from the original transcription. Some sentences are syntactically incomplete or inconclusive.

The original Nganasan exclamations and the names of some realia were kept in the English translation, and footnotes were added for easier understanding. To facilitate readability, sentence structures were slightly modified in some cases, though the translation largely follows the original narrative style. Proper names were sometimes translated into English, while others retained their Nganasan variants. For animal and plant names, we prioritized the variants suggested by native speakers during the primary translation, rather than striving for botanical or zoological precision.

We would like to thank all speakers of the Nganasan language, without whose invaluable help this collection of texts could not have been created:

Alexander Chaleevich Momde
Anna Alekseevna Momde
Vasily Fenakovich Porbin
Valentina Bintaleevna Kosterkina
Vera Laimareevna Momde
Galina Fenakovna Porotova
Daria Chaikhoreevna Momde
Dilimyaku Sochubteevna Yarotskaya
Evdokia Demnimeevna Porbina
Ekaterina Nikolayevna Sovalova
Ekaterina Subopteevna Kosterkina
Ekaterina Chubovna Kokore
Zinaida Solobteevna Chebodaeva
Zoya Chuboevna Porbina
Igor Demnimeevich Kosterkin
Kurumaku Fedorovich Tuglakov
Ladun Nadeevna Turdagina
Maria Duntovna Yarotskaya
Maria Madyureevna Porbina
Nadezhda Kaybyureevna Turdagina
Nadezhda Tubyakovna Kosterkina
Natalia Kundupteevna Turdagina
Nikolai Sankevich Chunanchar
Nina Demnimeevna Loginova
Nina Dentumeevna Chunanchar

Nina Tonduleyevna Turdagina
Numumu Khursapteevich Turdagin
Svetlana Moibovna Kudryakova
Svetlana Sygakovna Aksenova
Serafima Mudimeevna Kupchik
Syku Madyureevna Yarotskaya
Tamara Sochupteevna Turdagina
Tatyana Demnimeevna Turkina
Tatyana Tonjuleevna Kuzenko
Tubyaku Dyuhodoevich Kosterkin
Hella Laimareevna Porbina
Khonyaku Lamkaevich Turdagin
Khosyu Chaleevich Momde
Yulia Madyureevna Goricheva

We would also like to express our gratitude to our colleague Valentin Gusev, and all the researchers who shared their notes with us. Special thanks go to Oksana Dobzhanskaya, Nadezhda Tubyakovna Kosterkina, Jean-Luc Lambert, Larisa Yandipteevna Turdagina and GTRK “Taymyr”, Eugen Helinski, Tatiana Zhdanova, Zsuzsa Várnai, and Josefina Budzisch.

The texts and the preface were translated into English by Soma Selmeczy. The illustrations were created by Kamilla Kaiser.

The collection has been prepared within the framework of the Academies Research Program, jointly funded by the German Federal Government and the Federal Länder, with the participation of the Federal Ministry of Education and Research and the Free and Hanseatic City of Hamburg. The Academies Program is coordinated by the Association of German Academies of Sciences.

*Maria Brykina
Beáta Wagner-Nagy
Sándor Szeverényi*

Тексты / Texts

СКАЗКИ О ДЯЙКУ И ИБУЛЕ / TALES ABOUT DYAIKU AND IBULA

1. ДЯЙКУ БЭЛЫ / ПЕСНЯ ПРО ДЯЙКУ / DYAIKU'S SONG

Дяйкү бэлы

Дяйкаңку торкятыты,
Туркумэны бэрэмэны,
Дяйкаңку хойкүтү,
Дяйкаңку Һэҗи"э,
Сэлтәдәә Һэҗи"э.
Мантіми дүҗүмтү сэтәми"э,
Мантімү дүтүҗү тэҗү"ө.
Бәтыди дүҗүмтү сэтәми"э,
Бәтыди дүтүҗү тэҗү"ө.
Дяйкаңку сэтәми"э,
Җу"оҗә Һуомту сэтәми"э,
Җу"ои" Һотү тэҗү"ө.
Җамяйдүмә Һуомту сэтәми"э,
Җамяй Һотү тэҗү"ө.
Хыаҗәәмты хуарәди"э,
Хыаҗәәҗы тэҗү"ө.
Дяйкаңку ләнһдитіри,
Дяйкаңку бәна"иҗә,
Дяйкаңку дөрәту,
Дяйкаңку быкәри"э.
Ири"аты деңгуйте,
Сиги"эты деңгуйте.

Җамяйдүмә дялы күҗятундә сиги"ә туу"о. Сиги"ә мунунту:

— Оу, хиәмәу, тахаряа няагәә тә әмты мәнә деңгуймә, деңгуймә тәәсәҗә талаңкәә. Сатәрәтәмә быкәри"э.

Мату дя конда"ату. Матәту түүдя ині"а"куту дя мунунту:

— Оу, әмәніә мәнә сатәрәтәмә быкәри"иҗәу, күҗяхү"ө түбә әмтырә дүңәә, күҗяхү" нии"сүтәмә.

Ині"а"куҗу мунунту:

— Тә маа" сатәрә" итеҗу", нинтуу Һәндяи".

— Хиәмәу, маадя нинтәңы сатәрә Һуо", сатәрә.

Тэ кунда”инді. Күзятудя ині”а”кумту китэ”ки”э:

— Нэнсузиң, нэнсузиң, тааніэ сатэрэмэ ңэндяи” дүү”ө.

Ині”а”кузу нэнсу”иžэ. Тэгэтэты муну”о:

— Нэнсузиң, нэнсузиң, тэнэ нэнсузиң. Эмэніэ кунуңу сатэрэрэ? Хүөті”нибым мунэ”: маа” сатэрэ” итеңу”? Дяйкү ихуазу, Дяйкүндэ ңансэ ңонэи” саніләра”аң.

Сиги”эрэ меригиаряи” нэнсу”иžэ. Тэні”а нэнсуди тахаряа мунунту:

— Кунуңу хоймане? Хоймане тэ”мирэитүң мерэгээ”. Тахаряби”мирээ” мерэгэи” хоймане серэбинэ ңонээ эмэніэ Дяйкү дөби”сүтэмэ. Дяйкүөи, Дяйкү, тэнэ дөхүбүнүнэ, тэнэ ңэмсуžэм.

Песня про Дяйку

Дяйку бежит.
По берегу озера,
Дяйку бежит,
Дяйку увидел,
Пень увидел.
Правой рукой [пень] хлопнул —
Правая рука прилипла.
Левой рукой [пень] хлопнул —
Левая рука прилипла.
Дяйку хлопнул,
Одной ногой [пень] хлопнул —
Одна нога прилипла.
Второй ногой [пень] хлопнул —
Вторая нога прилипла.
Лбом стукнулся —
Лоб прилип.
Дяйку вырывается,
Дяйку устал,
Дяйку плачет,
Дяйку попался.
В дедушкин капкан,
В капкан людоеда.

На другой день утром пришёл людоед. Людоед говорит:

— Оу хиемоу, какой у меня хороший капкан, капкан мой такой везучий.

Песец мне попался.

Отнёс его домой. Придя домой, говорит жене:

— Оу, тут мне песец попался, пусть он до утра оттаёт, а завтра я его обдеру.

Жена [ему] отвечает:

— Какие ещё песцы могут быть, не [песец это], наверное.

— Хиемоу, почему это не может быть песец, это песец.

Ну, легли они спать. Утром [людоед] стал будить жену:

— Вставай, вставай [скорее], там песец мой, наверное, оттаял.

Жена встала. Потом сказала:

— Вставай, вставай, сам ты вставай. Где этот твой песец? Я же всё время говорила: какие могут быть песцы? Это был, оказывается, Дяйку, Дяйку опять надо тобой поиздевался.

Людоед быстро поднялся. Поднявшись, говорит:

— Где мои бокари? Дай мне мои бокари с быстрыми подошвами. Как только я надену бокари с быстрыми подошвами, я этого Дяйку догоню. Эй, Дяйку, как только я тебя догоню, я тебя съем.

Рассказчик:	Нина Дентумеевна Чунанчар (1946 г.р.)
Автор записи:	Мария Брыкина
Место записи:	Усть-Авам
Дата записи:	2004 г.
Транскрипция и перевод:	Нина Дентумеевна Чунанчар, Валентин Гусев, Мария Брыкина
Название текста в корпусе INEL:	ChND_0412_Djajku_fld

Dyaiku's Song

Dyaiku is running.
 Dyaiku is running
 Along the lakeshore,
 Dyaiku found,
 Dyaiku found a stump.
 He smacked the stump with his right hand,
 His right hand stuck.
 He smacked the stump with his left hand,
 His left hand stuck.
 Dyaiku kicked.
 He kicked the stump with one leg,
 His leg stuck.
 He kicked the stump with the other leg,
 The other leg stuck.
 He bashed it with his forehead,
 His forehead stuck.
 Dyaiku is trying to break free,
 Dyaiku is tired,
 Dyaiku is crying,
 Dyaiku is caught.
 In the old man's trap,
 In the ogre's trap.

Next morning, the ogre came and said:

"Khiemou¹, what a good trap I have, what a lucky trap I have! It caught an arctic fox."

He took him home. At home, he says to his wife:

"Look, I've caught a fox. I'll let it thaw till the morning, and tomorrow I shall skin it."

The wife answers:

"What kind of fox could it be? Maybe it's not even a fox."

"Khiemou, why couldn't it be a fox? It's a fox."

So, they went to bed. Next morning, the ogre woke his wife:

"Wake up, my fox must have thawed by now."

His wife got up and said:

¹ Khiemou is an interjection expressing surprise and frustration.

“Wake up, wake up..., you wake up! Where is your fox? I have been telling you the whole time: What kind of fox could it be? It was obviously Dyaiku! Dyaiku’s made fun of you again!”

The ogre got up quickly and said:

“Where are my boots? Give me my fast-pace boots quickly! As soon as I put on my fast-pace boots, I’ll catch up with that Dyaiku. Hey, Dyaiku, as soon as I catch up with you, I’ll eat you!”

Storyteller:	Nina Dentumeevna Chunanchar (born in 1946)
Recorded by:	Maria Brykina
Place of recording:	Ust-Avam
Date of recording:	2004
Transcription and Russian translation:	Nina Dentumeevna Chunanchar, Valentin Gusev, Maria Brykina
Identity in the INEL corpus:	ChND_0412_Djajku_flkd

2. ДЯЙКУ, КЭНТЭ / ДЯЙКУ И САНКА / DYAĬKU AND THE SLEDGE

Дяйкү, кэнтэ

Дяйкаңкурэ кэрүтэту моумэны кэнда”кумту җимя”ты. «Оу, маауна эмэниэ нерээмэ ненатя”а дикэра”а?» Тэндэ дикэра”ату ни тии”э: «Оу, дикэра”амэ ненатя”а ихуају». Тэндэ тахаряа Дяйкүрэ кэнда”куту ни җомтэдя тэндэ няньсүүли”ијэ тэндэ дикэра”агэтэ.

Тэндэ тахаряа телмэди: «Маауна нерээмэ ненатя”а сиги”э тэ хејытыты? Тэгэтэты таамту бэтя”ту». Тэндэ тахаряа тилимиди”э сиги”эты кадя. Сиги”эту мунунту:

— Оу, маауна тэти җонүмэ кэнтэрэ.

— Оу, кэнтэмэ мэнэ маагэльтетэ җонүмэ. Мунубүнүнэ «кэнтэ коны”», кэнтэмэ җонэнтү конысытэ.

— Оу, нутууңкуми. Эмты таамэ маагэльтетэ җануомэны лэјуйтү, лэјитимэ бэтяде”.

Тэти тахаряа Дяйкүрэ маагэльтетэ җануо нялымы”э. Тэндэ таату ни түндүки”э тэни”аряи” тэлимэбты”ијэ. Тэндэ сиги”эмты коидиэ.

Тэти тахаряа сиги”эрэ кэндэту ни җомтү”ө. Кэндэту дя мунудя:

— Кэнтэу, хетылэји!

Кэнда”куту куні”а нэньдихы тэни”а нэньдиты. Тэни”а тахаряа тэти сиги”эрэ, энды Дяйкүрэ сиги”эмты хуантуобта”а. Тэ, бэлта.

Дяйку и санка

Дяйку по простой земле саночку свою тащит. [Думает:] «Оу, что это за большая гора впереди?» Залез он на эту гору: «Оу, гора совсем высокая, оказывается». Дяйку сел на саночку и покатился с горы.

Когда-то он остановился [и удивился]: «Что это за здоровенная людоедка впереди идет? За собой она оленя ведёт». Он остановился возле людоедки. Людоедка говорит:

— Оу, какая у тебя удивительная санка.

— Оу, санка у меня вообще удивительная. Если я скажу «санка, иди», санка сама поедет.

— Оу, давай поменяемся. Олень у меня совсем ленивый, не могу я его тащить.

Дяйку очень обрадовался. Он прыгнул на этого оленя и поскорей ускакал. А эту людоедку [там] оставил.

Людоедка села на саночку. Саночке говорит:

— Саночка, катись!

А саночка как стояла, так и стоит. Так Дяйку обманул людоедку. Ну, всё.

Рассказчик:	Светлана Сыгаковна Аксёнова (1957 г.р.)
Автор записи:	Йозефина Будциш
Место записи:	Москва
Дата записи:	2016 г.
Транскрипция и перевод:	Светлана Сыгаковна Аксёнова, Беата Вагнер-Надь
Название текста в корпусе INEL:	ASS_161023_Djajku1_flkd

Dyaiku and the Sledge

Dyaiku is dragging his sledge across the plains, thinking “Oh, what is that big mountain ahead?”

He climbed the mountain:

“Oh, the mountain seems to be quite high.”

Dyaiku got on his sledge and slid down the mountain. Once he stopped, he started wondering:

“Who is that big ogress in front of me? She is leading a reindeer behind her.”

He stopped beside the ogress. She said:

“Oh, what an interesting sledge you have!”

“Well, my sledge is indeed interesting. If I say, ‘go, sledge, go,’ the sledge will go.”

“Oh, let’s switch. My reindeer is so lazy, I can’t drag him.”

Dyaiku was very happy. He jumped on the reindeer and rode away leaving the ogress behind. The ogre sat on the sledge. She said to the sledge:

“Slide, slide!”

But the sledge was standing still. That’s how Dyaiku deceived the ogress. That’s all.

Storyteller:	Svetlana Sygakovna Aksenova (born in 1957)
Recorded by:	Josefina Budzisch
Place of recording:	Moscow
Date of recording:	2016
Transcription and Russian translation:	Svetlana Sygakovna Aksenova, Beáta Wagner-Nagy
Identity in the INEL corpus:	ASS_161023_Djajku1_flkd

3. ХИБУЛЭ / ИБУЛА / IBULA

Хибулэ

Лынтыгы"аа моу дерны ну"ои" мажурба"а малүтү. Тэ тэны нилыты сити ниньде. Ині"а"кузу тэитү, нүөзы алыга"ку. Тэти һадябта"а маагүө сээна"а исүө. Тэ канкэгүө ниньбты"аа ниңы мунэ":

— Тэнэ деңкуни һетиде", ині"амэ эмэниэ коньһэ, хуаажинү" лэтыһэ, лянсэжини", маажини". Мэнэ баса"ки"эм.

Тэти бии"а. Хибулэ тэбтэ бии"а. Хежытыгэты, сатэрэй һэжэкету, дөңгутити быкэрэтыэй. Хуаа" деңгуй, маай — бэньдей һэжэкету. Тэти хелы" нилытити нөлхэжүгэту. «Оу", амыте маа ися эмэ нилыты"куй котэну", сатэрэй, маай?» Тэндэй бинти"си, маараануужуй, бэньдей нөлхэжүгэтатү. «Маа ися амыте тахаряа котэһатүһ, нилытыгүмүй».

Тэти туу"о. Ниньзы туу"о, химтитэ. Бабий кожа"а эку. Тахаряа ниңы мунэ": — Кунуу" сатэрите, сатэрите маате контэнуужате?

— Дяну" тэ", нөлхэжүсүүне.

Тэ ниньзы ниңы мунэ":

— Эмэ һонэй" коньбитэ, маате нилыты"ку бэньде котэмумбане. Һонэа күжүахү" мэнэ бүүсүтүнэ, күжятебү" или кангүти" бүүбүнэ дөңкуни" һэжикэһ.

Тэти бии"а канкэгүө ниньзы басадү"ө. Тэти Хибулэ ниңы конь", деңкути һетэудя. Хуаажэму мынтэли"э, аніка"а хуаа. Сатэрүтү бэньдей һануо ниңы кожу", сатэрүтү бэньдей тэжа"итү. Бэньдей латэсэбтэ хинелэбты"ити.

— Оу", — ниньзы ниңы мунэ", — маажэ тэни"а тетуга ани"эмэны энтымымбяһате, тэни"аряи" тэбтээмумбане. Тэ хуаатэну хуарумумба" маате һүляжэ" маа" быкэрэтыэ", ани"э ихүтү сатэрэгэтэ.

— Тэ-тэ, тэни"а икуом.

Тэ канкэгүө тэти, ині"а"кузу бии"а. Тэ сыты Хибулэ коу"о матэ, нүө кэмя"са, алыга"ку нүөзы нуолы, манакү" һэтумдяньде. Тэ коиры"э нүөнтэ, ляндырсыти. Дөрэлэбүтү лянтырыхянты, тэти Хибулэ. Нүөзы дөрэли"э. Ляндырсыгэты, хүөтэ дөрэту. Тахаряа Хибулэ һойбуомту небсэбтялыты, нинягэты дөрэ". Эмэаны тахаряа һойбуоту нимэаны ниңьзы һэтэу": «Оу", амтырэ маады тетуга кэхэдүһу? Оу", эмэны ниижэ минтягэны дөрэ" экуту». Ниңьзы тэбтэ" тэмэаны. Нуолы алыга"ку нүөгүмү, амты холы"эту баату. Холы"эмту, диатү бэньдей ниңы турхэжу". «Оу", амтырэ тиижи хубү"ө тэ", тэни"айса һэндяи" дөрэдүөдеэ». Сяжы"э тэ" дөрэдя, нуолы куотуогүмү.

Тэти туу"о, мату терэгэй канкэа:

— Кунуу нүөми?

— Сыли"а, эмэниэ кундуату. Тиижэты һэтумбяһхы, тэ һойбуоту нимэаны. Тэни"айса дөрэбату.

Тэ, тэкэй нуолы тенынтыэгүмүгэй, каса сээна"а, сээна"аууту, нуану сээна"а. Тэ нинтыгэй кумуукэлите". Нуолы кумунтэнуугэй тэрэди нуана"санэ дя. Нүөмтэ тэндэ хуану"өгэй.

Тахаряа канкэгүө тэти бии"а нинызы:

— Тэ, деңкуни нэжэ". Мэнэ басакэлкум. Маате нилытыгэ нэтэбүтэ, котэмумбане хуаатэну.

Тэ бии"а. Тэти Хибулэ ниңы деңкути нэжихуанса коны". Хежытыгэты. Тэти ини"а тэти, нинынты ини"а такэа хоурхуату. Тэндэ хоуруомту ниңы нуану аніка"а хуаа"атэнунту няагэй" ниңы тудерэ", бэнсэ латэсэбтэ мүүдү"өжү бэньде, кожа"ату тэ. Сатэрэй тэжа"а, тэндэмты тэбтэ тэжа"а матэ".

Тахаряи" нинызы ниңы туу".

— Кэжяу, эмты нуахурэ кунуу?

— Тэ эмэниэ тэтүдүөмэ тэ", мунудүөң тэ": «Маате нилытыэй бэньдей хуаатэнунтэ котумумбане». Тэ, тэжа"амэ, эмэниэ итү.

— Оу, тахаряа тэ" лыкуму"оң тыңгүмүнтэ. Кунэ"а итеңуу тахаряа? Тэ-тэ, суо"куми.

Нуолы тэндэ хуантэдя сятэди, суодү"өгэй.

— Эмэниэ бикаа куньди малэгунэ. Эмэникаа бигаи тэитү. Тэни малэгиң.

Сыты кунэ"агүө бии"а, тэбтэ нонэй" басу"экуту кунэ"абта, кунэ"агүө бии"а. Тэти Хибулэ ниңы коны", тэ суодүту. Бикаа нэжи"э. Бикаа бэрэ нэнсу"о. «Оу, нинымэ тэ" мунудүө бикаа куньди малэмумбажиң». Тэндэ такэа" хоньдятү маатү хуантэкэту бикаа буо куньди, нуолы хүөлүрүтандэ" тэти, буотэ нягитэрытындэ". «Оу", эмты натыгүмүмэ маадя хужа"суу тахаряа? Бэньде" кондү"эмэ", нэлүрүне нинтэны хуанкэжу"». Тэ тэндэти кэи ни хуану"о. Таатү нөтибтысыдеити ниңы" бикаа бэу"тэ"ки"э". «Оу, эмэ" таагүмү", сылы хуайматү" тэти кодүркүсүжэ, маадя хуайматэса дямбирнүрү"?» Бэньдикаа таатү хуандуй ниңы ниэ". Оу, таатү мануо" хуантугали итүөгүмү". Тэляи" тира"а".

Тэти тахаряа нинызы туу"о.

— Маажэ эмэ мажэмтэ нияжың мелысы"?

— Сыли"а, эмты натымэ тетуа тэ" хужа"суту, бэньдей эмэ хуантэтүүне нонэй" контумумбату.

— Тэ эмэ" таате маадя тэни"айну"?

— Маа быжэ бымээнэ тэ" дөжүркэнду", хуайматүң сылы сотүрэсужэ, нуахүгэлитемэ дяңку тэ". Тэни"айся хуайматүң ниэдиэм. Тэни"а сязы"э" бэу"туркэлися.

— Оу, тахаряа кунэ"айтеңу, кунэ"айтеңуми тыминягүмү?

Тэти тахаряи" Хибулэту дя ниңы мунэ":

— Тэ-тэ, коньгуми таба”а. Такээ” кору́жэ” тэитү”. Кору́жэ” дя коньгумиэи, тэни́жэ һэмсу́зини някэлэкуми маараай кору”китэ тамту”сигэтэ. Тэ-тэ, коньгуми, тэ тэнэ конь”.

Малү”өгэй тэ” кору́жэ” кунігүө. Кона”а, канэгүө туркутя”ана”а мынтэли”э, һонээ таатү тэисүө” эку. Бии”а тэни. Тэти́ ниһы туу”, тэ тамту”синдэ тии”э.

— Тэ, тэгүнуру” эмэниэ туркутя”ананэ терэ́жэй.

— Тэ кунуу бадяте, сатэрите мабтате?

— Мааһуна тэгүмү”? Тэни”а икээ”?

— Ээ”, тэни”а ихуанду”, маате тэтүбүтү тэти́ бэньдей мирэ́жэйти тэндэ, хутитэ мирэ́жэжэ.

— Тэ дянгум тэ” тэрэди́кяли.

Тэ һонэнтү ниһы няки́жикэ” бэньде” тэтэ” маараа”, маате хуудисы́деити: дая һэмсу”, маараа”, тэти́ сакырһу́жэ”, бэньде”, тия”, бэньде” маатеу́жэ. Туркутя”анэнтэ куньди хуантэ́татү. Тэти́ тамту”си тахаряи” ниһы баде”, тэндэй мааһуна” сэлдаатэ” мабта” итеһу”. Тахаряа ниһы́жэ тэндэ мэмэлэру”. Мааһалэ́тині, мануо хуааті́ни хуаралугэ́тажэ. Тэни”аряи” муну́жкэту:

— Дөкуоу, дөкуоу.

Хуаатэ́ну хуарэдэру́бүтү, муну́жкэту:

— Дөкуоу, дөку.

Тэныитү́ндэту такээ лүө”са һуолы маагүө мелы́жи”а, бадя һана”санэ мелы́жи”э. Тэндэ дятэ ниһы́жэ нөлхэ́жэру” тэти́ баса һана”сату. Тэндэту нану ниһы кэмэу”. Һуолы тэбтэ́эра”аи́жэ, тэндэ бадя һана”сандэту. Оу”, эмэ лүө”са кэмя”кугүмү” каса тэһгэ”кэхя́жы”. Тэ тэбтэ́ряи” тэндэмту ниһы бэньде тэһхиди”э́жы. Тэти́ тахаряа хурси”э ма́жэту дя.

Маті́ти туйся ниһы мунэ”:

— Натэмуну́жкээһ мэнэ һадярэ, нинтуу мэнэ һадярэ, мэнэ һуо” терэм.

Тэти́ тахаряа мануо” кюокотүдү́деитү: таатү иһээ, һаху́жэ, тэти́ нүөжэ һонээ — бэньдей ниһы́ти сүлү́бтү”. Тэти́ тахаряа ниһы мунэ”:

— Тэ-тэ бүүгүнэу мэнэ, такээ хулиты́нэ такээ бэнтүи” сүарті́нэ хулиты́нэ.

Тэти́ бии”а.

Всё.

Ибула

Посреди огромной лайды стоит один чум. Там живут два брата. [У старшего брата] есть жена и маленький [ребёнок]. А младший брат был придурковатый. Как-то старший брат говорит [младшему]:

— Ты иди пасти проверь, а жена моя пусть пойдёт хворост соберёт, тальник и всякое другое. А я пойду на охоту.

И [старший брат] ушёл. Ибула [=младший брат] тоже пошёл. Идёт он, находит песцов, попавших в пасть. Деревянные пасти и прочее — всё проверяет. Чуть живых [песцов] отпускает. «Оу, зачем убивать живых песцов и других [животных]?» — [думает Ибула]. Росомах и прочих [животных] — всех отпускает. «Зачем их убивают, они же живые».

Вернулся он [домой]. Вечером пришёл старший брат. Диких оленей убил, наверное. Говорит [Ибуле]:

— Где твои песцы, песцы и другие [животные], которых ты добыл?

— Нету, я их отпустил.

Старший брат говорит:

— Когда в следующий раз пойдёшь, всё живое убивай. Я опять завтра уйду, когда я завтра или когда-то уйду, иди и ты пасти проверять.

Когда-то старший брат ушёл на охоту. А Ибула пошёл пасти проверять. Взял [с собой] палку, большую палку. Всех песцов убил, всех песцов [домой] принёс. [Когда он их убивал,] вместе с костями их размельчал.

— Оу, — говорит старший брат, — зачем ты их так сильно [размельчил], вот так их бей [=одним ударом убивай]. Палкой надо бить волков и прочих [животных], которые попадают в капкан, тех, кто больше песца.

— Ну-ну, так и буду делать.

Когда-то жена [старшего брата] ушла. А Ибула остался дома ребёнка нянчить — конечно, маленький ребёнок, новорожденный. Его оставили с ребёнком, он его качает. Когда он плачет, Ибула его качает. [Один раз] ребёнок заплакал. [Ибула] его качает, а он всё равно плачет. Ибула его по головке гладит, чтобы он не плакал. А потом он на голове [ребёнка что-то] увидел: «Оу, это [темечко] почему такое мягкое? Оу, может быть, из-за этого он и плачет». И он прижал ему [темечко]. Ну конечно, грудной ребёнок, у него темечко открыто. Темечко, мозги — всё продавил [Ибула]. «Оу, гной вылез, поэтому, наверное, он плакал». [Ребёнок] перестал плакать — ну конечно, умер.

И вот пришёл [старший брат]; хозяева когда-то [вернулись]:

— Где наш ребёнок?

— Не знаю, вот он спит. У него на голове появился гной. Поэтому, оказывается, он и плакал.

Ну, они знают его, конечно, [что он] чуть придурковатый, даже безумный, совсем безумный. И они даже ничего не отвечают. Что они ему скажут, такому человеку. Ребёнка своего они похоронили.

Когда-то старший брат [снова] ушёл, [а Ибуле сказал]:

— Проверь наши пасти. А я пойду на охоту. Если встретишь что-то живое, убивай палкой.

Он ушёл. А Ибула пошёл проверять пасти. Идёт, [идёт]. А жена старшего брата, пошла, оказывается, за хворостом. Ту, которая ходила за хворостом, [Ибула] своей палкой со всей силы ударил, всю с косточками раздробил, убил. Песцов принёс, и её тоже принёс домой.

Тут вернулся старший брат.

— Казяю, где твоя сестра?

— Да вот же я её принес, ты же говорил: «Всё живое убивай своей палкой». Вот я её и принёс, вот она.

— Оу, что же ты наделал! Как же ты теперь будешь? Ну, давай аргишить.

Похоронив её, они аргишили.

— Давай здесь возле речки чум поставим. Тут недалеко есть речка. Там поставь чум.

[Старший брат] куда-то поехал, наверное, опять на охоту или куда, куда-то уехал. И Ибула поехал, аргишит. Увидел речку. На берегу речки остановился. «Оу, брат же мой говорил: на речку поставь чум». [Ибула] стал класть шкуры и прочие [принадлежности] прямо на воду реки — их, конечно, сносит, волной обмывает. «Оу, моё чумище почему балуется со мной? Все мои вещи, все пожитки [река] у меня утаскивает». И он отложил их в сторону. А олени, которых он распряг, стали переходить реку. «Оу, олени, кто вам будет бокари сушить, почему в бокарях плаваете?» Со всех своих оленей он камуса снял. Оу, олени без камусов стали. Тут же высохли.

Тут брат пришёл.

— Почему ты чум не поставил?

— Не знаю, чумище всё время со мной балуется, всё, что я кладу сюда, снова и снова уносит.

— А что с твоими оленями?

— Они по воде ходят, бокари кто им зашьёт, сестры-то нет. Поэтому я снял им бокари. Поэтому они перестали речку переходить.

— Оу, что теперь делать-то будем?

[Старший брат] сказал Ибуле:

— Пойдём отсюда. Там есть посёлок. Пойдём к посёлку, там купим что-нибудь поесть у продавца. Ну, пошли, ты сам сходи.

Поставили они чум недалеко от поселка. [Ибула] поехал, несколько пустых санок взял с собой, ещё, видимо, были у него олени. Поехал он туда. Приехал, зашёл к продавцу.

— Дайте мне, чем мне санки мои наполнить.

— А где твои деньги — песцы или что-нибудь?

— А что это? Разве так бывает?

— Да, так бывает: за то, что ты принёс, ты возьмёшь, что хочешь.

— Да нету у меня такого [что отдать].

Стал он сам брать всё, за чем он ехал: муку, сахар, чай и разное другое — всё, что есть. Всё в санку кладёт. Тогда продавец вызвал солдат или кого-то другого. Они на него напали. Палками или чем-то ещё стали его бить. А [Ибула] приговаривает:

— Ой, чешется, чешется.

Когда его палкой бьют, он приговаривает:

— Ой, чешется, чешется.

А пока [Ибула] был там, один русский кое-что смастерил, железного человека смастерил. Этого железного человека они напустили на [Ибулу]. Он стал с ним бороться. Конечно, железный человек его прижал. Оу, у этого русского, оказывается, крепкая хватка. Всё равно его всего [Ибула] поломал. И вернулся домой.

Пришёл он домой и говорит:

— Ты думаешь, что я твой брат, а я не твой брат, я житель небес.

Всех, кого он раньше убил: оленей, сестру, ребёнка — всех оживил. А потом говорит:

— Ну, я пойду, меня там зовут наверху мои друзья.

И он ушёл.

Всё.

Рассказчик:	Николай Санкевич Чунанчар (1951 г. р.)
Автор записи:	Мария Брыкина
Место записи:	Волочанка
Дата записи:	2008 г.
Транскрипция и перевод:	Юлия Маджуреевна Горичева, Мария Брыкина
Название текста в корпусе INEL:	ChNS_080214_Hibula_fld

Ibula

There stands a lonely tent in the middle of a huge marsh. Two brothers live there. The older one has a wife and a small child. The younger brother is a halfwit. One day, the older brother said to the younger:

“Go and check the traps while my wife gathers brushwood, willow and other things. And I’ll go hunting.”

So, they all left. Ibula goes and finds foxes caught in the traps. He checks all the wooden traps, he checks everything. He lets the foxes go. “Why kill live foxes and other animals?” Ibula thinks. So, he lets all the wolverines and other animals go, he lets them all go. “Why kill them for they are alive?”

He returned home. In the evening, his elder brother came. Apparently, he killed wild deer. He said to Ibula:

“Where are the foxes, arctic foxes and other animals that you got?”

“There are none, I let them go.”

The elder brother says:

“Next time you go, kill everything alive. I will leave again tomorrow, when I leave tomorrow or whenever I leave, you go and check the traps.”

Once, the older brother went hunting. And Ibula went to check the traps. He brought a stick, a big stick. He killed all the foxes and brought them all home. While killing them, he crushed all their bones.

“Oh,” said the elder brother, “why have you crushed them so badly? Kill them like so, with a single blow. You should only bludgeon trapped wolves and other animals that are bigger than a fox.”

“Well, well, that’s what I’ll do.”

One time, the elder brother’s wife left, while Ibula stayed at home to nurse the baby. He was left with the baby; he was rocking it. Once the baby started crying. Ibula rocked him, but he kept crying. Ibula strokes his head to make him stop crying. And then he saw something on the baby’s head: “Oh, why is the top so soft? Oh, maybe that’s why he’s crying.” And he squeezed the top of his head. Of course, being a baby, it had a soft spot on its skull. Ibula crushed his skull, squeezed his brains. “Oh, the pus came out, that’s probably why he was crying.” The baby stopped crying – he died, of course.

Then the elder brother and his wife came home and asked:

“Where’s our baby?”

“I don’t know, he’s sleeping. He’s got pus in his head. It seems that’s why he was crying.”

Well, they know him, of course, they know that he is a bit of a halfwit, maybe even crazy, completely crazy. And they don’t even answer anything. What can they say to such a man? They buried their child.

One time, the elder brother went away again, and told Ibula:

"Check our traps and I will go hunting. If you see anything alive, kill it with a stick."

He left. And Ibula went to check the traps. He's going and going. Meanwhile, the elder brother's wife went to get brushwood. Ibula struck her with his stick with all his might, crushed all her bones and killed her. He brought back the arctic foxes and brought her home, too.

Then the elder brother came back.

"Kaziau², where's your sister?"

"I've brought her here. You said, 'Kill all living things with your stick.' So, I brought her home, here she is.

"Oh, what have you done? What will happen to you now? Well, let's move away."

After burying her, they moved away.

"Let's put a tent here near the river. There's a river nearby. Set up the tent there."

The older brother went somewhere, probably to go hunting or somewhere else. And Ibula went to set up camp. He saw a river. On the river bank, he stopped. "Oh, my brother told me to put a tent on the river." Ibula began to put skins and their other belongings into the stream – of course, they were washed away by the current. "Oh, why is my campsite messing with me? The river is dragging all my things, all my belongings away from me." He put the things aside. The reindeer, which he had harnessed, began to cross the river. "Oh, reindeer, who will dry your boots for you, why are you swimming in boots?" He skinned the shanks of all the reindeer.³ The reindeer stood without skin on their shanks. The skins dried up immediately.

His brother arrived.

"Why didn't you put up the tent?"

"I don't know, the campsite is always playing tricks on me, everything I put here, it takes away again and again."

"What about your reindeer?"

"They're walking in water. Who will sew their boots, now that the sister's no more? That's why I took off their boots. That's why they stopped crossing the river."

"Oh, what are we going to do now?"

His brother said to Ibula:

"Let's get away from here. There's a village over there. Let's go to the village and buy something to eat from the village vendor. Well, let's go, you go yourself."

They set up the tent not far from the village. Ibula went to the village, he took a few empty sledges with him, and, apparently, he also had reindeer with him. When he arrived, he went to the grocer's.

"Give me something to fill my sledge with".

² Kaziau is an interjection expressing the speaker's fear or anger.

³ Boots were made of the skin from the shanks of reindeer.

“Where’s your money – foxes or something?”

“What is it? Is that how it works?”

“Yes, it is so: for what you bring, you take what you want.”

“I don’t have anything.”

He began to take everything he was going for: flour, sugar, tea and other things – everything there was. He put everything in the sledge. Then the vendor called soldiers, or someone else. They attacked him. They beat him with sticks, or something else. Ibula says:

“Oh, it itches, it itches!”

When they hit him with a stick, he says:

“Oh, it itches, it itches!”

While Ibula was there, a Russian man crafted something, an iron man. They set this iron man on Ibula. He started fighting him. Of course, the iron man pinned him down. Oh, this Russian, it turns out, has a strong grip. Still, Ibula totally broke him. And he went home.

He went home and he said:

“You think I’m your brother, but I’m not your brother, I’m a resident of the heavens.”

All he had killed before, the reindeer, his sister, the child – he brought them all back to life. And then he said:

“Well, I’ll go, my friends up there are calling me.”

And he left.

That’s all.

Storyteller:	Nikolai Sankevich Chunanchar (born in 1951)
Recorded by:	Maria Brykina
Place of recording:	Volochanka
Date of recording:	2008
Transcription and Russian translation:	Yulia Madyureevna Goricheva, Maria Brykina
Identity in the INEL corpus:	ChNS_080214_Hibula_flkd

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ / TALES ABOUT ANIMALS

4. ТАА, ТЭМУНКУ / ОЛЕНЬ И МЫШКА / THE REINDEER AND THE MOUSE

Таа, тэмуңку

Оу", маауна тахаряа, тэмуңку"ку тэндэ дятірээ нимээны дөтүрү, тэмуңку саруа"куту кунсымэны. Оу", дигэ теирэ ңиле дьяңали коньңкэты. Тахарябэ оу", ңу"о́зэ ңануо тиэбэ дя хорү"түө ненатя"а селуйкиагүмүрэ нө́зэ"эй, маараай лахэруй, ңэ́мтї́зэй, лянһде", тэрэди ңэмса"са, ненатя"а селуйкиагүмүрэ тахаряа ненэңкэтыди кэту́ту тэ, хильти́зиңялэты. Тахаряа тэндэты на: — Ка́зю, маадя куні"а иңуң, маадя тэнэ э́нтыңың? — тэмуңкурэ буогэли"и́зэ.

— Оу", э́мты ненэңкэ́гитэ тиэбэ дя э́мэ хильти" тэ́итү" ңонэ́ коуһдерны. Тэ́ні"а тиэбэ́мэны э́мны кэту́тум. Э́мты кинси́эмэ ңонэ́ сүрү тэ́итү, тэндэ сүрү́налэ́тэ тэндэ денебты"хя́нтына. Тэ́э дялы́зы хеку́ты. Тэ́ тэнэ тэ́муңку маа куні́зэ мэнэ ңэ́тэңуң, маауна, маа э́нтыңың?

— Тэу, мэнэ тахарябэ дязэ́тэ э́зэ са́нирня́ндытым, ниңың кэрбу"?

— Тэ маантэ́ну?

— Тахаряа ли́ңкабтү́үмкүми. Тахарябэ кудү́ми ня́мту ңэ́талы? Мэнэ тэ́бтэ лү́ңкүрү"сү́зү́нэ ты́йтетэ́ тэ́бтэ лү́ңкүрү́зиг ты́миніа не́рэзысы.

Тахарябэ маа́зу ите́ну тэ́сиэ́зэ.

— Оу", тэ маа, тэнэ тэ́муңку и́ся маа буагэ́лтэңуң, мэнэ ңэ́зэ́тэңуң нисы́зэң тэмээны мэнэ ңэ́зэ". Тэ-тэ, лү́ңкүрү́кү́нэ. Тэ́ сеймы́те тии"!

Тахарябэ сүрү ңиле, дү́мбэ ңиле́мэны, нө́зү" ңиле́мэны тахарябэ хүдү́өмту мү́тэмэ́са хорэ́мту тии"э, тэ́муңкурэ. Тэ́тирэ тахаряа ңонда́лаария" селуйкиа́рэ тахаряа хети́ры"а кунсы́мэны хү́тя"и́зэ ненати"а дигэ дермээны се́тиа"мы́эра́кы, хетү́а куні"агү́ө дябу ңануо тыңга́йка"а куньди тахаряа тэндэ ңи́ля"а, ненати"а́рэ тэ́сиэ́зэ түйме́ри"и́зэ. «Маага́льте куні́зэ ңэ́зутэ́ңы?»

Тахарябэ тэ́муңкурэ ңойбуо́мту дили"э.

— Ка́зю, э́мты селуйкиа́мэ ты́мыниа́гүму куні́ні коны́биті? Тахаряа куні́зэ ңэ́зэ́тэңу́мэ маауна? Куні́рианы ко́на"а́ңузу́ нү" э́хы. Куні́зэ маа́зэ ңэ́зэ-тэ́ңу́мэ?

Тэ́и, тэ́муңкурэ тахарябэ дигэ ни́ні итү́ө сусу"кү ни хуо́ни́тү ни нэ́нсуди, тэ́муңку ңу́тууру:

— Оу", — ңонда́лаи́рия", — оу", селуйкиа́ и́ся тахаряа тэ́э ма́нді хү́тэ́зэ́мтэ куні́ ти́итэ́ңу́рэ? Тэ́ти тахарябэ ңа́мтү́те тэндэ" ба́нтуо" ненатя"а" ка́ңгуйка"а" ла́мбате, ла́мбатэ́ хя́и" тэ́ти куні"а ти́итэ́ңа́те, тэ́ти ба́нсэ ңэ́зуты́ тэ", хү́тэ́зэ́рэ. Би́каа кунсы́ны хетү́а кунсы́ны итү́ң. Тэ́нэ куну́ну тэ́ти ңа́мтэ"э́ите ңэ́зуты́".

Тахаря тәтірә тәні"а мунуруса:

— Оу", — тәтірә тахаряа селуйкиарә мунумунутү, оу" тә тың җамтәгүмане әмә" тәәсеҗә ані"итеңуҗу", тә җәзүтеңыҗы" ниңы" сызырхобтә.

Тахаряа тәтірә хиәратә дигә ни тамтүдү"иҗә.

— Оу", тә сызырхобтә тәмуңкәу, тахаряа әмә" җамтүне маагәлитегитә тахаряа ані"ә" тәсиәҗә тә, җамтүне җәзүтеңыҗы" ниңы" сызырхобтә. Тә тахаряа, тымбятә лүңкүрүҗиң. Тыньсиәтә маа буагәлтәңың; тәбтәраа тәнә җәзә"суҗәм.

Тәтірә тахаряа дигә мәкиә тәсиәҗә тәмуңкурә, тәмуңку саруомәну кона"а. Селуйкиарә тәсиәҗә тә бәнү"ө, сеймыти кәнеҗуса дигә ни. Нягәи" тахаряа җануомәны дигә мәкиә лындия"кумәны бахиҗя"агүмү" бәзүахуаҗу", ненати"а" бахиҗя". Тәндә бахиҗия тахарябә җу"оҗә кунсымәны сиә"сы, тәндәты куньди...

Нягәи" тәтірә тахаряа ненати"арә куулүкүөны тахаряа кәбкүзи"ә, селуйкиа; тахарябә мунумунутү:

— Оу", тахаряа әмты тәмуңку күнiҗә җәзәтәңумә, тәрәди тә мантигүмү? Әи" тәмуңкуоу, тәмуңку сиәтә кунсыны тә хүтятүң. Тәти тәйбүрә җәзуты.

Нягәи" тахаряа дялымәны кәньдәйтүту, тахаряа тәмуңкурә нигәты касә"кәльти" мунә" маакәәмә сойбуту.

Оу", куулүңу күрәгүй коуҗу хиими"ә, денинся"ку денирәә ися кона"а. Тахарябә тәтірә тахаряа тә муну"о селуйкиарә:

— Тәу, җәмә"кәкуҗәум. Туо" тага"а, кәти күнiрианы кона"а әку. Күнiҗә җәзәтәңумә?

Нягәи" дялымәны коуҗуса җәмнамсуодеә. Нягәи" таанiә дигә мәкиә лындия"кумәны тахаряа ненати"арә тә кәртиру"иҗә, биәгитә. Тахарябә ненатя"а" бахиҗия"агүмәте мәнүү" мандi" тәтыитү". Нягәи" җәмә"кәса ненати"арә тә, тә дөзүлеңуҗу" ниңыҗә. Тахарябә тәтірә нәңхә тәмуңка"курә дяңку. Ненатя"а бахиҗя"атәну тахаряа җануо нелтәмурыңыҗы" ниңыҗә. Нягәи" тәндә бабитү дямуо кунсымәны хүтүдя тахаряа әмәниә куньдиты терәй бәньдей сиәди"ә, әмә" миҗәңүүтү иңәә маатү. Селуйкиарә тахаряа кәитi ни хеңәли"ә, котеҗу"кәдя тә. Курәгүй бәнсә кунсыҗы сиә"лы"иҗә тәмуңкүндә, селуйкиаты куньди терәй бәньдикаа җануомәны сиәди"ә. Тахарябә селуйкиарә тахаряа ниңыҗә тәляи" хеңимиди"ә тә. Тахарябә тәндәту бету кунсымәны коймуҗу тахарябә тә, тәйбәмту сиәди"ә тәмәәны җәтумы"ә. Тә"ә, оу, бәнсә тахарябә.

Тәмуңкурә тахаряа селуйкиату ни нягәи" нәнсу"иҗә. «Әи", бахигүмүмә әмты сылы мааңуна дегә"сытәҗы тахаряа тә", кухуҗу денунту тә"». Нягәи" лаңүли"иҗәу:

— Җүляҗә" иңәә", җарка" иңәә", бинти"си" иңәә", сатәрә" иңәә", тунды" иңәә", кәңгә мандi" моу нимәәны дөтүрүө" бәнсәру" туйңуруоу", бахиҗәму" коҗа"ам. Тә бахими" декәңыры"!

Няагэи” җарка” иҗэ”, җулязэ” иҗэ”, бэньде” җануо җунүгэли”индэ”, бинтэ”си” иҗэ”, тунды” иҗэ”.

Тэ”э, тахаряа маазу итеҗу тахарябэ. Няагэи” тэ мунумунутү:
—Тэйкэлҗуру”, тэти тахаряа сиедеты коигуоры” җэмсузэнэ ися, тэти җамяй миніҗи. Эмэніка хуаҗкүүтү” эмты җэмсуту” кэинікаа мэнэ күзүахүнэ җэмсузэнэ ися.

— Ээ”, коигуому”, — җарка мунумунутү.

Тахарябэ бэньде җэмэ”ки”эзүҗ җануо, бэньдя”ку ниңызыҗ җэмэ” җануо, латэараитү кой”э”. Маагэлите сиеде нинды” кой”, маагэлите минігэльте нинды” кой” җануо, бэнсэ нярэбты”эзыҗ, җуолы тээ җукэгүмү”. Кубуту бэризиа”мыэ” нербы”мыэраяй кой”э”.

— Тэ бүүгуну”, җойбүүтү” куні”а хорүүҗ”. Бэньде моу түүтэ бүүҗанду”, тахаряа эмты тэмуҗкуну” на тэсиэзэ, җулязэ ися тэнэ муунтэ”. Басэгэтэ, мунугэҗ тэсиэзэ: «җэмсурэ синьди”эу, меригяи” нэнсузиг».

Няту конынтындэ җулиарба”арэ тэмуҗкумту месу”ми”э:

— Кэзёу, маады тээ кундэ кундуаҗуҗ тэгэтэтэ? Тэти тахаряа эмэніэ җэмсате синьди”э”, меригэи” нэнсукэиг ахы!

Эи”, тэмуҗка”курэ сеймыти җыэтэндыҗ кэнүнтү”:

— Куніні иҗу”?

— Тахуу такээ итү, коныҗкэҗ ахы!

Латэадеаи” дя кона”а, тэмэаны тэмуҗка”курэ дөзүли”иэ, дөзүли”иэ, няагэи” тэти җулиарба”арэ хисили”иэ:

— Тэ, маагэльте тыңгүмүнтэ җэмсузэмтэ нинтымы” кой”, бэньдикаа җэму”ому”. Тэ тахаряа ані”эмэаны кундуа”.

Тэні”а буюды тахарябэ җойбуо хоркэбэтудя ненати”арэ нухэлэбты”иэ.

— Тэ, маагэлите җэмсузэмтэ маа ниңыҗ җэмэ”!

Эи”, тэмуҗка”курэ тэндэ моунтэ тахарябэ тялили”иэ тэ”.

— Эи”, маады кунтудөдеинэу!

Эи”, *скаску-то только*.

Олень и мышка

Оу, что это, мышка по полянке идёт, по своей мышиной тропочке. Оу, проходит вниз по расщелине горки. [А там] в тени один огромный хор пасётся, траву, листья, большие листья, тальник и всякое другое поедает, отбиваясь от комаров и оводов. [Мышка] к нему [подошла]:

— Казяю, зачем ты тут, почему ты так делаешь? — заговорила мышка.

— Оу, вот от комаров в тень [прячусь], ещё тут оводы бывают в полдень. Вот так здесь в тени и пасусь. Вот внизу ещё снег лежит, в этом снегу я охлаждаюсь. День такой жаркий. А ты, мышка, как ты меня нашла, что ты хочешь?

— Ну, я с тобой поиграть хочу, не хочешь?

— А во что?

— Давай сыграем в прятки. Кто из нас первым другого найдёт? Я тоже спрячусь, а сначала ты спрячься.

Ну, что теперь будет.

— Оу, ты, мышка, далеко ли уйдёшь [своими мышиными шагами], разве ты меня найдёшь, не найти тебе меня. Ну что же, спрячусь. Закрой глаза!

Под снег, подо мхом, под травой сунув мордочку, мышка спрятала лицо. Олень же пошёл наугад по ущелью, по большому, как обтёсанному, широкому и развилистому ущелью в горе, и там встал, опустив голову. «Ну что же, разве будет откуда-то [меня] видно?»

Потом мышка подняла голову.

— Казяю, куда же теперь этот олень делся? Где ж я его найду теперь? Куда-нибудь он пошёл, наверное. Где же я его найду?

Встала мышка на кочку на горе на задние лапки и оглянулась:

— Оу, — [говорит она] наугад, — ты, олень, свою огромную тушу где бы мог спрятать? Вот эти твои рога, их большие широкие отростки, концы этих отростков куда ты спрячешь, видно их все, и туша твоя [вся видна]. Ты в реке, в расщелине находишься. Там, где твои рога видны.

Когда [мышка] так сказала:

— Оу, — олень говорит, — вы, рога мои, действительно, наверное, совсем большие и на самом деле [отовсюду] видны, наверное.

Тогда он поднялся обратно на гору.

— Оу, и в самом деле, мышка, рога мои совсем большие и в самом деле [отовсюду] видны, наверное. Ну, теперь ты спрячься. Ты-то разве далеко шагнёшь, сразу же я тебя найду.

Тогда мышка пошла позади горы по мышиной тропке. Олень же лёг на горе, прикрыв глаза. А за горой на лайдочке, оказывается, грибы выросли, большие грибы. Продыравив один гриб, в него-то [мышка и спряталась].

Когда-то олень вскочил и говорит:

— Ну вот теперь эту мышку как я найду, такую маленькую-то? Эй, мышка, ты в мышшиной норке лежишь. Вон хвост твой виднеется.

Целый день повторяет [олень про норку], а мышка вроде как и не понимает, что кто-то её зовёт.

Оу, когда-то солнце уже склонилось к вечеру, прохладненько, прохладно стало. Тогда олень сказал:

— Ну что, поем-ка я. Ну её, она, наверное, ушла куда-то. Где я её найду?

За целый день он от жары проголодался. По лайдочке за той горой олень стал бегать, от запахов. А там были огромные такие грибы, величиной с кулак. Хорошенько поев, олень стал прохаживаться. А бедненькой мышки нету. Прямо вместе с одним большим грибом он её и проглотил. Тогда [мышка], по горлу этого дикого оленя пройдя, все его внутренности прогрызла, селезёнку и всё такое. Олень от боли на бок упал. Совсем всё внутри у него продырявила мышка, прямо все внутренности оленя она прогрызла. Тогда олень тут же прямо и упал. А [мышка] по кишкам, брюхо продырявив, [наружу] показалась. Невредимая.

Потом мышка на оленя встала. «Ох, олень-то этот, кто, интересно, сможет его разделать, шкура-то у него крепкая». Тогда она закричала:

— Пусть разные ходящие по земле [звери], хоть волки, хоть медведи, хоть росوماхи, хоть песцы, хоть лисы, — все пусть придут, я дикого оленя для нас убила. Разделайте нашего оленя!

Тогда и медведи, и волки — все стали вместе собираться: и росوماхи, и лисы.

Ну, теперь что... [Мышка] говорит:

— Подождите, вы вот теперь язык оставьте, чтобы я его [потом] съела, и одну почку. В сторонку их положите от этого мяса, когда я проснусь, я их съем.

— Хорошо, оставим, — сказал волк.

Тогда [звери] всё начали есть, всего [оленя] прямо полностью съели, одни только кости оставили. Ничего, ни языка, ни почки даже не оставили, всё полностью подчистили — конечно, их ведь так много. Оставили только клочки шкуры да шерсть.

— Ну что, теперь давайте уйдём, куда ваши головы смотрят. По всей земле расходитесь, а возле нашей мышки ты, волк, оставайся сторожить. Сообщи ей теперь, скажи: «Мясо твоё остыло, быстрее вставай».

Когда его товарищи ушли, волчище мышку подтолкнул:

— Казяю, почему ты так долго спишь-то? Мясо твоё остыло, быстрее вставай! Эх, у мышки в глаза всё ещё закрыты:

— Где [моя еда]?

— Вон там, иди же!

Пошла мышка к косточкам, походила там, походила, а волчище от души засмеялся:

— Мы для тебя ничего поесть не оставили, всё съели. Ну ты ещё дольше спи. Вот так сказав и мотнув головой, волк рысцой побежал [прочь].

— Никакого мяса ты не съешь!

Эх, мышка на этом месте от обиды головой закивала:

— Эх, зачем же я уснула!

Вот и вся сказка.

Рассказчик:	Курумаку Фёдорович Туглаков (1923/24 г.р.)
Автор записи:	Жан-Люк Ламбер
Место записи:	Усть-Авам
Дата записи:	1999 г.
Транскрипция и перевод:	Екатерина Николаевна Совалова, Мария Брыкина
Название текста в корпусе INEL:	TKF_990816_Lemming_flkd

The Reindeer and the Mouse

Oh, what's that? A mouse is walking through the clearing, on a mouse trail. It's going down the cleft of a hill. It's a warm day, and there, in the shade, a huge buck is grazing, eating grass, leaves, willow, and other things, fighting off mosquitoes and horse-flies. The mouse said to him:

"Kaziau, why are you here, why are you doing this?" said the mouse.

"Oh, I'm hiding from mosquitoes in the shade, and there are horse-flies here at noon. So I'm here in the shade grazing. There's still snow down here, I'm cooling myself in it. The day is so hot. And you, mouse, how did you find me? What do you want?"

"Well, I want to play with you. Don't you want to play?"

"What do you want to play?"

"Let's play hide and seek. Which of us will find the other one first? I'll hide too, but you hide first."

What's going to happen now?

"Oh, you mouse, how far will you get with your mouse steps? How will you find me? You will never find me. Well, I'll hide. Close your eyes!"

The mouse hid its face under the snow, under the moss, under the grass. The reindeer wandered into the mountain through a gorge as wide as if it had been cleaved, and there he stood with his head held down. "Well, will the mouse see me from somewhere?"

Then the mouse raised its head.

"Kaziau, where has that deer gone now? Where will I find him now? He must have gone somewhere. Where will I find him?"

The mouse stood up on his hind legs on a bump on the mountain and looked around:

"Oh," he says suddenly, "you, deer, where could you hide your huge body? Your antlers, their big wide branches, the ends of these branches, where did you hide them? All of them are visible, and your body, I can see it all. You are in a river, in a cleft. That's where I see your antlers."

"Oh," the deer said, "yes, my antlers are indeed really big and they can be seen from anywhere, I suppose."

Then he climbed back up the mountain.

"Oh, indeed, mouse, my antlers are quite large and can be spotted anywhere, I guess. Well, now you hide. Even if you go far away, I will find you at once."

Then the mouse went behind the mountain along the mouse trail. The deer lay down on the mountain side, covering his eyes. And behind the mountain on the tree barks, it turned out that mushrooms had grown, big mushrooms. Having pierced one mushroom, there the mouse hid.

Once the deer jumped up and said:

"Now how will I find this mouse, so small? Hey, mouse, you are lying in a mouse hole. I can see your tail!"

The deer keeps looking for the mouse the whole day, and the mouse doesn't even think that someone is calling him.

As the sun was already sloping toward the evening, it was getting chilly, it was getting chilly. Then the deer said:

"Well, let's eat. The mouse has probably gone somewhere. Where will I find him?"

The heat of the day made him hungry. The deer started running behind the mountain because of the smells. And there were huge mushrooms the size of a fist. After filling his stomach, the deer began to walk around. And the poor little mouse was gone. He swallowed the mouse together with a big mushroom. But as the mouse went down the throat of the deer, he gnawed through all his insides, spleen, and everything. The deer fell on its side from the pain. The mouse gnawed through everything inside of him, he gnawed through all the deer's guts. Then the deer fell down immediately. And through his guts, the little mouse chewed a hole in the deer's belly. The mouse was unharmed.

Then the mouse stood on the deer and said "Oh, this deer... will I be able to cut it? Its skin is strong." Then he cried out:

"Oh, the many beasts that walk on earth, wolves, bears, wolverines, foxes and arctic foxes, come all of you, I've killed a wild deer for us. Tear the deer apart!"

Then bears and wolves all began to gather together, wolverines and foxes came too.

Well, now what... The mouse says:

"Wait, leave the tongue and one kidney so that I may eat them later. Put them aside for me, when I wake up, I'll eat them."

"All right, we'll leave them," said the wolf.

Then the animals began to eat everything. They ate the whole reindeer, leaving only the bones. They left nothing, not even a tongue, not even a kidney, they completely cleaned everything – of course, there were so many of them. They left only scraps of skin and fur.

"Well, now let's go wherever your heads are facing. Go all over the land, but you, wolf, stay near our mouse. Tell her now, say: 'Your meat is cold, get up quickly.'"

When his companions left, the wolf nudged the mouse.

"Kaziau, why are you sleeping so long? Your meat is cold, get up quickly!"

The mouse's eyes are still closed.

"Where's my food?"

"Over there, come on!"

The mouse went up to the bones, and the wolf laughed heartily:

"We didn't leave anything for you to eat, we ate it all! You slept for so long!"

Having said so and shaking his head, the wolf trotted away.

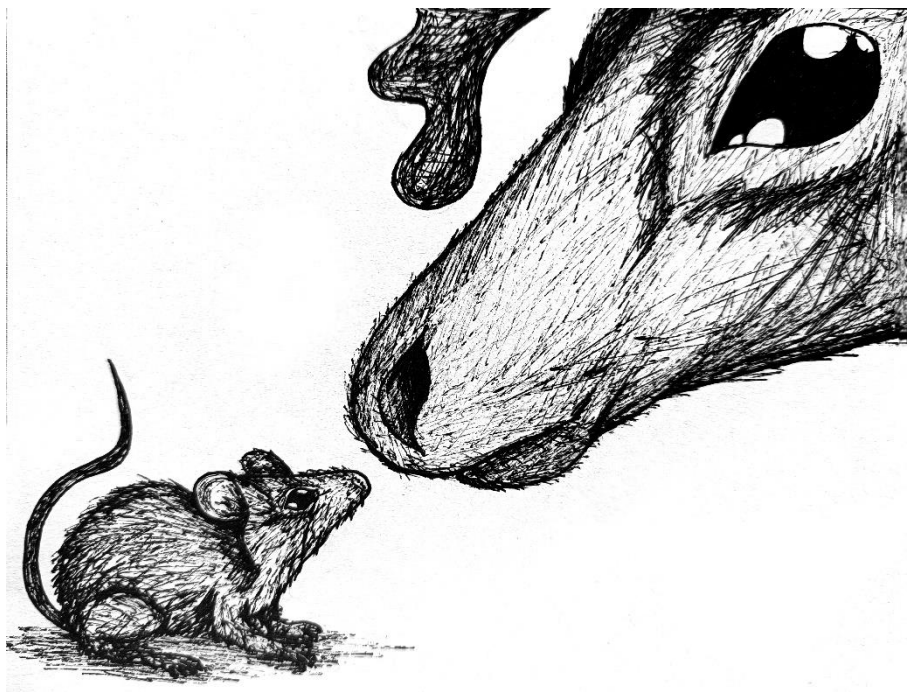
"You won't eat any meat!"

The mouse at this point nodded his head in resentment.

"Eh, why did I fall asleep!"

That is the whole story.

Storyteller:	Kurumaku Fedorovich Tuglakov (born in 1923/24)
Recorded by:	Jean-Luc Lambert
Place of recording:	Ust-Avam
Date of recording:	1999
Transcription and Russian translation:	Ekaterina Nikolaevna Sovalova, Maria Brykina
Identity in the INEL corpus:	TKF_990816_Lemming_flkd

5. Буэзу / РАЗГОВОРЫ / CONVERSATIONS

Буэзу

Тэ кэхы, хурбаадя дерызу”огэй Тэті мунунту хурбаадя кэхы дя:

— Кэхыэи, кэхыэи, тэ дяму”куні.

Кэхы мунунту:

— Тэ нисызэм, ниндым кэрбу”, Һару сеймяңкуне Һатэрандум.

— Оу”, Һару сеймяңкутэ батуодеэгүмүнті” куу” никээ куңкузээдя”кураарэ ләмбайтилэ”.

— Тэ маамсутэ. Мыңгүмүнэ куңкузъя”кунэ кэти ләмбаймэлитеби”, селуйкяи” котурубү” мэндырбя”и” котурубү”, тэнді” дерэ куу” хуатірүмүхуантанэ, нисизинэ дүбээры”, курэдити” няагэи” Һэмса” деркэтэ. Тахаряа тэнэ котурубүнүнтэ курэгүй хуодемынтэ, курэгүй” бэнсэ Һэмлусүзін кэльсү”өнді”. Курэгүй” сяхыгальтерэ хотэитү. Сяхырэ бэнсэ кэльсү”ө.

Тэні”а сязы”эгэй таруму”огэй.

Тахаряа таа, бахи дерызу”огэй. Бахи мунунту таа дя:

— Таау, бабимкүми.

Таа мунунту:

— Тэйбу найбэгэтэ хуаурубүнүнэ сылызэмэ күмсүзэ?

Тэ, тэті Һамяй бахи мунунту:

— Тэ-тэ канү” тинді” такэгүөзэ, Һагитате сойбукэндү”.

— Һуолы Һагитагүмане сойбу”, тэнэ тййбэдья”күмтэ мындысы. Тэнэ никээмэ сябырби”амтэ мынтыде”, котурубүнүнтэ. Тэні”а тахаряа Һагитяне сойбуту”.

Тэті тахаряа тэндэ Һансэ таруму”огэй.

Тэ тахаряа Һүлиаžэ, баң дерызу”о”, буотугэй Һансэ. Һансэ Һүлиаžэ мунунту банэ дя:

— Баң, баң, маадя ниңымы сүарүрэ”? Һүлиаžэ ися коныгуми.

Баң мунунту:

— Тоинүэу, ниндым кэрбу”. Бадя деңкүөтэ быкэрэбинэ сылызэмэ күмсүзэ?

Тэ Һамяй мунунту:

— Тэ, тэ-тэ, тэгэтэ ни” кэрбу”, канү” тинді” такэгүөзэ дяму”арэ тэ Һаңгутугэту, баарбэндэтэ хоси”лыбитэ.

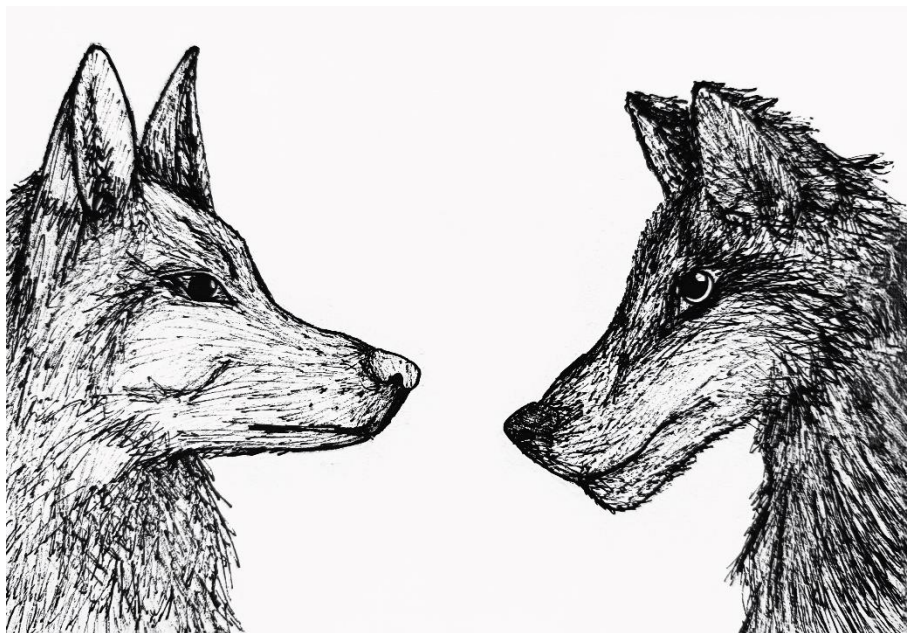
— Тэ Һуолынэ хосилы” ахы, маагүөй ментыңызы” нимыхяңым ахы, кэрутүөтэту мэнэ хоситэңы? Баарбэмэ кэрутэту нисызэ мэнэ хосиде”. Тахаряа маагүөй ментымымбатым Һэндяи”. Тэ тэнэ бадя” деңкүөтэ, хуаа” деңкүөтэ тэбэлэрубүтэ, мааžэрэ кумуңкээ?

— Тэ мэнэ котурубүнэ, куба”агүөмэ лайкурубүнүнтү, бэньде маатемэны милисиži”.

— Тэ мэнэ тэбтэ тахаряа баарбэмэ тэрэди”амэны мэнэ бэжүтэту. Лууэити мейхининти, лууты лутяули”э мэнэ, маантэну лууэы нэнсутэңыэ, лутяэа”а ися конысыээм. Ныы сэму ися конысыээм. Тэни”а тахаряа тэти баарбэмэ мэнэ дятэнэ тэбтэ няагэи” иихуанту.

Тэни”а тахаряа хүэтэ таруму”огэй.

Бэлта.

Разговоры

Встретились куропатка и ласточка. Ласточка говорит куропатке:

— Куропатка, куропатка, давай полетим за море.

Куропатка говорит:

— Не [полечу], не хочу, я своих людей стерегу.

— На старых [чумовищах], там, где было женское место, только грудные косточки твои белеют.

— Ну и что. Хоть моя грудная косточка и белеет, а когда хоров убивают, когда важенок убивают, вместе с ними [и] моё [мясо] варится, меня не выбрасывают из хорошего мяса. А если тебя убьют, [то бросят] там, где рубят дрова, и тебя всю черви съедят. Даже мясо у тебя с запахом. Мясо у тебя всё в червях.

На этом они закончили [разговаривать] и разошлись.

Домашний олень и дикий олень встретились. Дикий олень говорит домашнему:

— Эй, домашний олень, давай уйдём.

Домашний олень говорит:

— А если длиннохвостый [волк] на меня нападёт, кто меня защитит?

Ну, другой, дикий [олень], говорит:

— Да ну, за несколько хребтов слышно бывает, как ты хрипишь.

— Конечно, слышно, как я хриплю, я же брюхо твоё везу. Я же мясо твоё вожу, когда тебя убьют. Поэтому и слышно, как я хриплю.

На этом они тоже расстались.

Ну, теперь волк и собака встретились, разговаривают опять. Волк тоже говорит собаке:

— Собака, собака, почему мы не ходим вместе? Давай станем волками.

Собака отвечает:

— Не надо, не хочу я. Если я в железный капкан попаду, кто меня защитит?

Тот [волк] говорит:

— Ну ладно, тогда и не соглашайся, за несколько хребтов голос твой бывает слышен, когда хозяин тебя бьёт.

— Конечно, меня бьют: я же что-нибудь [не то] трогаю, просто так [разве] меня будут бить? Просто так хозяин меня не бьёт. Что-то я, значит, трогаю. А ты, когда в железный капкан или в деревянный капкан попадёшь, кто тебе на помощь придёт?

— Ну меня [зато] если убьют, шкуру мою если высушат, за что угодно её [можно] продать.

— Ну, меня хозяин тоже хорошо растит. Если парку будет шить, на опушку для парки меня использует; из чего парка станет [сделана], опушкой для

парки я стану. Женской шапкой стану. Так что мой хозяин со мной хорошо обращается.

Так они навсегда и расстались.

Всё.

Рассказчик:	Валентина Бинталеевна Костеркина (1938 г.р.)
Автор записи:	Жан-Люк Ламбер
Место записи:	Волочанка
Дата записи:	1997 г.
Транскрипция и перевод:	Серафима Мудимеевна Купчик, Мария Брыкина, Беата Вагнер-Надь, Валентин Гусев
Название текста в корпусе INEL:	KVB_97_Animals_flkd

Conversations

A partridge and a swallow met. The swallow says to the partridge:

“Partridge, partridge, let’s fly over the sea!”

The partridge says:

“I won’t fly. I don’t want to; I’m guarding my folk.”

“In the old tents, there, where the women’s place was, only your breast bones turn white.”

“So what? Let my breast bone turn white. But when they kill reindeer, when they kill cattle, they cook my meat together with them, they won’t throw my meat away. And if they kill you, they will throw you where they chop wood, and worms will eat you all. Even your meat stinks. Your meat has worms all over it.”

So, they finished talking and left.

A domestic reindeer and a wild reindeer met. The wild reindeer says to the domestic one:

“Hey, tamed deer, let’s go!”

The domestic deer says:

“And if the long-tailed wolf attacks me, who will protect me?”

The wild one says:

“Come on, I can hear you wheezing a few ridges away.”

“Of course you can hear me wheezing, I am carrying your belly. I’m carrying your meat when they kill your kind. That’s why you can hear me wheezing.”

Then they parted, too.

Now the wolf and the dog have met and are talking. The wolf tells the dog:

“Dog, dog, why don’t we walk together? Let’s become wolves!”

The dog says:

“No, I don’t want to. If I fall into the iron trap, who will protect me?”

The wolf says:

“All right, then don’t agree, your voice can be heard over several ridges when your master beats you.”

“Of course they beat me: if I touch something I shouldn’t, will I be beaten just like that? The master doesn’t beat me just like that. Only if I touch something I shouldn’t. And you, when you fall into an iron trap or a wooden trap, who will come to your aid?”

“Well, if they kill me, if they dry my skin, they can sell it for anything.”

“Well, my master also raises me well. If he makes a parka, he will use me for a parka, I will become a cover for the parka. I will become a woman’s hat. So my master treats me well.”

So, they parted forever.

That’s all.

Storyteller:	Valentina Bintaleevna Kosterkina (born in 1938)
Recorded by:	Jean-Luc Lambert
Place of recording:	Volochanka
Date of recording:	1997
Transcription and Russian translation:	Serafima Mudimeevna Kupchik, Maria Brykina, Beáta Wagner-Nagy, Valentin Gusev
Identity in the INEL corpus:	KVB_97_Animals_flkd

6. Тунты / Лисица / The Fox

Тунты

Тунты хежытыты. Маауна коуньде нэжи”э, коуньдя”ку. Тэндэмты сакүдү”ө һануо хиня”кумэны бэньде, тэндэмты мындыкэты. Маауна нөму”уэ нэжи”э.

— Кэжиэу, — нөму мунунту, — маарэ тэти коуньде?

— Маа эмтырэ нуонтэи” хожүр.

— Оу, нуонтэи” хожүр икүөбүтү тахаряа тэ һонима”а тэгэтэтэ, күни”а тэтурухуажаэ нуонтэитэ хожүркүмү.

— Маа дятэнэ лүө”са тэ” мунудүө тэ эмэ тэжүтэбү”өту: «Кэдира мэдера, кэдира мэдера»⁴. Оу, тэ тэнэ кумунсужэ лүө”сижэкэбүтэ, нөму? Эмты хожүрмэ нияжажэ конду”, лүө”са нэтэбүтэ лакаряи” кумунсужэ?

— Маа мэнэ мунусүжэм «сүкүсяли хүүлүк, сүкүсяли хүүлүк»⁵.

— Оу маа тэтирэ нинтуу буожау, нигэһ тэни”а мунэ”, — тунты муну”о. — Эмы”ыа нуо”, эмты коуньдемэ мынтэлэтэ. Коуньдемэ мынтэлэ”, маагүө тэтэ” тэмункуй нэтэбүтэ, маараай, дямакуй нэтэбүтэ, бэньдикаа” нунүгүүтэ”, такэа хирэмы”ыа мамэ тэитү, мажуйся. Тэндэ нунүгүүтэ”, бэньдикаа” тэтэ” моу терэ”, нуняне бэньде”, тэнэ нөму ися канимэли” никэһ дөтүрэ”.

— Тэ-тэ ижэ, нунүгүне эмэ хожүлятэһынты.

Тунты кэрутыты тэтиляи” моунти”... тэндэ коуньдемту миси⁶. Тахаряа: «Оу, манүте нэндяи” нуня”индэ” эмэниэ мажуйсяндэ, бэньдикаа” һануо нунүбажэтэ” тахаряа: тэмунку” тансэ, бэнсэ мануо маа”күрааһузу” эмэ”, хурба” ижэ”, бэнсэ-бэнсэ. Коныгужэм».

Тэ тунты тахаряа муну”о:

— Хожүрнэ кэрсу тэрэди дебту”ки”эмэ тыминя. Нөму тэтүдүөдэ хотүрэ дебту”ки”эм кэрсу. Тахарябэ тыминя сылыры” ти дямуо сегэлүху, дямүүтүһ алыгаку”, тэндэти” һэмсатэбахуму”. Тахарябэ дямуо тэһкэгэ тахарябэ бүү”нартэтэндэ”. Тэ-тэ, һаһкэрэкуну” нири.

Тэ нуолы һануо тэмунку маа *хособкату* дяһку, дямуожу маа һонэ тахаряа⁷.

— Тэ тахаряа дямуо” сегэлүкуну” тахаряа тыминя малтыгуму”, — тунты муну”о.

[...] Тэ тэһдыти һэмса”са тунты тахарябэ тэ тэһини һэмуркэту хүөтэ. Тэ нуолы тэти тэмункатү сүдя”аһузу” нү”, канэгүө хүөмэну минтя

⁴ набор ничего не значащих звуков

⁵ набор ничего не значащих звуков

⁶ незаконченное предложение

⁷ незаконченное предложение

нэмсамумбататү. Нөмүгүө” хуаңгү”ө” эку, нуолы тэңгуди”аитүң тэндэ” нөму”.

Тэ тахаряа тунтырэ тэтіляй” моунтэ бий”айзэ. Тэтіляй” моунтэ бүүдя: «Оу, нэмнаму”ом тэ” тыминягүмү». Норуо ихуазу. «Мааңуна эмэніэ хуаа”а ниде ныэру мунгутэңаэ?» Ныэра”ату дя:

— Ныэру, тэ” мэнурэ тэті ну”ои”.

— Маа, нисызэмэ тэзу”, маа тэзүтэңум.

— «Нисызэмэ тэзу”» эмты мааңуна, эмты лакумэ мииніэ хуодемэ ниңың нэзу””? Тэндэтэны кэну”обтугуом тэндэ хуаамтэ.

— Оу, тэ-тэ някэлэкээрэу, някэлэ” нуомэ, някэлэтэу.

Ну”оэзэ мэнумту мэнэгэтя”а. Тэ тэндэмту нэмса тэтіляй” моунтэ... сээмту нөмү”ө тунты⁸.

Тэлиа моунтэ тахарябэ бүүдя тунтырэ, тэндэ хуону тахаряа дяма”ку туу”о, тэндэ ныэра”атэту:

— Каэяу, маадя ныэру дэрэңуң?

— Эмэніэ тунты тэ тахаряа мэнумэ някэли”э, нэму”о. Нуомэ нэму”о.

— Куні”а тамтүңаэзэ тэгэтэ хуаатэ ни?

— Маа, мунудүө тэ, «эмэніэ тэйбумэ эмты *шелеза*, эмты басамэ тэитү тэйбумэ, бадя”туо лакумэ тэитү, тэндэтэны кэну”обтусузэм хуаамтэ».

— Оу, тэтірэ сээна”а мабтабта ихүтү, эмты нинтуу тэтірэ лаку. Тэтірэ тэйбузу кэрутэту, тэйбузу тэті. Нонэи” туйхүтү мэнумтэ ниихя”миде”.

Тэ, тэ-тэ, тахаряа дяма”ку бий”а. Тахаряа тунты туйтү:

— Тэ ну”ои” мэнурэ тэ”.

— Маа, нисызэмэ тэзу”.

— Маадя нинтэңырэ тэзу”, кэну”обтуңузу” нинтэңым тэндэ эмэ лагутэңунэ.

— Маа, нинтуу ибаху лаку тэгүмүрэ эмты, эмты ибаху мануо кэрутэту тэйбурэ ибаху тэ”.

— Оу, сылы мунубу?

— Маа, дяма”ку тэ” мунудүө, лянкуобті”э.

— Тэикэлэ”, нэзэтэтумэ лянкуобті”эгүмүмтү.

Тахаряа бий”айзэ тунтырэ тэтіляй” моу дя. Тахарябэ ма”адей нэзи”э: «Мануо дяма”ку хуантуобтундэтумэ». Тахаряа тэндэ кирбамүи” дерэ тоньдйямэбгы”изэ. Тунтырэ бэнсэ тэку”изэ. Бэньде мануо нербымүөнтіні тэку”о хүтэзэмту. Хүтэзэмту тэса тахаряа нэңэмту бяри”э, нэнтү тахаряа кирибьяла”куму”о. Тэмээны тахарябэ дяма”ку туу”о, нуолы хорэзу нинты нэзу” *больше*, тунты. Тахаряа дяма”курэ тэндэ кэтуо”ки”э, тэндэ кир, маа. Нэрсуми”эзу. Дяма”ку тахаряа:

⁸ незаконченное предложение

— Оу, мэнэ толымэлыиң, мэнэ толымэлың. Тэ тахаряа мэнэ толими”эуң. Эмэаны куні”агүө тимите делэбэтугэлэ”.

Тэ нуолы делэбажа”атү. Дяма”курэ кэмсыжи”э тахарябэ деңкэжи”э тахаряа: — Тунты, канкэгэльте кадытэ нонэи” нисыжэң мэнэ хуантуобту”. Бии”ам мэнэ хүөтү”.

Тэ тэгэтэ тахарябэ бии”аижэ тунты тэтиляи” моунтэ. Тэтиляи” моунтэ бүүдя тахаряа тунтырэ нэжи”э нүлиарба”а.

— Оу”, сүаму, нуотену дөжүрхүні эхы?

— Тэ маамсутэ, дөжүркүми.

Тэнижэ тахаряа кона”агэй нүлиажа на нуойтену. Кэжяа, маануна эмтырэ *медвеи* тамну нэмуру, нарка нэмуру, эмты дигэты бэнтүажу дикэра”а нини, хуаньдехуа”а мануо хуаа”бала”а.

— Тэ-тэ, нуотену нилыгумэи”?

— Тэ-тэ нилыгуму”, — *медвеи*.

Тэ тундя”ку мунунту:

— Эмэ дигэ ни кунтугунэу”.

— Тэ-тэ, кунтугуну”.

Тэндэ тахаряа кунтудя, дигэты ни кунтудя, тахарябэ тэти мэнэгэй”э тэти *медвяжи* дигэ ниле, хуаати” бэнсэ летерэри”ижа. Тэндэмти тахаряа дили”эгэй нүлиажа нану бэндү”уэ. Тэндэмти тахаряа тэни”а дилэди, тэкэите кэхили”эгэй кубумту.

— Тэ нүөжиркүмеи”, — тунты мунунту, — мэнэ лабсэжэми хуулекужэм.

Ма”адети” лабсэ нэжи”э. Тэндэ тахаряа тунты муну”о:

— Тэ, мэнэ нуо икужэм, мэнэ түжүни неимириай нэмса”кужэм.

— Тэ-тэ нэмсадүне.

Тэндэ тахаряа тоньдэйтисы тундя”курэ дөрэлэгэтажа. Тэни”а дөрэлэбүнүнтү нүлиарба”а бэньдей түлиай митэкэты.

— Оу, — нүлиажа мунумунутү, — тэ мымбянэ нуомкужэум.

— Тэ-тэ нуомэ”.

Тахаряа нүлиажа”ыамты бэньде сэрми”э тунты, бэньде бынынтини сэрми”эты. Тэндэмты сэрмэди тахарябэ, тэтирэ муну”о:

— Нэмсүжэмэ тэжукэаң.

Нүлиарба”а дөрэли”ижа.

— Туо”, нисыжэм тэжу”, ысыэ, «тэжу”», тэндэ тахаряа латэите деңкылэндэтында” нэмэгэй”.

Тунтырэ тахарябэ тэндэ *медвеи* сябы бэньде нэмса тэтиляи” моунтэ бии”аижа. Тэндэту хуоны нүлиажады”а хүөтэ ну”ожа моунтэну наңгутугэтэу:

— Мэнэ нөтибтыңыры”!

Дебту” мануо туйкэту”, дебту” туйхү”:

— Мың хүдүүнү” хойхатындэи”.

Нүөны тутүтэ мунудүө:

— Тэ-тэ, — сохү”ө нүөны, — тэ-тэ, тэнэ нөтибтыкужэм.

— Кодүтэмтэ тэжү”ки”эм, кай дямуорэ тахаряа, дямуонэ мантэ коньцүэ.

Тэ, тэни”а тахарябэ тэндэмты нөтибты”э, тахарябэ нүлиажэту бии”аижэ.

Нүлиажэ бии”а: «Кэжяа, тунтыгүмүмэ тэ эмты тыйбээдеэ нэтэбату. Тэндэ тыйбээдеэ тахарябэ тимимті коибяты, тэ нунуза”а исүжэ, тэгэтэ тэнэ нэжэсужэм тэбтэрыа. Оу, маануна тунды мажэ”эмэ”, тунды мажуйся». Тэндэ мажэ куньди тии”э, тэндэ мажэ куньди тииди тахаряа тунтыгүмү”тэниэ”итуо” нукэйкяу.

Тэ, тэни”а тунтырэ тахаряа муну”о:

— Сүамане хисилебтыгүжэм.

Тэ тэйбумту дыйна”а:

— Тэйбухуру”, тэйбухуру”.

Нямаядүмэ” мунтэриркэту”, мануо тундя”ку, тимимті тянхэжысыэдиа”ку мунтэриркэту.

— Оу, — мунунту, — такээ нэндяи” мэнэ муа”кусүөдеэгүмү.

Тэндэту кадя нүлиажа”арэ кона”а. Тэндэты кадя коньди тахаряа нүлиажэрэ мунунту:

— Нойбуомэ нэжэу”, сүамэ, — тундыты дя.

Няагэи” тундя”куты дя тоньдямэбты”э, оу, тундя”куты дя муну”о:

— Хүага”амтэ тэни”аряи” мэндэбсэбтыхяажээм сакэлэраадя.

— Мэнэ нэндяи”, хири”амтэ кэну”обтубуаажээм нэндяи” сэтэдехиажээм тимиратиинэ.

— Тэ-тэ нэтэгуми няни, мэнэ хүөга”амтэ нэтэгүжэм, тэнэ хири”амэ каңкагэң.

— Тэ-тэ, нэтэумкуми.

Тэни”аряи” мануо тундя”курэ нонгэлмэбтура”а, нуо”күтү кэну”обтура”ижэ. Тэндэ комэ” тунды” тахаряа бэньдикаа” хуаңгү”ө”, моунтуң дя куні”аряи” хүли”индэ”, тэндэ тундя”кумты тахаряа тэндэ нэму”оту нулиарбы”ыарэ.

Тахарябэ тэти хяижы, *это конец-то.*

Лисица

Идёт лиса. Нашла какой-то плавник, плавничок. Покусала его весь на мелкие кусочки, таскает [его с собой]. Встретила зайца.

— Казяю, — говорит заяц, — что это у тебя за плавник?

— Да это приказ царей.

— Оу, если это приказ царей, как же, интересно, принесли [этот] царский приказ?

— А что, мне же русский сказал, когда этот [приказ] передавал: «Кадира мадера, кадира мадера». Оу, а ты, заяц, как скажешь по-русски? Если бы ты это моё письмо унёс, если бы русского вдруг встретил, как бы ты сказал?

— Ну, я скажу: «Сюкюсяли хюлюк, сюкюсяли хюлюк».

— Оу, это не [настоящее] слово, не говори так, — сказала лиса. — Сделай вот как, возьми этот плавник с собой. Возьми мой плавник, и если каких-то мышей или птичек встретишь, или других [зверюшек], то [скажи им:] пусть все вместе соберутся, у меня есть такой большой, как возвышенность, чум, чистый чум. Там пусть все соберутся, всех живущих на земле [зверюшек] собери, ты же, заяц, совсем быстро бегаешь.

— Ну ладно, соберу, по этому твоему приказу.

Лиса, отдав этот плавник, [пошла], куда глаза глядят. И [думает]: «Оу, они, наверное, уже собрались в этом чистом чуме, наверное, все уже собрались: семейство мышей, всякая мелкота, ласточки, все-все. Пойду-ка я».

Ну, лиса говорит:

— Сейчас я расскажу вам, о чём приказ. Я расскажу, о чём тот приказ, который принёс заяц. Тех, у кого голос писклявый, у кого голоса тоненькие, тех мы, говорят, съедем. А те, у кого голоса сильные, отойдите [в сторонку]. Ну, давайте все вместе крикнем.

Ну конечно, у мышки помощи нет, какой у неё голос [будет].

— Ну, теперь тех, у кого голоса писклявые, мы сейчас съедем, — сказала лиса.

[...] Поедая этих [мышек и других мелких зверей], лиса ест и ест всё время. Конечно, эти мышки кончились, уже больше нескольких лет она их ела. Зайцы-то убежали, наверное, конечно, они же самые сильные [среди мелких зверей], эти зайцы.

Ну, теперь лиса пошла, куда глаза глядят. Куда-то пошла [и говорит про себя]: «Оу, я теперь проголодалась же». [А] была, оказывается, весна. [Лиса смотрит:] «Что это там за канюк сидит на дереве в гнезде?». [Она говорит] канюку:

— Канюк, дай мне одно своё яйцо.

— Зачем же, не дам, зачем это я его отдам.

— Как это «не дам», вон у меня сзади есть меч, разве ты не видишь? Я этим [мечом] срублю это твоё дерево.

— Оу, ну бери, бери моего ребёнка, бери его.

[Канюк] сбросил вниз одно яйцо. Съев его, лиса утолила голод и [пошла], куда глаза глядят.

После того как лиса ушла, куда глаза глядят, прилетела птичка и [говорит] этому канюку:

— Казяю, почему ты, канюк, плачешь?

— У меня тут лиса яйцо отобрала и съела. Ребёнка моего съела.

— Как же она забралась к тебе на дерево?

— А что, она сказала «у меня хвост железный, у меня есть железный хвост, меч у меня есть, я им срублю твоё дерево».

— Оу, какой же [ты] бестолковый, это же не меч. Это же просто хвост, хвост это. Если она ещё раз придет, ты яйцо своё не отдавай.

Ну, птичка улетела. Тут лиса приходит:

— Дай-ка [мне] одно яйцо.

— А вот не дам.

— Как так не дашь, я же срублю это [дерево] вот этим мечом.

— Ну нет, это, говорят, не меч, это, говорят, просто твой хвост.

— Оу, кто это сказал?

— А что, птичка сказала, пуночка.

— Подожди, найду я твою пуночку.

Ну, теперь ушла лиса, куда глаза глядят. Нашла старые чумища [и думает]: «Я ту птичку перехитрю». Улеглась она там среди мусора. Целиком [в него] зарылась. Всю себя она спрятала в старые клочья шерсти. Спрятавшись, [лиса] открыла рот, и в рот к ней залетели мухи. В это время прилетела птичка — конечно, мордочки не видно больше у лисы. Птичка стала там клевать мух, да всякое другое. [Лиса] и схватила её. Птичка [закричала]:

— Оу, не ушиби меня, не ушиби меня. Ты меня ушибла. Ты как-нибудь свои зубы ослабь.

Конечно, [лиса] ослабила [хватку]. Птичка вспорхнула, оглянулась:

— Лиса, никогда рядом с тобой [я больше не сяду], больше ты меня не обманешь. Ушла я навсегда.

Лиса тогда пошла, куда глаза глядят. Идя куда глаза глядят, лиса встретила волка.

— Оу, брат, может, вместе будем ходить?

— Ну что ж, пойдём [вместе].

Пошли они тогда вместе с волком. Казяю, что это, медведь там ест, медведь на вершине горы, а на горе густой лес с деревьями.

— Ну, [медведь,] давай вместе жить будем?

— Ну, давайте [вместе] будем жить, — медведь [отвечает].

Лисичка говорит:

— Давайте на этой горе ляжем спать.

— Ну, поспим.

Уснув там, на горе уснув, этот медведь упал вниз с горы, и деревья его всего проткнули. [Лиса] с волком подняли этого [медведя] наверх. Подняв его [наверх], они сняли с него шкуру.

— Давай [теперь] поиграем в детей, — говорит лиса [волку], — я пойду поищу люльку.

На старом чумовище она нашла люльку. Потом лиса сказала:

— Давай я побуду ребёнком, я только самое вкусное, жирное буду есть.

— Ладно, ешь.

Лёжа [в люлке], лисичка начинает плакать. Как она заплачет, волчище весь жир ей отдает.

— Оу, — говорит волк, — давай теперь я стану ребёнком.

— Ну что ж, стань ты ребёнком.

Лиса волка всего крепко перевязала, всего его верёвками связала. Когда она его связала, [волк] сказал:

— Дай мне еды.

Волк начал плакать.

— Нет, не дам, вот ещё, «дай [еды]», [пусть] одни кости от тебя останутся.

И лиса, съев всё мясо медведя, пошла, куда глаза глядят. А бедный волчище, после такого [обмана], [лёжа] на одном месте кричит и кричит:

— Освободите меня!

Гуси [мимо] пролетают, пролетая, гуси [говорят]:

— У нас клювы [слишком] тупые.

[А] гагара, когда прилетела, сказала:

— Ну что же, — гагара приземлилась, — я тебя освобожу.

— [А] я тебе [за это] подарок дам, пусть твой голос станет как мой голос [— сказал волк].

Тогда [гагара] его развязала, и волк ушёл.

Волк пошёл [и увидел]: «Казяю, моя лиса-то [оленье] брюхо нашла, оказывается. На этой брюшине она свой зуб оставила, заметно будет, по этой примете я тебя точно найду. Оу, что это за лисьи чумы, лисий чистый чум». Он зашёл в этот чум, а зайдя в чум, [он увидел, что] лис-то там очень много.

Одна лиса тогда так сказала:

— Рассмешу-ка я своих сестёр и братьев.

Она завиляла хвостом и [стала говорить]:

— Тэйбухуру, тэйбухуру.

- Другие [лисы] улыбаются, и та лисичка, которая сломала зуб, улыбается.
- Оу, — говорит [волк], — вот это, наверное, та [лиса], которая меня мучила.
- К ней волчище и подошёл. Подойдя к ней, волк сказал:
- Проверь мою голову, сестричка, — лисе [сказал].
- Оу, прилёг он к лисичке [на колени] и сказал ей:
- Мне бы хватило одного укуса, чтобы перегрызть твоё колено.
- А я бы, наверное, затылок твой переломила бы, наверное, снесла бы его только так зубами.
- Ну, давай померяемся силами, я твоё колено попробую [перекусить], а ты мой затылок попробуй перекусить.
- Ну давай, посоревнуемся.
- Только так хватанул [волк] ту лисичку зубами и откусил ей ногу. Остальные лисы все убежали, по всей земле разбежались, а эту лисичку волчище тут же и съел.
- Вот и всё, конец.

Рассказчик:	Короре Хитиптеевич Кокоре (1918 г.р.)
Автор записи:	Жан-Люк Ламбер
Место записи:	Волочанка
Дата записи:	1992 г.
Транскрипция и перевод:	Екатерина Николаевна Совалова, Мария Брыкина
Название текста в корпусе INEL:	KK_92_Fox_flkd

The Fox

A fox is walking around. She found a nice little fin, tears it into small pieces, and carries it. She met a hare.

"Kaziau," said the hare, "what kind of fin do you have?"

"It is an order of the tsars."

"Oh, if it is an order of the tsars, I wonder, how did you get such an order?"

"What the Russian man told me when he gave me the order was 'Kadira madera, kadira madera.' And what would you say in Russian, hare? If you carried this letter of mine, if you suddenly met a Russian, what would you say?"

"Well, I would say 'sukusyali huuluk, sukusyali huuluk.'"

"Oh, these are not real words, don't say that," said the fox. "Do this: take this fin with you. Take my fin, and if you meet any mice or birds or any other animals, then tell them: 'Let's all gather together, I have a tent as big as a hill, a nice and clean tent.' Let's all gather there, gather all the animals living on earth; you are a hare, you run very fast."

"All right, I will do as your order says."

After giving away his fin, the fox went wherever the road took her. She thought "Oh, they must have already gathered in the clean tent. Probably, all of them have already gathered together: the family of mice, all kinds of small critters, even swallows, all of them. I'll go now."

And the fox says:

"Now I'm telling you what the order is about. I'm telling you what this order is, which the hare brought. Those who have squeaky voices, those who have thin voices, they are ordered to be eaten. And those who have strong voices, will step aside. Well, let's shout together."

Of course, the mouse can't help the kind of voice it has.

"Well, those who have squeaky voices, you will be eaten now," said the fox.

[...] So, there was the fox eating mice and other small animals; she eats and eats all the time. After a while, there were no mice left, as she had been eating them for a few years. Hares have probably run away, as they are the strongest ones among small animals, those hares.

Well, now the fox went wherever the road took her. As she gets somewhere, she says to herself: "Ah, I'm hungry now." It was spring. The fox looks up. "What is that buzzard doing sitting on the nest in the tree?". She says to the buzzard:

"Buzzard, give me an egg."

"Why, I won't give you any... why should I give you an egg?"

"What do you mean? I have a sword on my back, don't you see? I'll cut down this tree of yours with this sword."

"Oh, take it, take my child, take it!"

The buzzard threw down an egg. After eating it, the fox filled her belly and went wherever the road took her.

After the fox had gone wherever the road took her, a bird flew to the buzzard's nest and said to the buzzard:

"Kaziau, buzzard, why are you crying?"

"A fox took my egg and ate it. She ate my child."

"How did she get into your tree?"

"She said, 'I have an iron tail, I have an iron tail, I have a sword, I'll use it to cut your tree down.'"

"Oh, you're so stupid, it's not a sword. It's just a tail, it's her tail. If she comes again, don't give up your egg."

Well, the bird flew away. Here comes the fox:

"Give me an egg."

"No, I won't give you any."

"I will cut your tree down with this sword."

"No, they say it's not a sword, they say it's just your tail."

"Oh, who said that?"

"A little birdie said, a little birdie told me."

"Just wait, I'll find that little birdie of yours."

So, the fox went wherever the road took her. She found some old tents and got an idea: "I'll kill that bird." He lay down there among the garbage. She burrowed her whole body in it. She hid herself completely in old shreds of wool. After hiding, the fox opened his mouth, and flies flew into her mouth. This way, when the bird flew there, the fox's muzzle couldn't be seen anymore. The bird started pecking flies and other insects. The fox grabbed the bird. The bird screamed:

"Ah, don't hurt me, don't hurt me! You bruised me. Loosen your grip!"

Sure enough, the fox loosened her grip. The bird fluttered his wings and looked back:

"I will never get close to you again, Fox, you will never deceive me again. I'm gone forever."

Then the fox went wherever the road took her. As the fox was going wherever the road took her, she met a wolf.

"Hey, brother, why don't we walk together?"

"Well, let's walk together."

So, they walked together. Kaziau, what is it? A bear is eating there... a bear, on top of the mountain. On the mountain, there is a thick forest with trees.

"Hey, bear, how about living together?"

"Well, let's live together," said the bear.

The little fox says:

"Let's go to sleep on this mountain."

“Well, let’s sleep.”

And they fell asleep there. While sleeping, the bear fell down the mountain, and the trees and bushes pierced him to death. The fox and the wolf lifted the bear up. After lifting him, they skinned him.

“Now let’s play pretend... imagine we are children,” said the fox to the wolf, “I will go and look for a cradle.”

He found a cradle in the old tent. Then the fox said:

“Let me be the child, and I will eat only the most delicious, fatty things.”

“All right, eat.”

Lying in the cradle, the fox begins to cry. As she cries, the wolf gives her all the bear lard.

“Well,” says the wolf, “let me be the child now.”

“All right, you will be the child.”

The fox tied up the wolf tightly, tied him up with ropes. When she had tied him up, the wolf said:

“Give me food.”

The wolf began to cry.

“No, I will not give you food, say ‘give me food’ once more, and only bones will be left of you.

After eating all the bear meat, the fox went wherever the road took her. And the poor wolf, after such a deceit, was lying there shouting:

“Release me!”

Geese were passing by. While flying by, the geese say:

“Our beaks are too blunt.”

But the loon, when it flew by, it said:

“Well,” the loon landed, “I’ll set you free.”

“And I will give you a gift for this”, said the wolf, “let your voice become like my voice.”

Now the loon untied him, and the wolf left.

The wolf went and saw: “Kaziau, it seems my fox has found a reindeer’s belly. She left her tooth in this belly, I can recognize you by this, I will definitely find you. Oh, what is that? That clean tent is the tent of the fox?” He entered the tent, and he saw that there were a lot of foxes in there.

One of the foxes then said:

“I’ll make my sisters and brothers laugh.”

She wagged her tail and began to speak:

“Teibuhuru, teibuhuru.”

The other foxes smiled, and the fox who had broken a tooth, also smiled.

“Oh,” says the wolf, “it must be the one that tormented me.”

The wolf went up to her. Approaching her, the wolf said:

“Look at my head, sister,” he said to the fox.

He went up to the fox on his knees and said to the fox:

“It would take me a single bite to gnaw your knee.”

“And I’d probably break the back of your head, I’d probably tear it down just like that with my teeth.”

“I’ll try to bite your knee, and you try to bite the back of my head.”

“Come on, let’s compete.”

Just like that, the wolf grabbed the fox with his teeth and bit off her leg. The other foxes all ran away, all over the land, and the wolf ate the fox.

That’s the end, the end.

Storyteller:	Korore Khitipteevich Kokore (born in 1918)
Recorded by:	Jean-Luc Lambert
Place of recording:	Volochanka
Date of recording:	1992
Transcription and Russian translation:	Ekaterina Nikolaevna Sovalova, Maria Brykina
Identity in the INEL corpus:	KK_92_Fox_flkd

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ / MYTHS AND LEGENDS

7. ТУУ КЭНТЭ / САНКА ОГНЯ / THE SLEDGE OF FIRE

Туу кэнтэ

Хүнһсерээны манаку” моу маамтэбү”ө, манаку” нилу нилумтэбы”э, нилыдиэ ибаху бэйкүмүнтүө ҕанаса, сэмату, немьбты”ыаты нану. Ыуоляи” тэисүө ибаху нүөзи, ны, манаку” кобтуамтэнда”ку, нуманаңку. Тахаряби” тэти бэйка”а дүтилы”ыа исүө ибаху, ҕэтурунды”ыа каса”. Дүтенынты маараай дүдикэбыхыи. Хелыны тахаряи” эмэниэу кунигүөзэ диндикэбыхы дямуо. Сылы” маараа” буокэбаху” дязэту. Эмлэди” басуза” тусуза” тэради” мааңалэ”.

Тахаряа ҕуоэу” сыты тэни”а ҕансэ кундуаса дүти”ки”э. Оу күзү”үа, тээсезэ сииэи нэңхэ. Немьбты”ыазы мунунту:

— Оу, маарэ куні”а мейҕыза, маадяа тэни”а иңуң?

— Тахаряа маагальтегэтэ нэңхэмэны дүти”ки”эм. Эмэниэу нийбыза сылытекүө дятэна мунунту:

— Тэна хуйҕың туй?

— Ээ, маадяа нинтэңым хуу”, хутим туу.

— Тутемту тэзусуэум! Хекутыэ ҕэмсу хиритэсызэң, ҕэмса”сузэң хихиэй, сүрүдэ матэ кунсыэ хекусытэ.

— Оу, тэ маа итеуу деньсиэи тэти туйкүмү, тэзутуорэ?

Тэ, мунунту, тэти дямуо мунунту:

— Оу, мэнэ туймэ деньсиэи тээсезэ ани”эу, ани”э исүзэ деньсиэи. Тэради деньди тэтубүнүнтэ, тутемтэ тэзусуэум. Мунусуэум, куні”а итүө.

— Тэ, курэди тэгүмүөу, мааңуна?

— Эмны тэна ниңы тэйбэ” нүөрэ, манаку” кобтуамтэтуо. Тэндэ тахаряа нүөрэ, тэндэтэ мэнэ хутим нилу.

— Оу, комэнсэи, куні”а итеуум, куні”а тэзутэнуум нүөнэ нилукүмү?

— Тэна күзяхү” күзяхүнүнтэ эмы”ыа игэң. Немьбты”ыатэ дэ мунугэң: «Тэна тааниэ бэнтини ҕадүмүөнтэ кунсыны ҕомтү”. Тахаряа каңгэу диндихининтэ маатекүө хенсирэ дели, тэа түхэны тиигэң». Нербы”ыаты дэ мунугэң: «Тэна, нүкү, коны” эмэни мэрумэны маараа” коуньдей ҕуну”, косүө” коуньдитыни. Мии”а тэгүтүүте мані дэ».

Тэ, тахаряи” немьбты”ыатэ дэ муну”о:

— Тэни”а икуори ти. Тэна дяңгуйтебахуң маза кунсыны, тэна дяңгуйтүндэтэ мэнэ нүөмэ хурсэбининти хоурумуогэтэты, мэнэ тахаряа нүөмэ тэндэ козутэбахумэ. Хиэмэу, мунунту, тэ тэна нигэтэ ҕэзү”, коныгэң, тамну игэң, кэндэтэ кунсыны, ҕадүмүөнтэ кунсыны ҕомтүкэң.

Тэ Һуолы тэті инярбы”ыаты тэні”а мунура”иžэ, Һоньди”э. Нүөнты дя мунунту, Һәмурса сятыди:

— Нүкү, коныгәҺ хуааžини” Һунү”, хоуде”.

Нүөзы кона”а, хоудү”ө. Тэ нүөзы туу”о, коуньдей тэžа”а Һукэйки”ай. Хелитиҥ бәнтини, хелитиҥ серы”э матэ. Тәндэ хуо тахаряби” дедитэты амы”ыаряи” ниҥыžэ нербадеры”. Тэні”а нүөмты нербади”э, тэгэтэты амы”ыа дүтүраатэны сүкүžа”аžu, дүžүтини тэбтэи”эты.

Тэ, Һансэ мунурусүүžэ әку:

— Тэні”а игәуҥ: беригәҺ нүөрэ тахаряби”, тэні”а берибининтэ луньдимті сәбукәҥ. Тәндэ тахаряа тәнэ нүөнтэ лундитэны тутерэ ләҺуситиžэ.

Хиәмәу, тэ-тэ, Һуолы әхы тэні”а мыы”эты. Нүөнты луньди сәхүдү”ө, тэні”а беридиәдәәмты сотели”әžы әку, куніәбта, сүкүžа”аžu әку. Тэ Һансэ мунурусүүžэ тэті тәндэ хуо:

— Тутемтэ торәžубүнүнтэ Һтәžэ”кәсыžәҥ. Мәнэ мунусүžәм маате буоžате.

Тэ-тэ, нүөмты тэні”а каули”әžы, тахаряа нүөнты луньди хуану”о туу бәбә ни. Хуану”оту, тори ни, тэгэтэ хуаай хуану”о. Тахаряби” амы”ыа дялитэны тутены амы”ыа итү. Тэні”а ися тахаряби” тутеžu ниҥыžэ ләҺу” тәндэ луньдигэтэ. Хиәмәу, кунітены исүөдәә ихүнүнтү хеньсири”амты сәхүдү”ө. Хеньсири”амты тәндэ терыžы”э, тәндэ туу дя. Няагәи” тахаряа хеньсири”амты хуаритя”а. Хеньсирә дели диндиси тахаряби” иня”күžu тии”э. Тэні”а Һтәžэ”ки”әгәй.

Такәә Һансэ сыты дяžэту буодүөдәә хииньдя мунунту:

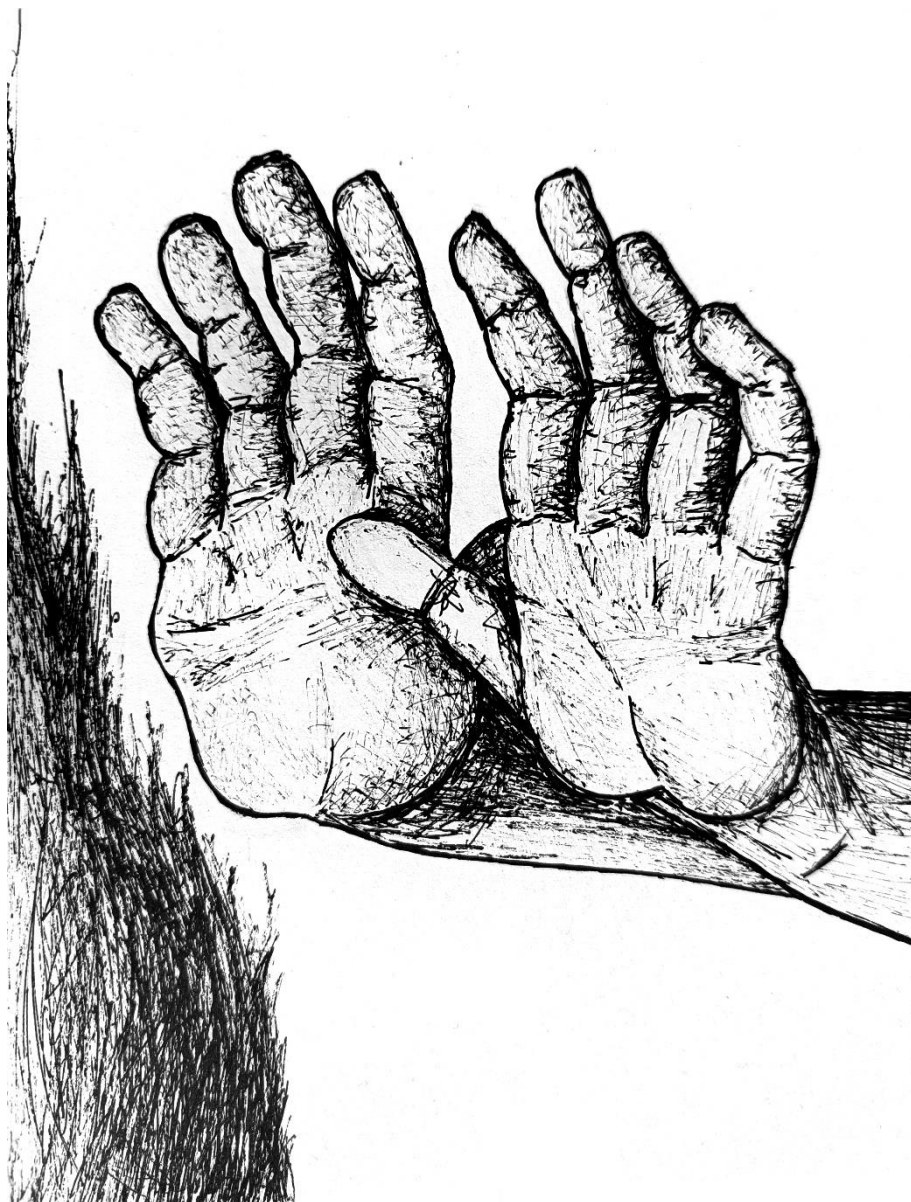
— Тәнэ әмкэтэ нера”а Һэ” ися коны”сыžәҥ, әмты туле хүөгі” туле ләҺы”сытэ. Тахаряа қаҥкәрия”, қаҥкәрия” Һанасанэ” туймухуансуžэ”, тәнэ тутитүҥ мимиҥхя”, нимыҥхя” маагәльте Һосәžu”, кәти сатүакуй контунәэ”, кәти маакүтей контунәэ”. Тахаряа әмты нүөрэ хуаҥкэтэ, бәžүрбүөžu хуаҥкэтэ, нүөнтэ бәбә ися муҥкүгэтэ мейкәҥ ны сы”. Тахаряа ны сы” тэті мейсиәдәэрә маагәльте луугяли икуо. Һойбуорааžu мася”тәҥэә, маараай серыбтыгәҥ, куубыны иҥэә, маа, тәрәдижитү. Тахаряби” тәтирә нимті исүžэ Туй. Тәндэ тахаряби” койкэтэ, мейсиәдәэтэ, хуаагэтэ мейсиәдәэтэ, тәтирә койкәрә исүžэ, Туу кәнтэ ны исүžэ, кәнтәžәмту мейкәҥ. Тәндэ кәндэ ни тахаряби” серүгэтэ, койкэтэ кәнтәžэ мейкәҥ, тиридеи”тәндиаку.

Тэ Һуолы әхы тэні”а Һтәžэсы сятыди, нүөмті хуану”огәй, нүөмті хуанса тахаряи” муҥкуžәмту ләты”э. Муҥкуžәмту ләтыди тахаряа ны сыžэ мыы”э, ку” нуманаҥку Һануо кобтуа”кү. Иня”күžu тәндэ куубыны мааҥалай хуану”о тәндэ нүөнты сыžэ Һойбуотэ. Тәндәмты тахаряи” сеті”әгәй, бәйка”ату мейсиәдәә кәндэ куньди. Тэті ибаху тахаряби” Туу кәнтэ.

Тэ мунура”иžэ: «Әмтырә куодүмурааті” митәрытыә. Тәнэ маагүө нүөти дяҥгу” тыминя, Һуоляа нүөрә исүө, куодүму нүөрә дяҥку. Маагүөу хелыәтэ тәихү” тәндэ хелыәтәтэ микәтэ, куо”кәндәкәбүтэ. Тахаряа тәтирә

мимиңхяңээзы нүөнтэты. Тэни”а хүөти” эмтырэ куодүмураати” түүнарсүзэ
эмты кэнтэ, нимти исүзэ Туу кэнтэ».

Бэлта.

Санка огня

Давно, когда земля только устанавливалась, когда жизнь только начиналась, жил, говорят, немолодой человек, энец, со своей женой. Был у них, говорят, ребёнок, девочка, только девушкой становится, молоденькая. Этот старик, говорят, видел вещие сны, шаманом был немножко. Во сне он всякое видел. Иногда он откуда-то слышал голос. Какие-то разные существа с ним говорили. Дичь, мол, разная придёт сюда.

Однажды он спал и опять увидел сон. Оу, проснулся, вид у него совсем плохой. Жена у него спрашивает:

— Оу, что с тобой, почему ты такой?

— Я совсем плохой сон видел. Издалека кто-то мне сказал:

— Ты хочешь огонь?

— Да, почему не буду хотеть, хочу огонь.

— Я тебе дам огонь! Горячую еду будешь варить, варёной будешь её есть, зимой в чуме у тебя тепло будет.

— Оу, и какая цена будет этому огню, который ты дашь?

Ну, голос этот говорит:

— Оу, цена моему огню высокая, высокая будет цена! Если ты такую цену заплатишь, дам я тебе огонь. Я тебе скажу, какая она будет.

— Ну, какая же она?

— У тебя вот есть дочь, только девушкой становится. Я хочу жизнь твоей дочери.

— Оу, это ужасно, как мне быть, как я жизнь своей дочери отдам?

— Ты когда завтра проснёшься, так сделай. Жене скажи: «Ты там на улице в женской санке своей сиди. А потом, когда услышишь бой бубна, тогда зайдёшь». Дочке скажи: «Ты, дочка, иди на берег сушняка собери, сухих дровишек нам [собери]. Принеси их сюда, в чум».

Ну, он жене сказал:

— Вы вот как сделайте. Тебя, говорят, не должно быть в чуме; пока тебя не будет, дочка вернётся с дровами, и я должен буду её убить. Хиемоу, тебе не надо смотреть, ты уйдёшь, там будь, в санке своей, в женской санке своей сиди.

Ну, конечно, жена его, когда он ей так сказал, вышла. Поев, он дочке говорит:

— Дочка, иди собери нам дрова, сходи за дровами.

Дочка его ушла, пошла собирать дрова. Ну, дочка вернулась, много дров принесла. Половина дров на улице [осталась], половину она занесла в чум. После этого отец, вот так неожиданно её [толкнув], повалил на спину. Дочку повалил и голыми руками её задушил, руками сдавил.

Опять [голос] ему говорит:

— [Теперь] так сделай: распори [живот] дочери, когда распорешь, вытащи селезёнку. Из селезёнки твоей дочери у тебя разгорится огонь.

Хиемоу, ну конечно, он так сделал. У дочери селезёнку вынул, разрезанное место, может, зашил, а может, перевязал. После этого опять ему [голос] говорит:

— Когда огонь разожжёшь, начинай камлать. Я скажу, что тебе надо будет говорить.

Ну, дочь свою он укрыл, а селезёнку положил на место для очага. Положил её на железный лист, [а сверху] дрова положил. Потом кремнем над огнем вот так стал делать. Когда он так сделал, от этой селезёнки загорелся огонь. Хиемоу, вытащил он бубен, где-то он у него был. Бубен свой прогрел на этом огне. Сильно стал бить в бубен. Услышав бой бубна, жена его вошла. Так они стали шаманить.

И опять этот, который ночью с ним говорил, сказал:

— Отныне ты станешь шаманом, огонь у тебя всегда будет гореть. Когда-нибудь люди к тебе станут приходить, ты им огонь давай, не жалея ничего, хоть головёшки пусть забирают или хоть что пусть забирают. А дочь свою похорони, тело её похорони; а вместо дочери сделай её фигуру из дерева. Женская фигура, которую ты сделаешь, должна быть совсем без одежды. Только голова у неё должна быть украшена, ты что-нибудь на неё надень — бисер или что-нибудь такое. Имя её будет Огонь. Для этого идола, которого ты сделаешь из дерева, санку сделай, это твой идол будет, это будет женщина[-дух] Санки огня. На эту санку его положи, сделай для идола санку, такую вот с перекладиной.

Ну, конечно, закончив шаманить, они дочку похоронили; дочь похоронив, он приготовил деревяшку. Приготовив деревяшку, сделал женскую фигуру, совсем молоденькую девушку. Жена его бисер или что-то такое приделала на голову фигурки их дочери. Потом они уложили эту [фигурку] в санку, которую сделал муж. Это, говорят, и есть Санка [духа] огня.

Ему было сказано: «Её передают только мужчинам. У тебя сейчас детей нет, только один ребёнок у тебя был, сына у тебя нет. Если есть у тебя какой-нибудь родственник, этому родственнику отдашь её перед смертью. А он своему сыну будет отдавать. Так будет всегда только к мужчинам переходить эта санка, а имя её будет Санка [духа] огня».

Всё.

Рассказчик:

Автор записи:

Место записи:

Нина Дентумеевна Чунанчар (1946 г.р.)

Шандор Севереньи

Усть-Авам

Дата записи:	2008 г.
Транскрипция и перевод:	Нина Дентумеевна Чунанчар, Беата Вагнер-Надь, Валентин Гусев
Название текста в корпусе INEL:	ChND_080719_FireSledge_flkd

The Sledge of Fire

A long time ago, when the earth was still taking shape, when life was just beginning, there lived an old Enets man with his wife. They had a girl who was just becoming a young lady. They say that this old man was a shaman and he saw prophetic dreams. All kinds of things appeared to him in his dreams: sometimes he heard voices, sometimes different creatures spoke to him. They told him that all kinds of wild animals would come to him.

One day he dreamt again. He woke up feeling unwell. His wife asks him:

“Oh, what’s wrong with you?”

“I had a nightmare. Someone said to me from the distance: ‘Do you want fire?’”

“Yes, why wouldn’t I want fire? I want fire.”

“I’ll give you fire! You will cook hot food, you will eat boiled food, and you will be warm in the winter.”

“Oh, and what will be the price of this fire you give me?”

And so the voice says:

“The price of my fire is great. Great will be the price! If you give me that price, I’ll give you fire. I’ll tell you what it is.”

“Well, what is it then?”

“You have a daughter who is just about to become a grown woman. I want your daughter’s life.”

“Oh, that’s terrible... how could I give you my daughter’s life?”

“When you wake up tomorrow, do this: tell your wife ‘Go outside and sit on the women’s sledge. And then, when you hear the tambourine, then come in.’ Tell your daughter: ‘Daughter, go to the shore and gather dry wood for us. Bring them here to the tent.’”

So, he said to his wife:

“You’ll do it like this. It has been said that you mustn’t be in the tent; while you are gone, my daughter will come back with firewood, and I will have to kill her. Khiemou, you don’t need to watch, you will go away, and there you will be, in your sledge, in the women’s sledge you will be sitting.”

Well, of course, his wife, when he told her so, went outside. After his meal, he said to his daughter:

“Daughter, go gather firewood for us. Go get firewood.”

The daughter left to gather firewood. When she came back, she brought a lot of firewood. She left half of the wood outside, half of it she brought into the tent. Her father suddenly pushed her and threw her on her back. He threw his daughter down and strangled her with his bare hands, squeezed the life out of her.

Again, the voice said to him:

“Now do this: open your daughter’s belly, and when you have opened it, take out her spleen. From your daughter’s spleen, you will get fire.”

Khiemou, of course, he did what he had been told. He took out his daughter’s spleen, and he sewed up the cut, or maybe he bandaged it. After that, the voice said to him:

“When the fire is lit, start to chant incantations. I will tell you what to say.”

So, he covered his daughter and put her spleen onto the hearth. He placed it on an iron sheet and put firewood on top of it. Then he began to make sparks with flint. When he did so, flames started to blaze from the spleen. Khiemou, so he took out his tambourine, he had it somewhere. He warmed his tambourine over the fire. Then, he began to beat his tambourine hard. Hearing the tambourine, his wife came in and they started chanting.

And again, the one who had spoken to him at night said:

“From now on you will be a shaman, and you will always have fire. Whenever people come to you, give them fire. Do not spare anything, let them take smoldering wood or whatever they need. And bury your daughter, bury her body. In place of your daughter, make a figure of her out of wood. The woman’s figure which you make shall be without clothes. Only the head shall be adorned; put something on it – beads or something like that. Her name shall be Fire. For this idol, which you have made of wood, make a sledge. This will be your idol; it will be the spirit of the sledge of fire. Put the idol onto the sledge, make her a sledge with a crossbar.”

Well, when they finished the incantations, they buried their daughter. After burying their daughter, he made a wooden sledge. After he made the wooden sledge, he made a female figure, a very young girl. His wife put beads or something similar on the head of their daughter’s figure. Then they put this figure in the sledge that the husband had made. This, they say, is the spirit of the sledge of fire.

The voice told him: “This sledge is only given to men. You have no children now... you had only one child, you have no son. If you have a male relative, give him the sledge before you die. And he will give it to his son. So, this sledge shall always be given to men only, and its name will be the Sledge of Fire.”

That’s it.

Storyteller:	Nina Dentumeevna Chunanchar (born in 1946)
Recorded by:	Sándor Szevérenyi
Place of recording:	Ust-Avam
Date of recording:	2008
Transcription and Russian translation:	Nina Dentumeevna Chunanchar, Beáta Wagner-Nagy, Valentin Gusev
Identity in the INEL corpus:	ChND_080719_FireSledge

8. МЫҢ МОУМУ” / НАША ЗЕМЛЯ / OUR LAND

Мың моуму”

Тәті мануо Һануо моу суумтәбү”ө түхәну Һана”са маагәлите дянку, әмты моуму” тыминя исүө бәнсә бы”. Тәні”а исүө ибаху. Тахаряя тәтірә Һуо муну”о ибаху (тәтірә Һана”санә Һанаркутүө Һуо Һәндяи”, тәті Дөйба Һуо):

— Оу, тыминя ситі тәибәә тәитү, тәибәәгитә тәңкәгәәгәй, Һамаяй нүөны. Тә, нүөныәи, каңгә хирә, моу хуулә”. Нера”а тәсиәжә минтягәны Һана”санәй Һанурусужәм. Тә тахаряя Һана”санә” бәжүа”сужә”. Әмты тахаряя бәнсә бы”. Бәнтуому” Һуо, исяму”. Һилеәму” тахаряя бәнсә бы”. Куні”а Һана”са нилы”сытә? Моу хуулә”.

— Оу, куніжә Һәжәтәһум, моу?

— Куні”аряи” хуурә”.

Тәтірә тахаряя нүөны”әрә тәу”ижә. Круг тахаряя тәті кунігүмү быжә бәнсә дүйхәбты”ә. Тәні”а туу”о.

— Тә, Һәжи”әһ?

— Оу, сыляжәу, тәсиә маалүкү сиәлаку моурәку Һәжи”әм.

— Сиәлаку куні”а тахаряя нилы”сытә Һана”са?

Тә сыты кәтеми”әжү әку.

— Такәә тахаряя моужу тәсиә маате сиәлаку Һәтәдүөдәэрә. Куні”а Һана”са нилы”сытә, тә манді моунтәну? Тә, нәмбәһ ихуажуоу. Тә, кунуһу тәсиәжә Һаһуоде?

Һаһуоде тәбтә тәирхиті тәңкәгәә иихуанту, бәнъди” дямәжәгитә. Һаһуодя”ку тәтура”ижә.

— Тә, Һаһуодеи! Тәирхитә тәбтә тахаряя тәңкәгәәһ. Әмты быжә әмы”ыа бәнсә дүйхәбтытә. Тахаряя нера”а тәсиәжә нүө”, Һана”санә” диәби”ә түхәну, Һәтүмхи”ә түхәну, нүөдеи” нүөһхи”, маантәну нилы”сыжә” Һана”санә”? Быжә кунсыны куні”а бытәны нилы”сыжә”? Бәнтуому” такәә Һуо әмы”ыа иһу, әмты Һилеәму” бы”.

Тахаряя тәті Һаһуодя”курә тәу”ижә. Тә, куо түбүтены Һаһуоде туу”о.

— Оу, тә, моу Һәжи”әһ?

— Тә, сыляжә, мәүгүө Һәжи”әм, куо хирәтә Һана”санә” нилы”сыжә” Һәндяи”.

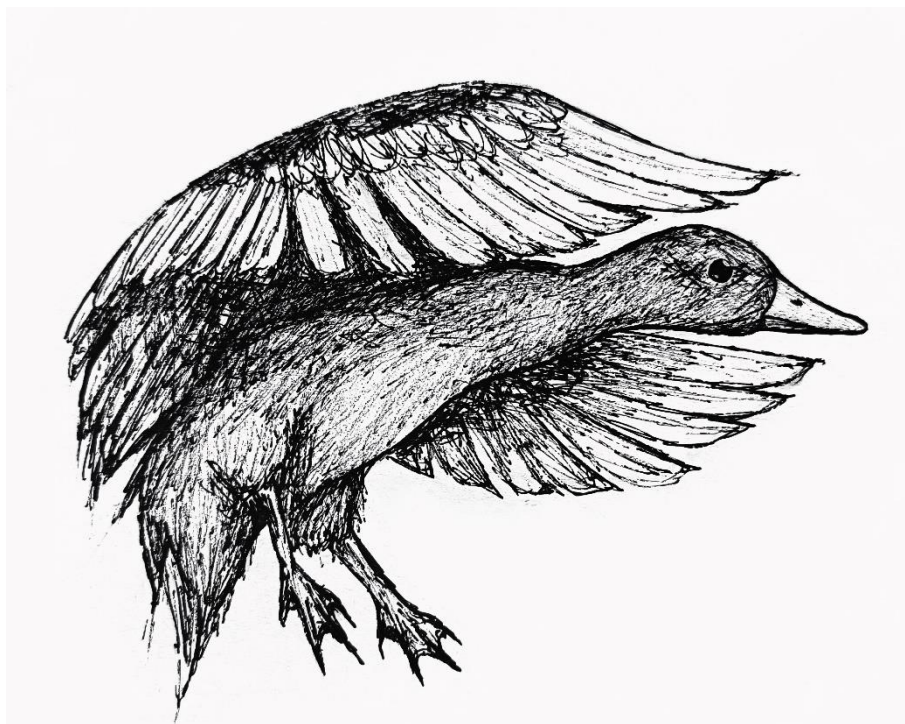
— Тә-тә, кәтемәкумә.

Сам Һәжүтатү Һәндяи”.

— Оу, тахаряя Һаһуоде тетуа няагәәһ. Һәтәдүөдәэрә моурә, тахаряя Һана”санә нилымынә хирә моу. Ані”ә моу. Нүөдәә нүөһхи”, манаһхү” нүөдәә нүө”. Тахаряя әмә Һәтәдүөдәәтә моунтәну нилы”сыжә” Һәндяи”. Тә, ситяніә кәитәжү бәнсә бы”. Тә, тахаряя тәнә нүөны ися, моу нисыәһ Һәжә”. Тахаряя Һуоте кәтә”ки”әм. Хүөтә тахаряя тәнә моу сямәны нииһя” дөтүрә”, нисыжәһ

дөтүрә". Былаамэну дөжүрсүзэң. Тахаряа җаңуодя"ку эмәниә кәти бызә
намәэну дөжүрсүтә, моумәну дөжүлетә"ки"ә. Җуотү маатетә хуә дянҗуйсүтә,
тәни"аряи" дөжүрсүтә, хойкүрсүтә.[2] Тә, тахаряа, җаңуодя"ку тахаряа, хуасибә.

Тәти тахаряа җаңуоде җәтәдүөдәә әмты моуму" мың.

Наша земля

Давным-давно, когда земли ещё не было, никаких людей не было, тогда вся наша земля была [покрыта] водой. Так было. Тогда бог (наверное, [это был] бог, создающий людей, — Дёйба-нгуо) сказал:

— Оу, есть теперь две самые сильные птицы, одна из них — гагара. Эй, гагара, готовься, землю ищи. Скоро я, может быть, людей создам. Ну, люди теперь появятся. А кругом одна вода. Наверху небо, где мы находимся. Внизу, под нами, одна вода. Как человек будет жить? Землю поищи.

— Оу, где я землю найду?

— Везде ищи.

Тогда гагара полетела. Всю воду кругом облетела. Прилетела обратно.

— Ну что, нашла?

— Ну, не знаю, вроде бы нашла я что-то, похожее на маленькую землю.

— Как на маленькой земле будет жить человек?

[Бог], наверное, уже осмотрел эту землю.

— Эта земля, которую ты нашла, совсем маленькая. Как человек будет жить на такой земле? Ну, ты, оказывается, никуда не годишься. Ну что, где теперь утка?

Утка тоже здорово летает, по сравнению с другими животными. Привели [к богу] уточку.

— Ну, утка! Ты тоже хорошо летаешь. Эту вот воду всю кругом облети. Когда люди родятся, когда дети у них появятся, из поколения в поколение чем будут жить люди? Как они будут жить в воде, на воде? Наверху у нас небо есть, а внизу у нас [одна] вода.

Ну, уточка тогда улетела. Через некоторое время утка вернулась.

— Ну, нашла ты землю?

— Не знаю, какую-то землю я нашла, сколько-то людей [на ней] смогут жить, наверное.

— Ну что же, посмотрю.

[Бог] сам смотрит, наверное.

— Ну, утка, ты молодец. Земля, которую ты нашла, подходит для того, чтобы на ней жили люди. Большая земля. Из поколения в поколение, потом ещё из поколения в поколение [заживут люди]. Теперь на этой земле, которую ты нашла, они будут жить. С обеих сторон от неё одна вода. Ну что, ты, гагара, землю-то не нашла. Теперь я твои ноги завяжу. И по земле ты никогда не сможешь ходить. По воде только будешь плавать. А уточка эта будет хоть по воде плавать, хоть по земле ходить. С ногами у неё ничего не случится, просто так будет ходить и бегать. Ну, что, уточка, спасибо.

Эта земля, которую нашла утка, — это наша земля.

Рассказчик:	Денчуде Нутеевич Мирных (1923 г.р.)
Автор записи:	Жан-Люк Ламбер
Место записи:	Волочанка
Дата записи:	1997 г.
Транскрипция и перевод:	Юлия Мадюреевна Горичева, Нина Дентумеевна Чунанчар, Валентин Гусев
Название текста в корпусе INEL:	MDN_97_TwoBirds_flkd

Our Land

Long-long ago, when there was no land yet and there were no people, then all our world was covered with water. It was like that. Then the god, Dyoiba-Nguo⁹ said:

“Well, now there are two of the strongest birds, one of them is the loon. Hey, loon, get ready, seek land. Soon I might create people. Soon people will emerge. And all around is water. Up above is the sky, where we are. Down below us, there’s only water. How will men live? Look for land.”

“Oh, where will I find land?”

“Look everywhere.”

Then the loon flew. It flew all over the water, then it flew back.

“Have you found it?”

“Well, I don’t know, I think I found something that looks like a small piece of land.”

“How would a man live on such a small land?”

Dyoiba-Nguo must have already seen this piece of land.

“This land you found is very small. How will men live on such a land? Well, you are no good. So, where’s the duck now?”

The duck is a great flier too, compared to other animals. They brought the duck before him.

“Well, duck! You also fly well. Go around this water, all around. When people are born, when they have children, from generation to generation, how will they live? How will they live in the water? On the water? We have the sky above, but below we only have water.”

So, the duck flew away. After a while, it returned.

“Well, have you found land?”

“I don’t know, I’ve found some land, some people can live on it, probably.”

“Well, I’ll see.”

Dyoiba-Nguo himself is watching, it seems.

“Well, duck, you are good. The land you’ve found is suitable for people to live on. It’s a big piece of land. From generation to generation, then from generation to generation more and more people will live there. Now, they will live on this land that you have found. The same water is on both sides. Well, you, loon, did not find land. Now I’ll tie your feet. You’ll never be able to walk on land. You’ll only be able to swim in the water. And this duck will swim in the water or walk on land. Nothing will happen to its legs, he’ll walk and run. Well, duck, thank you.”

This land that the duck found is our land.

⁹ Dyoiba-Nguo is the god who created humans.

Storyteller:	Denchude Nuteevich Mirnykh (born in 1923)
Recorded by:	Jean-Luc Lambert
Place of recording:	Volochanka
Date of recording:	1997
Transcription and Russian translation:	Yulia Madyureevna Goricheva, Nina Dentumeevna Chunanchar, Valentin Gusev
Identity in the INEL corpus:	MDN_97_TwoBirds

9. КОТЕ / БОЛЕЗНЬ / DISEASE

Коте

Тэ, җалаарэ мунунту: «Сэңхэляңкэ маžэ”ээ, малэбаžатэ”. Биркяи” бэрэžутуо маžанку нэньдиты, нинтууте ани”э. Эи”, сиба”куңуžуžун нү”». Тэ, тэндэ матэ тахаряа җаң тий”э. Җаң тийдя мунунту: «Эи”, эмкүмүрэ тэ” ну”ои” куодүму нүө”күži. Бэйка”а җомтүтү, нинтууте җануо бэйка”а, ині”а”куты нану».

Тэгэтэ мунунту:

— Оу”, мыңгүмүнэ тэ” мэнэ тахарябэ эмы” таалаи” җана”санді” някэлэрыдиэдеинэ, таатү”си ися.

Тэгэтэты мунунту:

— Таатү”си ися някэлэрыби”эмэ, нүө”күнэ дяži”кү эмы” җана”санді” хуйкэламыэгүөмэ нилүтэнэ дя. Нүө”күнэ бэžуахү”өžэ дя сынерырмаэдеэмэ исүө. Эмэниэ ині”арбэнэ дя мунудүөм эžэ”: «Эмэниэ таалаи” маті” коньбині маа, таа”күни тетуга танэлика”ку”, минтягэны ңукэлүкү тааžэми кодү”тэтуми». Тэ”э, тэ ині”а мунунту: «Тэ, нуолымы эхы коны”».

Тэ, тандыте малэбаžатэ”, тэндэ” маžурба”а”. Тэті тахаряа бэйкунаңку, тэті куодүму хүөтэ муунтэгэту, таай мууңкэту. Нүө”күңалэму мынтэлэгэты.

— Нүкү, эмы”ыа миииніэ” эмэ” таа” эмы”ыа муунтэмуңхуанду” җана”санэ”.

Тэ, каңкэгүө тэндэ таалаатүң дя кона”а. Таалаа нумээ, таалаа нумээнту дя кона”а. Тэ мунунту:

— Оу”, тыминягүмү маадя эмты җойбуонэ хели сэңгэнырңы? Эи”, тэ маадя тэгэтэ сэңгэнырңы? Маагүө нэңхэžэму” туйхуатуорэку. Минтягэны котеžукэтэгүму”. Оу”, тэ куні”а итеңүму”? Эмэ матэžэгэтэну” җонэи” эмэніка суохү”нү” нэңхэ?

Тэ, таала”арэ мунунту:

— Тэ, суо”куму” эмэніка. Минтягэны маагүө” лирсүмүүнті” малү”өму” эку, нэңхэžукүөбүнүнтэ. Мунунтэну ногэлүкүтэну җэžя”ку” тэитенду”, ңэкэлите” дяңгу”.

Тэндыте суодү”ө” хунсээ моу дя. Тэ, малү”ө” эку”. Тэні”а җонэи” маžутүң, бэньде” нүүли”э” тэндэ малү”ө”, тэті таатү”сиžин бэйкунаңку хүөтэ кэи ниині игэту маžанкуту.

Тэ каңгүтекүөү, канүте кэти куо хирэгүө китеžээ бэудү”ө” эку”. Оу”, тэгэтэты эмты җонэи” тий”э тэті таатү”си бэйка”а, тэндэ ңүнүарба”ату дя.

— Оу”, эмты җойбуонэ хели, эмдүмэ кэитээ җойбуонэ хели тетугамы сэңгэныры.

— Тэ, тэгүмүрэ минтягэны эžэ” нэмбэ дя итүө эку. Кудүм эхы сумуга”арэ?

— Сыли”аžэу, мэнэ дөйбаруом тэ”. Дөйбаруо” җана”санэ” сумуга”аžун имухуанду”, эмдүм бэтиде нииде җойбуо хели. Тахарябэ сунсуо” җана”санэ”

тэти эмдүмэ кэитээ исүжэ, мантими нииде Һойбуоту хели. Тэ мэнэ эмтымэ нэһхэжүторэкуом.

Тэ, Һонэ китежээ бэүдү”ө”. Оу, каңкэгүө тэти ині”а мунунту:

— Хиэмэу, эмэниите ненамажүни маадя тымайтыңы”? Сылыгэльте нинты бэнді Һоньдинярэ”.

Тэ, тэти тахаряа таатү”си бэйка”а мунунту:

— Ині”а ихүтэ, коньүкээң ахы, такэини Һэтүде”, маа кэрсу хуаруңу”, нүө”күми тэти никэлэ” Һонсэжү”. Нүө”күми тэти ниңэ Һоньди”. Ині”а ихүтэ, тэнэ Һонэраатэ коны” такэа миибтээ мажэ дя.

Эи”, ині”атээ миибтээ мажэ дя кона”а. Һуа бяри”э.

— Эи”, нүкэу”, маадя сүмайтыңырэи”? Таанү” тэ” тэмбы”э” няндыты”.

— М, м, — мәтитіті.

— Эи” маарэ куні”а мейңыжэу? Маа нятү” хосидиэры”?

— Эи”, маадя хоситэңымы”. Тыминягүмү котежү”ки”эму” няндыты. Дярэжы”ки”эмы” няндытэи”, — нясыряи” буоту.

Тэти ині”а тахарябэ, Һуолы ахы Һойбэу”ся”кугүмү, нягаэи” туумту тинтэ”ки”э. Минтягэны сылыгүө нэнсу”ситіжэ аху. Туумту тині”э, таяи нитя”кутиң Һүжи”э. Тэ-тэ, каңкээ мануо” хиридиэдеитиң Һэмсарба”итүң ненду ненати”а ниті”а кунсыны итүө” тэндые куогуну тиимхяжы”. Минтягэны сижи канэ накүрэ дялымэны тэни”а хихиэ ися энтыдиэ аху. Тэ, миибтээ тахаряа эмэ бэрэжүтуо түүне няги”тэ”ки”э.

— Кэжяу, таала”күөи, маа ниңың нэнсу”, маарэ куні”айңуңу?

Дяңку. Эи” тэгэтэты Һу”ои” такэау бэрэ нийжүтүө сыңа нии кэитэны итүө ны Һомтү”ижэ.

— Эмэ” сүаркүмане бэньдикаа” мәтитінді”: «Ы, ы». Дөөо, хелы” лаңүркэндү”, дөөо.

Эи”, ині”а тахаряа тахаряа мунунту: «Куні”айтеңум тыминягүмү? Эмны Һонэ Һамайдүмэ матэ тиигүжэм». Тэбтэ мәтитінді”. Курэгүнді” сэмбэмты матэ түү”ижэ, сэңхэляңкэ аніка”а мажүрба”а. «Эи” мэнэ такээгэине куні”айхүтуои”?» — сынерыру”ижэ, нэнсу”ижэ, хуојутуо матэ тии”кэсы. Хуојутуо матэ тии”кэндятэты тахаряа тэти нимэкү” тэти түүй банүрүту.

— Эи”, куні”айңурэу”?

— Һааңку ихүтэи”, маанү” куні”а мейңынтэ”?

— Тэ, тыминягүмү эжэ” нэңхэ. Нэмбэ хүөтэ түү”эму” няндыты. Коте, котеу, коте.

Тэ, ині”а тэгэтэты мунунту: «Тэ куні”айтеңумэ тахаряа? Манэ дя хурсэгүнеу». Мату дя хурси”э. Тетуа Һуотү дүйбэруу”о”. Хуаа”күжэмту някэли”э, хуаа”күтэну тири”тэ”ки”э. Мату кунтэга”а, Һуолы хуојутуо такэа Һануо матэну, мату кунтэга”а. Матэту тии”ки”э.

— Эи”, кэжяу, бэйку!

Тэ бэйка”а җансэ җонэй” кэйңэли”э.

— Маарэкуту мейңыжэ, ині”а ихүтэ, тахарябэ тэ” нерээ нятыедэмы” канкээ хүньсерээдэе җана”сану” кона”муодеэ, минтягэны латээдеа”кутүү тэисүө” эку”, тэндэтэ ниңыны”, тэндэтэ кэмэра”аму” няндыты. Эи”, тэндэтэ кэмэра”аму” няндыты, ині”а ихүтэу. Мануо хүньсерээдэе амтырэ мануоу хоні түхүөдэе”, канкээ, хүньсерээдэе” ниңымы” мың мажуну” хуанэ” латээдеэти”. Минтягэны латээдэе” тэхуодеэ” тэисүө” эку”. Тэ маантэ мунунтэңуму” маа сүрүтэну тэлүтүөгүмү”. Тэңуэ исүө ихү” ңэжухаяжээ” эку” латээдеа”ку”. Тыминягүмү тэ” сүрүө. Ману эхы няжыти” амы”ыа кэжа”тэбү”ору” маагэльте никээры” латээдеэи ңэжэ”?

Ині”а мунунту:

— Тэ нигэтымы” ңэжэ” тэ”. Мэнэ эмэниэ сүарунэ ны” дяагэлити ниихяным ңукэгэмэну буо”. Маа дetyгэ ми нэңхэ маңкааңку итүтэни, нитекэндэ” дятэни куні”агүө буо”. Буогэлхү”нүні хуньсиналитуорэгатэ” игэтандэ”, сэмэрытиң нэңхэмэны коныңкэндэ”.

Эи”, тэгэтэты мунунту:

— Тэти, ині”а ихүтэу, энтыгуми, ңэтэгунэ дөжүлекуна. Тэнэ ңуоте куні”айну”?

Ині”а мунунту:

— Эи”, мэнэ ңуоне тетуа дүйбэдүндү”.

Тэ, тэти тахаряа тэти таатү”си бэйка”а дөжүли”э.

— Кэжа, мыңгүмүнэ ңуоне маа, няагээрэгу”. Эмэниэ сүөбтиа” анидя”а сетэгээнэ дя коныгужэм, таалаа”күнэ дя.

— Ээ”, тэ-тэ коныңкэң. Минтягэны, маараа нэмбэ байкэмэндэтуң, мэнэ нэмбэ байкэми”эм няндыты, котежүтүи”мэны дөжүркүмүдя. Тэ куні”агүө амы”ыа хиэ”сэмурэ амы”ыа нимэкү” каулүңэ, тэни”а тиигэң. Эи”, ңамайтены нигэң тии”, тэни”аряи” буогэлмүңхуажиң кэти нимэкү” лаңэ”кэмуңхэу”: «Нэнсу”оры”? Ңааңкуоу, таала”күөи”, нэнсу”оң?»

— Ээ”, тэни”айкуом.

— Мииніэ нүө”күкэгэльтеми, нүө”күми тэти ниңуэ ңоньди”нярэ”. Ңу”ои” куодүму нүө”күми, минтягэны маа, ңуо няагэе ихү”, нэңхэмэны нилытя”ку итүтэну” минтягэны, ңуо ңуо мунунтэту: Эи”, эмэ” нэңхэмэны итя”ку” минтягэны коутэту нүө”күми, кэти тыытетэ коутэндүң.

— Минтягэны мыытенэ коутэндүм, маа ңуо тениңырэ, ңуо маа сынерыбтыңы? Тэтирэ нинты ңэжу”. Мунунтэну, ңэжэ” тэитенду”, ңэкэлите” дяңгу”. Маа” эмэ” тэикэндү”, нэмбэ” ині”а”ку” тэикэндү”. Нэмбэ” ині”а”кугэльте” дяңгу”, минтягэны ңуо дя амы”ыа тэлэхаяжээ ңантэмирся. «Дялыжэмы” тэтуңуруу»», — тэни”а лаңүрхуаажээ.

Эи", тэти тахаряа бэйка"а кона"а. Нимти Таатү"си. Таатүсирэ кона"а. Тэни"а лаңүркэту, Һансэ курэгуи" такэу бэрэзүтуо сэмбэмты мажэ кунуу, маагэльте нэнсу"сытэ дянжу.

Оу", тэгэтэты коузу манаку" күжүатуньде ихуазу. Коузу манаку" дилтэтыжэ. Няагэи" коу дя тялиркэтэи:

— Дялыжэмы" тэжукээн. Маа котетэ кэмэрунуну"?

Тэни"а лаңэ"ки"э, тэгэтэты мунунту:

— Ири"ай ихүтэ, нүө"күкэлитемэ дялыжэту тэжу". Эи", нүө"күкэгэльтенэ дялыжэ тэжукээн ахы?"

Тэгэтэты тэни"а нүтүкэту тэндэ коу дя, тэ хурси"э. Хурсэтындэты мунунту: «Оу, хиэмэу, эмты туймэ маадя кэбтэхуату?» Эи", туумты тинтэ"ки"э, Таатү"си бэйка"а.

— Нүкү, былэ мэнэ дянгуумхүнүнэ тэнэ нимле икуо Таатү"си Нянту. Эмэниэ ненамажуне тэ дянгуитүөрэгү".

Эи", нүө"күтү тахаряа тэти түүтү Һилену амы"ыа бигэбтяиркэту.

— Э"э, тэсэжэ Һойбуорэ ни" эндэ", маараа байкэмэлың. Тааніэ немыди"а"курэ тэ дянгуитүөрэку.

Тэ тэти нүө"кү каулэгэтажэ. Нинтуугэ тэсэжэ нүө, тыбийкя"ку.

Оу, тэти бэйка"а туумту тинтэ"ки"э.

— Тэ, нүкү, тыминягүми куні"а итеңуми? Таагэлитини Һануомэны *совсем* тэмбы"э" Һэндэи". Һу"оляи" сижи китежэ бэудү"өму" тэ". Маа, таа", диэгэлите хомбиті эмты моугүмү. Минтягэны таалаа" исүөдэ", тэбтэ минтягэны диэжы бэнсэ таати Һэмлүдүөдэ. Тэ, нүкү, амы"ыа икумеи". Тыминя эмты немыдя"а"кумтэ каулэкуми. Эмэниэ тахаряа такэу, тэнэ ни" Һоньдинярэ". Һонсэбинінтэ былэмэ хиэсэмумтэ амы"ыа. Һалэ каулэмуңхуа", Һүңгүте каулэмуңхуа". Ни" байкэмирэ". Эмэниэ кэижэ биэжы итү, эмэниэ биэ котежу ниидені кэи дя хүөлүрүтүөрэкажэ.

— Тэ, идя, немымэ тэ" нинтымэ коинянды".

— Эи", нүкү, немы"курэ дянгуитеу, — мунунту. — Тэ, куні"а итеңуми. Нүкү ихүтэ, Һу"ожэ деи"кү някэлэбиніні маажу канэгүөм Һүү"күм някэлэбиніні. Нүкү, хүөтэ каулү" тэндэ түүте кунсыны. Мэнэ тахаряа Һонэнэ мелысыйкунэ, эмны кэнтэжини тенынтырындэтым. Эмэниэ ненамажуні таалаині такээ" няагэ" кэндэ". Минтягэны кэндүні мэрүмумбахү" маа, сылы мии түдүсүтэ? Кунігүө Һэжэ"сүтэми эку маатекүө нилытыэ" мажэй. Тамну тэикэбаху Аваму моу. Тэнині нилыгытэ моу ибаху. Тэни"а Һэндэи" мейхыэ"тэбині няагэу.

Тэгірэ тахаряа нүө"курэ тэти хүөтэ түүненту кунсыны игэту. Немыди"а"кумты китекэгэту амы"ыа. Кажа"тэкэкэтузу, дянжу, нинты.

Тэ, кангүтекүө, деди"күтү мунунту:

— Нүкүөй, нүкүөй”, җадеум Таатү”си йей, нәнсубитэ маа. Эи”, нүкү, нәнсукэиң, бэньде маарааҗини тентыры”эм. Нүү”сятэми хуану”ом. Нүүтини хуану”ом. Куба”куҗини хуану”ом. Сиҗи деи”күтэми сохэра”ам эмэниэ ненамагитини. Таалаини деигүө” тахарябэ эрэкэрэ”, аніка”урба”а”. Минтягэны маҗаңкутэми мелыҗэбини, ситіриа деигэтэ минтягэны лэмэҗэми мейтетыми.

Эи”, нүө”күтү тахаряа мәнсэруу”иҗэ. Дөрэкэту, җуолы дөрэ”, немы”күмтү нисы коинянды”.

— Тэ, нүкү, энтыҗиң. Эмкэтэ җомтү” кэнтэни нитэ. Эмы”ыа тиҗи дя ни” хорүде”. Маараа биэ байкэмэсуҗэң. Эмы”ыа лэмэдя эмы”ыа мандяйтисы җомтү”, мәнэ тааҗини хуу”ки”эм.

Тахаряа тэти Таатү”си бэйка”арэ тахаряа кона”а, таансанэмту мынтэли”э, Таатү”си быня”куҗитү мынтэли”э эку. Тэу, каңкэгүө деди”эҗы туйхуату. Тахаряа нүү”сяту, туобуоҗу — сәнхэляңкэ кэнда”ку *готовивату* дэсыҗы.

— Тэндэ энтыми, нүкү, эмэниэ маагүөҗини мәнэ; хүөтэ, тәнэ хүөтэ тэни”а җэбтэ җиле дя эмы”ыа мандяйти. Мәнэ маай, күмааҗини иңэ”, тобэкээҗини, мааҗини бэньде” җунүнтүндэтүм. Тәнэ ни” дөтүрэ”.

Таатү сарү”ө тэти Таатү”си бэйка”а. Тэ, сарү”үтү хутурү”үтү. Тэгэгэты мунунту:

— Оу, тахаряа куні”айхүнэ, эмэниэ ині”амэ сеймыҗити хуамэҗума”а коибинэ нинтэңы такээ бэҗүрбү” моунтэ дүку”.

Эи”, тахаряа тэ маагэльтэ дяңку, куніҗэ ихүнүнтү, такээ таалаитү макэтэ маа коря”ку кэлү”обта”а. Тэндэ тахаряа ині”арбэты сеймыҗэ ситі куубадя”ку хуану”о. Кунігүөҗэ җэҗи”э элыга”ку, хыра хорүма”ку, тэтя”кумты кирби”э, тэти Таатү”си бэйка”а. Тэни”аряи” кээлякути.

— Тэ эмэниэгүате тэ куні”айтеңу”? Маа, кусайтүң сеймыҗитиң хуантэңум? Тэ мәнэ эмты ині”арбэты немыгэлитетэ сеймыгэй хуаңкуҗэм.

Тэти тахаряа бэйка”а сеймыҗити сарү”ө, ині”а”куты. Тэбтэ эмы”ыа хүөтэ җаңэмту каулүгэту, җүңгүтү каулүгэту.

— Тэ, нүкү, хеҗытыкумеи.

Тэ, нүө”күтү мәли дөрэкэту:

— Аба”ами тэ коимеи”.

— Тэ куні”а мыэнтэңы, сүаркүатү тэ” җукэикиа”. Нятү җэҗэсуҗэ” эку, тэниң” моунти”, тэндэте нилыкэбяхы” тэниңи.

Тэндэ нүө”күмтү нинягэ лямубтугуйтиты. Тэндэ тэтирэ мунунту:

— Җадеум Таатү”си, мымбині маа, минтягэны җуо дятэни җарэгэйхү”. Дялыҗэми тэтурусуҗү” эку. Җойбэу”ся”ку ися, минтягэны җуо дятэни сәнүлендатэ”. Нэңхэ җана”сана”куми итүтэни, нинтуу җойбэу”ся”куми? Эмэниэ таала”куми каса” тэбтэ лаңүркэсуо. Немынтэ дя эмэниэ, таалаини ны” тэбтэ куні”агүө хуньсинаркэбамбу”, немынтэ буокэбү”. Нихырэ дильситі” эхы немынтэ буобү”ө?

— Иди”ай, дильситісїемэу. Идя, ниуың дяри”?

— Ниндым, нуоне няагэ”.

Тэ, тахаряа бии”агэй, суодү”өгэй. Тэті нүө”кү Һануо хүөті” дөрэкэту, таба”а хүөтэ сәнүркэту, немынты тэндэ мадя”а”кунтуң, Һануо маҺанкунтуң дя. Бии”агэй.

Тэны тахаряа Һукэйкиай таа”аити ҺэҺи”эгэй. Тэніні таатүң кэгуту”. Тэгэтэты мунунту:

— Нүкү, әмдүмә кэитәә әмәніә кобта”а” няндыты”. Һонәи” неми”әҺини әнтыгуми, тонуләкуми. Кана”куте иңәә, мааҺини Һукәгәә”, кәти биҺзә хиря”ку иңәә”. Кунігүө минтягәны нилытыә Һана”саҺини ҺэҺэтәтуми.

Тэ, хеҺытыгәтыгәәй, тәбтә Һануо канәули китеҺәәмәны суодүтугәтугәй, суодүтугәтугәй. Абаму нии дя суодүбаху”. Абаму моу тәихуаңху. Тэ, каңкәгүөу, бәру” тәлэ түү”өгэй. Тэ бәрәнәә”агүмәте Һануомәны тәні”аряи” таба”а.

— Оу, такәэрә мааҺуна? — тәті деди”әҺы Таатү”си бәйка”а мунунту. — Нүкү, такәә тә” ну”ои” маҺанку нәньдитыәрәкы. Минтягәны маагүө” Һана”санә” тәибә” әкуту”.

— Әмыте теныңың?

— Няа” тәикәбаху”, няа”, Һана”санә”.

Тэгэтэты тәті нүөҺы мунунту:

— Ми мааҺунами, нинтуу няами?

— Нинтуумей”, ми сәма”туми, ми сәма”туми.

— Тэ, тәгәтәнә сәма”туте итебиніні, тәгәтәні куніҺә имәәми сәма”туми?

— Оу”, сәма”татә мәу тәті луйка”иҺә. Тәніні коте, коте Һәтумы”ә. Бәньде” сәма”танү” сүдя”ау”. Һәндяи” сомата”кунү” сүдү”сүҺә” каңгүтеи” каңгүте. Әмә” няа” тансәгүөрә кәти моу дөтүмүтебү”, канәгүө Һана”сатәҺу коу”сүтә әку.

Оу, тәгәтэты тыбийкя”ку, Һәдеум Таатү”си мунунту:

— Тэ, идя ихүнүнтә, тә хеҺытыкуми такәә маҺанку дя.

Әмты мунунту:

— Нүкү, милианә тиисіҺәм. Мәнә туу нимәәны серырысиҺинә.

Һуамтуң бярйбты”ә. МааҺуна тэны тахаряа ны Һомтүтү. Һу”оляа ны.

— Оу”, куніҺә имәрәу”?

— Тэ, мың әҺә” сәма”туми ибахуми, — тәті Таатү”си мунунту. — Нүө”күмә әмәніә кәнтәнә нині Һомтүтү.

— КаҺяу, маа ниҺырә серы”?

Мәнә тәбтә әмәніә таалаине тәисүө”. Тәндыте тахарябә мәнә нянтутәндың митәди тахарябә ләҺиси митә”, мәнә ниндытәнә кәрбу”, әмляи” мәнә Һонәраанә коири”инә. Тәндыте ысыәбүө касадүө” мәнә нүү дя сарә”.

— Оу, тэ-тэ, бэхя тэ”. Тэ мэнэ нимбыэ Һана”сакүөм. Тэнэ тэ” нуманангун Һандытың. Нүкү, кэти сылыте ихүнүнтэ, тэти нагүр тутемэ ләһубты”. Туу нимээнэ тиигүзәм. Тааніэ нүө”күмэ тэбтэ туу нимээнэ тиигүө. Эмәніэ тыминя маагүө һәмсузһини, тһиһини хһири”.

Сһира”а, сһирү сһеры”э тэти һы. Тәндэ сһирүмтү дүанера”а, тһи нһтәэтәһы.

— Тэ, тәһкәлкәәуң, сылыте ихүнүнтэ, һааңкуте һуо”, сылыте һуо”.

Оу, тәгәтәты тэти, Таатү”сһи Һана”са, бәнді кәбкүзһи”э. Оу, мааһуна, һу”оһи” таа”кү тамну сарүхуату, һенати”а баңкажа”а. Нһхяһыти һөтибты”. Тәндэ баңкажа”амту һһагәһи” дһи”самәһунту күмаантәһунту һәру”оту. Таһаряа мелыһи”әһы, тэти һы әһы”һа бһгәбтһиркәту. «Тә, тыһһиһкүө һәмәкәндә”ки”әм һәндһи”». Маагәһыте һәмсузүтү һһһһи”ә” кһири”. Тэти таһаряа Таатү”сһи бәһка”арә таһаряа тәндэ таамту һһагәһи” дегһи”.

— Тәәу, сһһһкә”арә мһи”а мейкәәһ.

Сһһһкә”амты тэти һы һһһһсәжа”а. Тәһһһи мегһиһарһи” һәмсузһити хһири”әгәһ.

Тәгәтә мунунту:

— Әмә” тәтә” һһагүмү” мааһуна күдүмә кәһ дһ сһу”һу”?

— Оу, әмәһиэ бәру” тәлә дһ сһодү”ө”.

— Тә, тәһерәбһһи әһы, маа?

— Тә, сһһһи”әжәу, тәһерәбһһи мһ һһһһи” мәнә һһһтәһһһһи мһһи”? Күодүмунтә мһтәрытһһһ. Нһһһһтәһ кәрбу” таһарябә тэти, мәнә тәһи”а хһуату”, әмәһиэ” һһа”.

Тәгәтәты мунунту:

— Һааңку ихүтә, мааһу күрәдһ, канәгүө таа”күкүөмә тәһтү, һһһһһһһи әһы, күрәдһ ихүтү. Әмәһиэ нүө”күмә һһһһ, мәнә һәмбә кәрсүгәтә һөтидһәдәәм. Әмәһиэ сһуаруһ һәһһһһһаа” дһһһһһһһу”. Көтә, көтә дөтүрү. Әмкәтә сһодүбүһи хһһһ”а хүөтә сһодүкүмәһ, тәндә һһа” һтәбһи”әһи түбә.

— Мһһһһһһһ сәдәдә”а”күтһһ һәжә”сүтәһи әкү, — тэти таһаряа һы мунунту. — Тә, мааһу итәһу. Һуо сһәр әкү, һәһтә дһрымсһмә. Тәтуа һәһхәмәһы сһәһһһһһһһһһ, мһһһһһһһһһ дөһбәруом. Тәбтә мәнә тәндә күһгүөжә һтәһһһһһһһһһ һһаху. Әмә” һһа” тәһи”а буоту”. Тәһи таһаряа бәһуатүтәһә таһаряа тәндә һһһтүтәһһһһ мәнә мһтәты, мәнә таһаряа тэти сәәмә мәһи һһһһ кәрбу”. Һәһһһһ” һәһһ” дһрымсһтәмә. Һәһһһһ” һуо муну”о: «Әмәһиэ һәһхәгәтә һһһһһһһһһһһ”күһи” Һана”сәһһи” мһһһһһһһһ дһрымтәһһһһһ тәһә тәбтә дөһбәруо иһә. Әһһһһ һһһтә дөһбәлсәһһһ” тә”, һһа” тәрәдһи”. Оу, тә күһи”әһтәһһһһ таһарябә?

Тә-тә, тәһи һһһһ сһодүгәтү”, сһодүгәтү”. Маа, кәһдүтү, һһһһһһһһ кәһдүтү тэти, сәһхәһһһһһ кәһтә: һу”ожә кәһдәмту тәндә һы кәһтә иһә мһдһи”әты, һу”ожә кәһдә”күмту һәмсәту бәбә иһә мһдһи”әты, һһһһ һу”ожә кәһдә”күмту һүүтү бәбә, дһһтү бәбә, таһаряа хһһһһһһһһ бәбә.

Тә таһаряа, әһи”, тәгәтәты нүө”күтү муну”о:

— Идя, тыңгүмүнтэ мааһуна, тыңгүмүнтэ нэлэзың няндытың тэ”, минтягэны нэзымсызэң әку?

— Эи”, нүкү, маантәнүнэ нэзымтәһым, мыңгүмүнэ тэ” жу”оляи” нимбы”ья ися кона”ам. Тэ, аба”акүөзәми тэ” нэзи”эм.

Тэ, тәны суодүнду”, тәнды” няа” сәдеәмәны хүетә суодүгәту”, хүетә суодүгәту”. Оу, каңкәгүө тахаряа тамну нэзүтәи”, хиәмә жукумә тахаряа таарба”а”. Тәти Таатү”си җансә муну”о:

— Дялызәмә тәтуңуру”, кунуңу жуомә бәнтуомә, дильситибитә нибитә, дөйбара”ку ны, ным нэзи”эмә, дөйбаруо нүөнә нану, дялызәту тэ”.

Җонәи” коу дя нүтүлөгәтәзә. Тә мааһуна, таатүгүтеу няа, тәбтә таатү”си әку, муунтәтуо әку.

— Казъяу, сылыәиң, күнiзә имәң мааһуна?

— Эи, мәнә нинтуутем няагәәм, сәматум. Бәньдикаа такәәу, тәндә таалаине тәисүө”, таалаи” мәнә таа мууси исүөм. Тәндыне тахаряа бәньдикаа дяңкуму”о”.

Оу, тәти няа мунунту:

— Эи, хиәмәу нүкәу, Сүдү” Жуо нинтуу?

— Сүдү” Жуо ниңызә дөзүлө”. Нәңхә, нәндяи”, коте дөзүлө”әу. Тә, әкуоу, мәнә корсәтәнүнә, хүньсерәәдеи” коньдиәдеи” мадеи”, латәәдеәти” малү”өму”, маләдүөрәкану” исүөмү”.

— Тә, мааһуна, тәңә нихи жуо”?

— Оу, нисыәу, әмә сүрүө әмә” кәрсане. Сүрү җилену исүөнузу нү”, тәтә” латәәдеә”, маараа”. Сылы мунунтәну маа, тәрәдиндi” маләтәтану”?

Эи тәгәтәты тәти няа мунунту:

— Тә, әмы”ья жуо”, матәрә мы”. Мазунү”, такәә, мазунү” нэзүтәи”, нинтууте кунтәгуну нэзүты” тә”, җануо” мазә” нэзүтәи”. Тә җануо мазу” тетуа кадыбта”ку ни” малә мы”.

— Тә күнi”айтеңум, тә мейсизәмә.

— Мың няа” ихүнү” тәрәди” кәрсанү”. «Мәнә әмты», — мунунтуң тә”, — «куо хирәгүө таа”күне тәитү”, әмәниә” таа”күне ниңыте нэзү”, сарүтү”; тахаряа жу”ои” әрәкәрә манаку бәңказә”а таазәмә, неми”ә таазәмтә котутуом, табә түүбүниңи». Тәндә тахаряа таа нимәәны бәнсә мызә”курә мынтылэгың. Тәти тахарябә таатә демәә норя”ку куньди хуаңкуорә. Тәгәтә тахаряа таа демәәнтәны нүө”күрә някигәң, тәнә җонәнтә някигиң. Тәти няазити ниәгуори. Җиләбтәә” маа” хонәигiити ниәгуори. Минтягэны такәә әмты кобтуа тетуа мелызы”ья икәбаңху. Минтягэны маараа әнды” куба”кугитә нобатәту няазәзити. Тәсиә маа кунтәгу?

Тәти тахарябә Таатү”сирә җонәи” мунунту:

— Тэні"айхүнүнтэ, мэнэ муну"ки"эм, кубу нербыгүө, тэбтэ ноба"сутэмэ, тэсиэнтэ тенинтым. Эмэниэ тахарябэ тэти някэлэтыэмэ ныы"кү сотелэкуо няаžэтэмэ. Маа тэни"аряи" дөžүртэнуум, ниинкя"кутэны?

Тэ, куо хирэгүө маžаңкумтуң энды"э", тэндэ таа камтэну бэньде" җануо нөба"индэ". Нүө"күмтү нөба"а, сыты нөба"иžэ. Тэти тахаряа котудүөдөžүү тааžуу амы"ыа мииниэ бери"эžың, амы"ыа ласятуса, моу дя кабтуймэбтудя кой"эžың моунтэ. Куу эрэкэрэмэны җамтүтү, тэтирэ тахаряа коу нии дя тэндэ контэ, тэтирэ контэ, няадеžэ.

Тэндэ мунунту, тэти няа мунунту:

— Тэтирэ тэни"айхүтэ кондуйтенду. Быэлэ бана"ку исүө, баң, таа бэбэтэ имуңхуанту. Мың няанү" тэрэди", кондуйтендуң.

Тэ"э, тэти ны, маа кунтэгу итеу, хоні"эžити, тэндэ ку" бэйка"а Таатү"си хоніэžэ, нүө, нүө"кү хоніэžэ мыы"э. Табэ лууžитиң маарааžитүң мили"индэ" тэндэ няантү".

Тэгэтэты Таатү"си бэйка"а мунунту:

— Җааңку ихүтэ, ьэнэ нүө"күнэ бэžуахү, мэнэ няа нүөнэ нытэ някэлэкуом. Мэнэ нинтуум сэматаңгум. Тахаряа сэмату", няа", мануо ману, моу няагымхи", моу дийкулэбү", тахаряа минтягэны җуотену нилы"сыžэ" эку", сэмату", няа".

Тэ, тэгэтэты мунунту тэти, няа мунунту:

— Тэ, энтыни, сиэдөкүанү" тэ" касабтүотэндү". Эи, такээ, җадымэ тэитү, бэžуатэнда"ку, каңгүтеи", каңгүти", тыминякүө нилыгумы" җуотену, эмэниэ бэрэңэ" тахаряа бэрэңэи" җилену, эмэ" таанү" бэžү"кэкуому".

Эи", тэгэтэты тахаряа тэти Таатү"сирэ, тахаряа җануо хүөтэ коу дя нигүкэту. Тэти ны бэнсэ деиžити малыžи"э, бэнсэ ны тэти, тэ малыžы"э ихуаžу, тэбтэ дөйбаруа"ку.

Тэни"а нилыкэндэи", хүөтэ нилыкэндэи" няа тэти, сэмату. Тэти куодүму нүө"күрэ бэžу"а. Җу"оляи" ани"имү"ө. Тэти сытың ны нүө"күžүү бэžу"а. Тэкэите җу"оте хуала"анді. Тэгэтэ тахарябэ тэтирэ сэматүрэ няарэ хүөтэ хелыэде ися коныдиэдеэ.

Тэ, бэлта.

Болезнь

Ну, сказка говорит: «Пять чумов, [люди] стойбище сделали. С самого краю стоит один чумик, не очень большой. Эй, это чум слуг, наверное». Ну, сказка зашла в этот чум. Зайдя, сказка говорит: «Эй, у них один сын только. Старик сидит, не очень-то пожилой, со своей женой».

Потом [старик] говорит:

— Оу, меня-то эти богатые люди взяли, чтобы я им пас оленей.

Потом говорит:

— Они меня пастухом взяли, я с этими людьми ради своего ребёнка связался, чтобы я хорошо жил. Я заботился о том, как мой ребёнок вырастет. Жене же своей я сказал: «А что если мы сойдёмся с этими богатыми людьми, своих оленей у нас совсем мало, может, за работу нам оленей дадут». А жена отвечала: «Ну конечно, пойдём».

Ну, эти [богатые люди] стойбище поставили, большие чумы. А этот старичок, этот мужик, всё время сторожит, оленей пасёт. Ребёнка своего с собой берёт.

— Сын мой, вот это вот олени, и вот так их сторожат люди.

Когда-то пошёл [старик] к богатым. Богатый парень [там был], к богатому парню он пошёл. Говорит:

— Оу, почему это у меня теперь половина головы побаливает? Эй, почему она болит? Что-то нехорошее грядёт. Может быть, мы заболеем. Оу, как нам быть? Не переключать ли нам с этого стойбища в сторонку?

Богатый [парень] отвечает:

— Ну, давай аргишим в сторонку. Может, мы аргишили на какое-то грязное место, раз ты плохое чувствуешь. Если бы хоть поблизости были шаманы, шаманов и тех нету.

Они аргишили на другую землю. Ну, стойбище сделали, наверное. Они опять чумы... шесты вместе составили, там стойбище сделали, у старичка чум всё время в сторонке стоит.

Когда-то сколько-то месяцев прошло, наверное. Оу, когда-то опять зашёл этот пастух к тому богатому [парню].

— Оу, у меня половина головы, вот с этой стороны половина головы совсем болит.

— Ну, это, наверное, к плохому. А которая [половина головы] у тебя к хорошему?

— Не знаю, я же сирота. У сирот вот эта, левая половина головы к хорошему бывает. А у удачливых людей вот эта, правая сторона головы к хорошему будет. Ну это у меня, кажется, к плохому.

Ну, ещё месяц прошёл. Оу, когда-то старуха говорит:

— Хиемоу, почему соседи наши молчат? Никто на улицу не выходит.

Ну, этот старик-пастух говорит:

— Старуха, послушай, сходи проверь их, что у них случилось, [но] ребёнка нашего пока не выводи на улицу. Ребёнок наш пускай не выходит. Ты, старуха, сама сходи в ближний от нас чум.

Эй, старуха пошла в ближний чум. Открыла дверь.

— Эй, ребята, почему вы молчите? Олени же наши совсем далеко ушли.

— М, м, — стонет [кто-то].

— Эй, что с тобой случилось? Вы чего, друг друга извели что ли?

— Эй, зачем мы будем друг друга изводить. Заболели мы, кажется. Заболели, наверное, — еле-еле говорит [этот человек].

Эта старуха — она же работница для них — стала костёр разжигать. Может быть, кто-нибудь встанет. Разожгла огонь, повесила чайники на крючки. А мясо, которое они давно сварили, внутри котлов уже совсем протухло, оказывается. Может, два или три дня так варёное [и стояло]. Потом [старуха] стала тянуть крайние одеяла.

— Казяу, богатенький, что ты не встаёшь, что с тобой?

Молчит. Эй, потом стала одна женщина, которая лежала с краю, на сынге.

— Все мои товарищи стонут: «Ы, ы». А некоторые и орут.

Эй, старуха думает: «Что мне теперь делать? Зайду-ка я в другой чум». [Там] тоже [люди] стонут. Аж до пятого чума она дошла, пять больших чумов [там было]. «Эй, а мои-то двое как?» — стала она думать, заходя в последний чум, и остановилась. Когда в последний чум [всё-таки] зашла, там чуть-чуть одеяло шевелится.

— Эй, как вы там?

— Эй, подруга, что с нами случилось?

— Оу, плохо всё теперь. Плохое время, кажется, настало. Болезнь, болезнь [пришла].

Тогда старуха подумала: «Что мне теперь делать? Вернусь-ка я домой». Возвратилась она домой. Ноги у неё совсем стали подгибаться. Она взяла палочку и стала на неё опираться. Дом её далеко, конечно, она же в последнем чуме [была], дом её далеко. Заходит она домой.

— Эй, казяу, старик!

А старик опять начал петь.¹⁰

— Что случилось, моя старушка, на том месте, где мы раньше останавливались, давным-давно люди умерли, может, там косточки их были, они-то, они нас и поймали, кажется. Эй, вот что нас, кажется, поймало, старушка моя. Когда-то давно голодное время [было]... давно, а мы поставили

¹⁰ В тексте некоторые слова старика поются.

чумы на старых костях. Наверное, [там] останки, кости [людей] были. Ну откуда нам было знать, снегом они были покрыты. Если бы лето было, видно было бы, наверное, их кости. А сейчас ведь зима. Когда вы расчищали место для чума, не видели вы никаких костей?

Старуха отвечает:

— Не видели мы [ничего такого]. Я же с соседками своими обычно много не разговариваю. Из-за того, что мы такие бедные, они неохотно с нами разговаривают. Когда мы с ними хотели поговорить, они от нас как будто бы отворачивались, и вид у них становился плохой [=брезговали они с нами говорить].

Эй, потом [старик] говорит:

— Старуха, послушай, давай так сделаем, я попробую похожу. Как твои ноги? Старуха отвечает:

— Мои ноги еле меня держат.

Ну, пастух-старик стал тогда пробовать ходить.

— Казяю, мои-то ноги вроде в порядке. Схожу-ка я к самому главному своему начальнику, к богатому [парню].

— Ладно, сходи. Может, правда, и ты что-то плохое подхватишь, я, кажется, что-то плохое подхватила, пока ходила среди больных. Ты как-нибудь вот так капюшоном слегка прикройся, так и заходи [к ним]. Эй, или вообще не заходи, так [с улицы] говори, или даже покричи: «Вы встали? Богатый, друг, ты встал?»

— Хорошо, так и сделаю.

— Хотя бы наш ребёнок пусть не выходит. Один у нас сын, может, если бог к нам, плохо живущим, хорошо отнесётся, может, он подумает: «Эти [люди и так] плохо живут», — может, оставит он нашего мальчика [в живых], может, и ты останешься [в живых].

— Может, и я останусь, разве знаешь бога, о чём он думает? Его не видно. Хоть бы шаманы были, так даже шаманов нет. Вообще-то бывают эти, плохенькие старушки¹¹. Даже плохеньких старушек нету, [если бы была,] может быть, богу молилась бы, кланялась бы. «Дайте нам [хороший] день», — так просила бы.

Эй, старик ушёл. Звали его Таачуси [=Пастух]. Таачуси пошёл. Стал он там кричать, тоже аж до пятого крайнего чума [дошёл], нигде никто не может встать.

Оу, по солнцу видно, что только что утро настало, оказывается. Солнце только поднимается. [Таачуси] кланяется солнцу:

¹¹ Так называли одиноких старушек, которые могли кланяться и просить бога о помощи.

— Дай нам [хороший] день. Что за болезнь нас поймала?

Так закричал, сказал:

— Дед, послушай, дай жизнь хотя бы моему сыну. Эй, хотя бы сыну дай жизнь.

Так он кланялся солнцу, потом вернулся. Вернувшись, подумал: «Оу хиемоу, почему у меня огонь потух?» Эй, стал огонь разжигать, старик Таачуси.

— Сынок, если меня не станет, пусть твоё имя будет Таачуси Нянтү [=Пастуший Парень]. Соседей наших, вроде, не стало.

Эй, ребёнок стал выглядывать из-под одеяла.

—Тихо, так сильно голову не [высовывай], а то что-нибудь подхватишь. Вон матери твоей уже не стало, кажется.

Ну, ребёнок закрывается. Не такой уж он и ребёнок, подросток.

Оу, старик стал костер разжигать.

— Ну что, сынок, что мы теперь будем делать? Олени наши совсем далеко ушли, наверное. Уже два месяца прошло. Что олени, даже ягель есть на этой земле. А может быть, у тех [людей, которые раньше умерли и от которых кости остались] много оленей было, может, их олени тоже весь ягель съели. Ну, сынок, давай так сделаем. Сначала давай твою бедную маму укроем. Ты смотри не выходи. Если выйдешь, то капюшоном вот так делай [=закрывайся]. Рот закрывай, нос закрывай. [Сильно] не вдыхай. Ветер как раз с той стороны, ветер, кажется, сдувает болезнь в нашу сторону.

— Отец, послушай, я не хочу маму оставлять.

— Эй, сынок, мамы нету, — отвечает [старик]. — Ну, что будем делать. Давай, сынок, возьмём один нюк, несколько шестов давай возьмём. Сынок, всё время заворачивайся в своё одеяло. А я сам сделаю санку, здесь санку приготовлю. У наших богатых соседей хорошие санки. Если у нас санка сломается, кто нам поможет? Где-нибудь найдём, наверное, живых [людей]. Где-то там есть, говорят, Авамская земля. Там, говорят, земля, на которой можно жить. Туда, наверное, хорошо бы нам двинуться.

А ребёнок тем временем под одеялом всё время лежит. Мать будить пытается. Царапает её, а её нет [уже], она не [реагирует].

Ну, когда-то отец говорит:

— Сынок, сынок, ты младшим Пастухом, может, станешь. Эй, сынок, вставай, я всё приготовил. Санку с шестами я сложил. Шесты сложил. Шкуры сложил. Два нюка я снял у наших соседей. У богатых нюки красивые, большие. Может, чум себе поставим, может, укрытие из двух нюков сделаем.

Эй, ребёнок зашевелился. Плачет — конечно, плачет, маму свою не хочет оставлять.

— Ну, сынок, давай. Здесь сиди на санке. Лицом против ветра не сиди. А то какой-нибудь запах вдохнёшь. Вот так сиди, согнувшись, спиной к ветру, а я пойду за оленями.

Старик Таачуси пошёл, маут взял, верёвки свои взял, наверное. Ну, когда-то отец вернулся. Санку для шестов, санку для утвари — пять санок приготовил, оказывается, отец.

— Ну я нам, сынок, всякое разное [приготовлю]; а ты всё время сиди, отвернувшись от ветра. Я всякое-разное: ножи, топоры — всё для нас соберу. Ты не ходи.

Завязал Пастух-старик оленей. Завязал, запряг. Говорит:

— Оу, как же я так, я жене ничего на глаза не положил, если я её так оставлю, она потеряется среди умерших.

Эй, ничего [у него самого] нету, ну, он откуда-то у богатых вытащил коробочку. Положил жене на глаза две бусинки. Откуда-то нашёл маленький лоскуток шкурки, шерсть снял, этот Пастух-старик. Так только слёзы [у него текут].

— А те-то [другие] как будут? Как я всем поставлю глаза? Я жене, матери, глаза поставлю.

Вот старик завязал глаза жене. Всё время вот так рот закрывает, и нос.

— Ну, сынок, пойдём.

А ребёнок все плачет и плачет:

— Мы маму оставили.

— Ну что поделаешь, их же много [умерших]. Друг друга найдут, наверное, [где-то] в той земле они, говорят, живут.

Так [старик] своего ребёнка отвлекает. Потом говорит:

— Нгадеум Таачуси [=Младший Пастух], давай пойдём — может, бог на нас оглянется. Может, [хороший] день он нам даст. Мы же слуги — может, бог на нас посмотрит. Мы же с тобой бедные люди, мы же слуги. Богатый ведь иногда на нас покрикивал. От твоей мамы жёны богатых тоже отворачивались, когда она с ними заговаривала. Ты не слышал, что ли, что мама рассказывала?

— Папа, конечно, я слышал. Папа, ты не болеешь?

— Нет, ноги у меня в порядке.

Ну, они ушли, аргишили. Ребёнок всё время плачет, всё время туда смотри, на чум матери. Ушли они вдвоём.

[Где-то] нашли они много оленей. Олени [там] паслись. [Таачуси] говорит:

— Сынок, с этой стороны, кажется, быки. Давай ещё важенок погоним. Немножко возьмем, зачем нам много, пусть хоть десяток будет. Может, где-нибудь найдём живых людей.

Вот они идут, идут, несколько месяцев аргишат. В сторону Авама аргишат. Авамская земля, говорят, [где-то] есть. Ну, когда-то дошли они до гор. А горы прямо так вверх [поднимаются].

— Оу, что там такое? — говорит отец, старик Таачуси. — Сынок, там, вроде, один чум стоит. Может, там какие-нибудь люди есть.

— Ты их знаешь?

— Говорят, есть такие люди — нганасаны.

А сын спрашивает:

— А мы кто такие, мы не нганасаны?

— Нет, мы энцы.

— Если мы энцы, то откуда мы такие, энцы?

— Оу, земля энцев развалилась. Там болезнь появилась, [страшная] болезнь. Все наши энцы исчезли. Наверное, мы, энцы, когда-нибудь исчезнем. А от нганасанского рода, если даже земля перевернётся, сколько-то людей останется, наверное.

Оу, тогда мальчик, Нгадеум Таачуси, говорит:

— Отец, послушай, давай пойдём к тому чуму.

Этот [Таачуси] отвечает:

— Сынок, я один зайду. Меня над костром занесут.

Он приоткрыл дверь [в чум]. А там сидит какая-то женщина. Одна только женщина.

— Оу, откуда вы?

— Мы, говорят, энцы, — отвечает Таачуси. — Ребёнок мой на санке сидит.

— Казяу, почему ты его не заносишь? У меня тоже были богатые [хозяева]. Они хотели выдать меня замуж за своего сына и не смогли, я не хотела, поэтому меня здесь оставили одну. Они меня, о ужас, чуть не привязали к шесту.

— Оу, совсем это плохо. Я-то не молодой уже человек. А ты молодая, кажется. Дочка, или хоть кто ты будешь, послушай: ты три костра разожги. Я над кострами [пройду и] зайду. Ребёнок мой тоже над костром пусть [пройдёт и] зайдёт. А ты пока приготовь нам какой-нибудь еды и чаю.

Женщина занесла снег. Растопила этот снег в чайнике.

— Ну, подожди, кто бы ты ни была, хоть дочка, хоть кто.

Оу, этот старик Таачуси вышел на улицу. Оу, что такое, один олешек там привязан, большая важенка. Они её не отвязали. Он эту важенку по черепу ножом кольнул. Потом разделал её, а женщина за ним подглядывает: «Ну, сейчас-то, наверное, я поем». [Её богатые хозяева] совсем никакой еды ей не оставили. Старик Таачуси как следует разделал этого оленя.

— Ну-ка, дай-ка сюда корыто.

Женщина вынесла корыто. И они быстро сварили мясо. Потом [Таачуси] спрашивает:

— А эти нганасаны, что они, в какую сторону они аргишили?

— Оу, они аргишили к горам.

— А может, пойдём по их следу?

— Ну не знаю, если мы за ними пойдём, они же меня опять отдадут [замуж]? Они меня замуж выдают. За то, что я не хочу, они так со мной и обращаются, эти нганасаны.

Тогда [Таачуси] говорит:

— Послушай, дочка, что будет, у меня несколько есть оленей, давай будем жить, как будет, так будет. Еще сын у меня [есть], я из плохой передряги выбрался. наших товарищей всех не стало. Болезнь, [страшная] болезнь идёт. Давай аргишим отсюда, всё время будем аргишить, пока не найдём нганасан.

— Может, мы найдём их след, — говорит эта женщина. — Ну что теперь. Бог, наверное, так решил, что тебе так попало. И со мной совсем плохо обращались, я ведь сирота. Тоже меня где-то нашли, говорят. Эти нганасаны так говорят. Когда я выросла, они стали выдавать за своего сына, а я не хочу, сердце у меня не лежит. Наверное, [бог так устроил,] чтобы я к вам попала. Наверное, бог сказал: «Ты, сирота, наверное, встретишь людей, ушедших от плохого». Эти нганасаны любят унижать, нганасаны такие. Оу, ну как теперь будем?

Ну, они всё аргишат и аргишат. А санки — у [старика] самого [есть] санки, пять санок: одну санку он отдал женщине, одну санку выделил под мясо, ещё санку — под шесты, под нюки, под постель.

Ну, теперь ребёнок говорит:

— Папа, а ты кто, ты как шаман, кажется, может, ты шаманом станешь?

— Эй, сынок, как я стану шаманом, я ведь уже пожилой. Ну, сестру я себе хотя бы нашёл.

Ну, так они аргишат, по следу этих нганасан аргишат и аргишат. Оу, когда-то там появилось очень много оленей. Таачуси снова говорит:

— Дай мне [хороший] день, где мой бог наверху, слышишь ты или нет, женщину-сироту я нашёл, с сиротой сыном своим, дай ему [хороший] день.

Всё время он солнцу кланяется. И что такое: [им повстречался] пастушак нганасанин, тоже, наверное, пастух, [оленей] сторожит.

— Казяу, кто ты, откуда ты?

— Эй, я не очень-то хороший, я энец. Все там..., богатые [люди] были, я у них сторожем оленей был. И они все умерли.

Оу, этот нганасанин говорит:

— Эй, хиемоу, сынок, может, это Сюдю Нгуо [который всех убивает]?

— Сюдю Нгуо, наверное, ходить начал. Плохая болезнь, наверное, начала ходить. Возможно, мы встали стойбищем на костях, на чумище давно умерших [людей].

— А что, разве не лето было?

— Оу, нет, это в эту зиму такое случилось. Под снегом, наверное, лежали кости, да разное. Кто мог предвидеть, что мы на такое место встали?

Эй, нганасанин тогда говорит:

— Ну, так поступи: сделай себе чум. Наши чумы вон там, видно наши чумы, неподалеку они виднеются. Совсем близко к чумам ты свой чум не ставь.

— Что делать, поставлю.

— Мы нганасаны, у нас такие обычаи. Ты же говоришь, что у тебя есть несколько оленей, «вон мои олени, не видишь, завязанные; одну важенку, хорошую важенку я зарезу для себя, когда туда дойдём». И через этого оленя ты весь аргиш проведёшь. А оленью кровь положишь в миску. Потом этой оленьей кровью ребёнка своего намажешь и сам натрёшься. Штаны снимите. Нижнее бельё снимите. Говорят, эта девушка большая мастерица. Может, из каких-нибудь шкурок сделает вам штаны. Это ведь недолго.

Потом Таачуси снова говорит:

— Если ты так велишь, я [тебе] отвечу, что шерсть со шкуры я сам сделаю, я умею. Женщина, которую я взял, сошьёт мне штаны. Так что ли буду ходить, с верхними штанами?

Ну, когда-то они чум [сделали], кровью оленьей все хорошенько вымылись. [Таачуси] и сына помыл, и сам помылся. Оленя, которого они убили, они вот так обрезают, и, положив вниз животом, оставили на земле. Рога [оленью] хорошенько [поправили] — это жертва солнцу, по-нганасански «контэ».

Потом этот нганасанин говорит:

— Это значит, что ты жертву приносишь. Можно собачку, вместо оленя собачка бывает. Мы, нганасаны, такие — жертву приносишь.

Ну что, эта женщина — долго разве — сделала штаны старику Таачуси и его сыну. Нганасаны дали им разную одежду.

Потом старик Таачуси говорит:

— Дочка, послушай, когда мой сын вырастет, я возьму для него жену-нганасанку. Я же энец. Потом когда-нибудь, когда земля поправится, когда повернётся, тогда, может, энцы и нганасаны вместе жить будут.

Потом нганасанин говорит:

— Языки-то наши чуть похожие. У меня сестрёнка есть, подрастает, потом когда-нибудь [тебе её отдам], а сейчас давай будем жить вместе; вон горы, под горами оленей будем выращивать.

Эй, старик Таачуси всё время кланяется к солнцу. А эта женщина нюки сделала, она мастерица, оказывается, тоже сирота.

Так они живут и живут, этот нганасанин и энец. Этот мальчик вырос. Большой уже стал. И девочка выросла. Их поженили. И вот этот энец и нганасанин навсегда стали родственниками.

Ну, всё.

Рассказчик:	Екатерина Субоптеевна Костеркина (1940 г.р.)
Автор записи:	Мария Брыкина
Место записи:	Усть-Авам
Дата записи:	2008 г.
Транскрипция и перевод:	Евдокия Демнимеевна Порбина, Нина Дентумеевна Чунанчар, Мария Брыкина
Название текста в корпусе INEL:	KES_080721_Disease_flkd

Disease

Well, the Mouth¹² says: "There were five tents, some people had built a camp. At the very edge stands one tent, not very big. Hey, that's probably the servants' tent." Well, the Mouth entered this tent. The Mouth says: "Hey, they have only one son. An old man, not very old, is sitting there with his wife."

The old man says:

"Once, I was taken by some rich people to herd reindeer for them."

Then he says:

"They took me in as a shepherd, I got involved with these people for the sake of my child, so that I would live well. I cared about how my child would grow up. I said to my wife: 'We have very few reindeer of our own. What if we get together with these rich people, and maybe they will give us reindeer for our work.' And my wife answered: 'Of course, let's go.'"

Well, these rich people set up a camp with big tents. And this old man, this man, is always on guard, herding reindeer. He takes his child with him.

"My son, these are the reindeer, and this is how people guard them."

Once the old man visited a rich man's house. A rich man was there, so he went up to him and said:

"Ah, why does half of my head hurt now? Hey, why does it hurt? Something bad is coming. Maybe we are going to get sick. Oh, what should we do? Shouldn't we move away from this camp?"

The rich man answers:

"Well, let's relocate. Maybe we have driven the reindeer to some tainted place, that is why you are feeling bad. If only there were shamans nearby, but there are none."

They drove the reindeer to another land. Maybe they set up a camp. Yes, they made a camp there, with the old man's tent on the edge as always.

A couple of months must have passed. One time, the shepherd visited the rich man again.

"Ah, my head hurts badly on this side!"

"Well, that must mean something bad. Which half of your head is good?"

"I don't know, I'm an orphan. For orphans, the left side is the good one. And for fortunate people, the right side is the good one. Well, I think this side is bad."

Another month passed by. And one time, the old woman says:

"Khiemou, why are our neighbors silent? No one goes outside."

Well, the old shepherd says:

¹² The Mouth is a fictive meta narrator who can observe everything and can access places that the storyteller cannot.

"Listen, old woman, go and check on them and see what's wrong, but don't take our child outside yet. Our child mustn't go out. You, old woman, go to the tent nearest to us."

So, the old woman went to the nearest tent. She opened the door.

"Hey, people, why don't you say anything? Our reindeer have gone far away."

"M, m," someone moans.

"Hey, what's happened to you? What, did you kill each other or something?"

"Oh, why would we beat each other up? I think we're sick. Sick for sure," the man answers but he can barely speak.

The old woman – since she works for them – started making a fire. Maybe someone will get up. She lit the fire, hung the kettles on hooks. And as she looks, she sees that the meat inside the cauldrons, which had been boiled long ago, was already completely rotten. It could have been there for two or three days. Then the old woman started pulling out the outermost covers of the tent.

"Hey, rich man, why don't you get up, what's wrong with you?"

Silence. Then the woman, who had been lying on the edge, on the syng¹³, got up.

"All my comrades are moaning: 'Ow, ow'. And some of them are yelling."

And the old woman wonders "What am I going to do now? I'll go and check on another tent." The people there are moaning, too. There were five big tents, and she reached the fifth tent. "Hey, what about my two own?" she started thinking. She entered the last tent, and stopped. The blanket was moving a little.

"Hey, how are you people doing?"

"Oh, my friend, what happened to us?"

"Oh, everything is bad now. Bad times seem to be upon us. A disease, a disease has come."

So, the old woman wondered: "What am I going to do now? I shall go back home." So, she returned home. Her legs began to weaken. She took a stick and leaned on it. Her home is far away, of course, she was at the last, farthest tent, her home is far away. She arrived home.

"Kazia, old man!"

And the old man started singing.¹⁴

"What happened, my old woman, in the place where we used to stay... people had died a long time ago, maybe their bones were there, and it seems that they caught us. Yes, that's what seems to have caught us, my old woman. Once upon a time, there was a famine... a long time ago... and we put tents on the old bones. There must have been remains, the bones of people. Well, how could we know, they were covered in snow. If it had been summer, you could have probably seen their bones.

¹³ Syng is the sacred area in the tent opposite the entrance.

¹⁴ In the text, some of the words are sung.

But now it's winter. When you were clearing the place for the tents, did you see any bones?"

The old woman answered:

"We didn't see anything like that. I don't usually talk to my neighbors much. We are so poor; they are reluctant to talk to us. When we wanted to talk to them, they seemed to turn away from us, and they looked like they were afraid to talk to us."

Then the old man said:

"Listen, old woman, let's do this: I'll try walking. How are your legs?"

The old woman replies:

"My legs can barely hold me."

So, the old shepherd tried to walk.

"Kaziau, my legs seem to be fine. I'll go to the chief, to the rich man."

"Okay, go. You might really catch something bad. I think I caught something while I was walking among the sick. You can enter with a hood on your head, like this. Or don't enter at all, rather speak or even shout from outside: 'Are you up? Rich friend, are you up?'"

"Okay, I'll do that."

"At least, let our child stay inside. We only have one son, maybe God will treat us, the poor, well. Maybe he thinks: "These people live so poorly". Maybe he will spare our boy, maybe you will survive, too.

"Perhaps, I will survive. Do you know God; do you know what he is thinking? You can't see him. I wish there were shamans... but there aren't any here. Or maybe those bad old women¹⁵. But there are no bad old women here either. If one of them were here, maybe she would pray to God, maybe she would bow down, saying 'Give us a good day!'"

So, the old man left. His name was Taachusi, which means shepherd. Taachusi went on and on. He began shouting, but no one could get up anymore. He passed the fifth, outermost tent.

Oh, you can see from the sun that the morning has just come. The sun is just rising. Taachusi bows to the sun:

"Give us a good day. What disease has caught us?"

Then he shouted:

"Grandfather, listen, at least spare my son's life. At least let my boy live.

So he bowed to the sun and returned to his tent. As he got back, he thought: "Oh, khiemou, why has my fire gone out?" So, he started to rekindle the fire, the old man Taachusi.

¹⁵ This is the name given to lonely old women who could bow down and ask the gods for help.

“Son, if I am gone, let your name be Taachusi Nyantu, the shepherd’s boy. Our neighbors seem to have passed away.”

And the child started peeking out from under the blanket.

“Don’t stick your head out so much or you’ll catch something. Your mother’s passed on, I think.”

So, the boy covers himself. He’s not that much of a child, more of a teenager.

Well, the old man started a fire.

“Well, son, what are we going to do now? The reindeer must have gotten pretty far away by now. It’s been two months already. Not only reindeer, but moss is also abundant in this land. Maybe those who had died earlier had many reindeer, maybe their reindeer also ate all the moss. Well, son, let’s do it this way. First, let’s cover your poor mother. Don’t go out. If you go out, wear your hood like this and cover yourself. Cover your mouth, cover your nose. Don’t breathe too heavily. The wind is coming from that direction. The wind seems to be blowing the disease towards us.”

“Dad, listen, I don’t want to leave mom.”

“Oh, son, your mom is no more,” the old man replies. “Well, what are we going to do? Come on, son, let’s take the reindeer hide, let’s take some poles. Son, wrap yourself in your blanket all the time. And I’ll make a sledge myself, I’ll make a sledge here. Our rich neighbors have good sledges. If our sledge breaks down, who will help us? Somewhere we’ll probably find people alive. They say, there is a land called Avam somewhere. There, they say, you find a land to live on. Perhaps, it would be good to move there.”

Meanwhile, the child is lying under the blanket all the time. He tries to wake up his mother. He scratches her, but she has already passed on, she doesn’t move.

His father said:

“Son, son, maybe you’ll be the youngest shepherd. Hey, son, get up, I’ve got everything ready. I’ve got the sledge and the poles ready. I’ve got the poles, I’ve got the hides. I took two hides from our neighbors. The rich ones have nice, big hides. Maybe we’ll build ourselves a tent, maybe we’ll make a shelter out of two hides.”

So the child has moved. He’s crying – of course he’s crying, he doesn’t want to leave his mother.

“Come on, son, come on. Here, sit on the sledge. Don’t face the wind. Or you’ll inhale some bad fumes. Sit like that, bent over, with your back against the wind, and I’ll go after the reindeer.”

Old man Taachusi went, took his harness and his ropes, I think. And then he came back. A sledge for poles, a sledge for utensils... the father apparently prepared five sledges.

“Well, my son, I’ll prepare all sorts of things for us; and you sit tight all the time, turning away from the wind. I’ll gather all kinds of things: knives, axes – everything we need. Don’t go anywhere.”

The old shepherd harnessed the reindeer. He says:

“Oh, how could I do this, I haven’t put anything on my wife’s eyes! If I leave her like this, she will be lost among the dead.”

But he didn’t have anything, so he took a box from one of the rich people’s tents. He put two beads on his wife’s eyes. He found a small flap of fur somewhere, took off the wool, this old shepherd. His tears are flowing.

“And what about all the others? How could I cover everyone’s eyes? I will cover the eyes of my wife, the mother of my child.”

The old man covered his wife’s eyes. The whole time he kept his mouth shut and didn’t breathe.

“Come on, son, let’s go.”

But the child keeps crying and crying:

“We have left mom behind.”

“What can you do, there are many of the dead. They will find each other, they will live somewhere in that land, they say.”

So, the old man distracts his child. Then he says:

“Let’s go, Ngadeum Taachusi, maybe God will look back at us. Maybe he will give us a good day. We are servants – maybe God will look at us. We are poor people, we are servants. The rich man sometimes shouted at us. Even the rich man’s wife turned away when your mother talked to them. Didn’t you hear what your mother told you?”

“Of course I heard, daddy. You’re not sick, are you, daddy?”

“No, my legs are fine.”

So, they set off. The child keeps crying, always looking back at his mother’s tent. They left together, father and child.

They came across a lot of reindeer somewhere. The reindeer were grazing there. Taachusi said:

“I think there are bucks on this side. Let’s chase a few does. We’ll take a few, we don’t need too many... make it ten. Maybe we’ll find people alive somewhere.”

So, they wander on like this. After traveling for several months, they reached the land of Avam. They say there was this land of Avam somewhere there. Then they reached the mountains. And the mountains are rising straight up.

“Oh, what is there?” says the father, the old man Taachusi. “Son, there seems to be a tent there. Maybe we’ll find some people there.”

“Do you know them?”

“They say there are people called Nganasans.”

And his son asks:

"What are we? Are we not Nganasans?"

"No, we are Enets."

"If we are Enets, where are we from?"

"Well, the land of the Enets has fallen apart. A disease broke out there, a terrible disease. All the Enets people have disappeared. Maybe we, the Enets, will disappear someday. But even if the earth turns over, there will probably still be some Nganasan people left."

Then the boy, Ngadeum Taachusi, says:

"Father, listen, let's go to that tent."

The old Taachusi replies:

"Son, I will go in alone. I will be put over the fire."

He opened the door to the tent. There is a woman sitting inside. One woman alone.

"Oh, where are you from?"

"We are called Enets," Taachusi answers. "My child is sitting on a sledge."

"Oh, why don't you bring him in? I too had rich masters. They wanted to marry me off to their son, but I didn't want to, so they left me here alone. They almost tied me to a pole. Oh, the horror... they almost tied me to a pole."

"Oh, that's bad indeed. I am not a young man anymore. But you look young. Well, daughter, or whoever you may be, listen to me: light three fires. I shall walk on the fires. Let my boy walk on the fires, too. Then, you prepare some food and tea for us."

The woman gathered some snow and melted it in a kettle.

"Now wait here, daughter, or whoever you are."

Old man Taachusi went outside. Oh, what's that?! There's a reindeer tied up in there, a big doe. They haven't untied it. So, he stabbed the big doe in the skull with a knife. Then he butchered it, while the woman was watching him: "Well, I guess I'll eat now." Her rich patrons left her no food at all. Old man Taachusi butchered the deer properly.

"Give me the trough."

The woman brought out the trough. And they quickly boiled the meat. Then Taachusi asked:

"And these Nganasans, in which direction did they move?"

"Oh, they traveled towards the mountains."

"Can we follow their trail?"

"I don't know... if we follow them, won't they give me away in marriage again? They're marrying me off. They treat me like this, these Nganasans, because I don't want to get married."

Then Taachusi said:

"Listen, daughter, I tell you what's going to happen. I have a few reindeer, let's live together, whatever will be, will be. I also have a son, I got out of a bad situation. Our comrades are all gone. A disease, a terrible disease is coming. Let's move from here, we will always be on the road until we find the Nganasans."

"Maybe we will find their trail," says the woman. "What then? God must have decided to put you in such trouble. I'm an orphan, they treated me badly. They found me somewhere too, they say. That's what the Nganasans say. When I grew up, they wanted me to marry a son of theirs, but I don't want to; my heart is against it. Probably, God arranged it so that I came to you. God must have said: 'You, an orphan, will probably meet people who have gotten away from bad things.' These Nganasans like to humiliate others, Nganasans are like that. Oh, what are we going to do now?"

Well, they keep traveling and traveling. The old man had sledges, five of them: he gave one sledge to the woman, one sledge they used for meat, another sledge for the poles, one for the hides and one for sleeping in.

Now the child says:

"Daddy, who are you? You are like a shaman, maybe you will become a shaman?"

"Hey, son, how can I become a shaman? I'm old already. Well, at least I found a sister."

So, they kept traveling on the trail of the Nganasans. They kept moving and moving. Once, they stumbled upon a great herd of reindeer. Taachusi says again:

"Give me a good day, my God up there, whether you hear me or not. I found an orphan woman, I'm with my orphan son, give him a good day."

He bows to the sun all the time. But what is that over there? A Nganasan shepherd, guarding reindeer.

"Kazia, who are you, where are you from?"

"Well, I'm not very good. I'm Enets. All those... rich people... I was their reindeer keeper. And they all died."

The Nganasan says:

"Khiemou, son, maybe it's Syudyu Nguo¹⁶ who kills everyone?"

"Syudyu Nguo must have started wandering around. The horrible disease must have set off. Perhaps we set up the camp on top of the bones, over the campsite of long-dead people."

"Why, didn't it happen in the summer?"

"Oh, no, it was this winter when it happened. There were probably bones under the snow, and other things. Who could have foreseen that we'd come to such a place?"

The Nganasan says:

¹⁶ Syudyu Nguo is the god of infectious diseases, e.g. smallpox.

“Well, do this: set up a tent for yourself. Our tents are over there, you can see our tents, they are not far away. But don’t put your tent too close to the other tents.”

“I’ll do it.”

“We are Nganasans, we have such customs. You say that you have a few reindeer. ‘There are my reindeer, can you see them all rounded up? I will slaughter one doe, a good doe for myself when we get there.’ The whole caravan should go over this reindeer. Put the reindeer’s blood in a bowl. Then rub the blood of this reindeer on your child and yourself. Take off your pants. Take off your underwear. They say this girl is a great craftswoman. Maybe she’ll make you some pants out of some skins. It won’t take long.”

Then Taachusi speaks again:

“If you command so, I will answer you that I will make the fur from the skins myself, I know how. The woman whom I have taken with me will make me pants. Shall I walk like this, with my riding pants?”

Well, once they made a tent, they washed everything well with reindeer blood. Taachusi washed his son and himself. They cut up the deer they killed and left it on the ground with its belly down. They set its horns straight as an offering to the sun, it is called ‘konte’ in Nganasan.

Then the Nganasan says:

“It seems you’re making a sacrifice. You can have a dog, instead of a deer. We Nganasans are like that – we sacrifice.”

Well, the woman took a long-time making pants for old man Taachusi and his son. The Nganasans gave them different clothes.

Then old man Taachusi said:

“Daughter, listen, when my son grows up, I will get him a Nganasan wife. I’m Enets. Then someday, when the earth recovers, when it turns, then, maybe, Enets and Nganasans will live together.”

Then the Nganasan says:

“Our languages are a bit similar. I have a little sister, she is growing up, then one day I will give her to you, but now let’s live together; there are mountains over there, under the mountains we will herd reindeer.”

So, old man Taachusi always bows to the sun. And the woman made hides, she is a craftswoman, it turns out she is also an orphan.

So, they live on, this Nganasan and the Enets. The boy has grown up, he’s a grown man now. And the girl has grown up. They got married. And this Enets and Nganasan have become relatives forever.

That’s it.

Storyteller:
Recorded by:

Ekaterina Subopteevna Kosterkina (born in 1940)
Maria Brykina

Place of recording:	Ust-Avam
Date of recording:	2008
Transcription and Russian translation:	Evdokiya Demnimeevna Porbina, Nina Dentumeevna Chunanchar, Maria Brykina
Identity in the INEL corpus:	KES_080721_Disease_flkd

РАССКАЗЫ О ШАМАНАХ / TALES ABOUT SHAMANS

10. Үэзэ турка"а / ШАМАН-ОЗЕРО / SHAMAN LAKE

Үэзэ турка"а

Тэ канкээ исүө ихүтү хүньсерээдеэнуузу, хүнсерээдеэ тэтэ дүрымыэдеэ җана"сану". Тэти тахаряа такээ Үэзэ турка"а нану малүсүө" ибаху" мажэ", хонэнтую" хонэбамбу". Тахаряа тэти җэтың тэисүө ибаху. Тэ җэтэзэкэбяхы. Колатун маагальте никэбямбы" котэ", маагальте хонэли"итэ" ибаху. Тахаряа тэти җэтың мунубаңху:

— Мэнэ хотэлэндэ"ки"инэ, эмэ турку дермэны.

Сүрүдэ"аде исүө эку. Үүтүзэ" нииде мабта, сырту нянабтума"ку. Тэти тахаряа хотэли"э ибаху. Бүүтэса мунубаңху:

— Бугуртэти тиэңыры". Накүрэ дялы бэхү"ө или кангэбта, или күзүатудяабта, букурыти җэтэгуору". Нимбы"ыа җана"сараа җэтэгүүтүн.

Тэти җэзың хотэли"э ибаху. Бэнсэ кэбэ"тэсы, бэнсэ хотэли"э.

Тахаряа тэти сити нумайкаа, нуолы манакү бэзүатэтуогэй нумайка"агэй таатүгүяуаңхугэй хииньдя. Мунуңхуаңхугэй:

— Эмэниэ маадэ мунубу «эмэ" нүө" никуо" дөтүрү" тэндэ дөңга" дя, букурэ никуо" җэтэу"»? Маа ниңыми җэтиде".

Тэти кона"агэй ибаху, букурэй җэтэуаңхуанса. Тахаряа тэндэ букурэ җэтэу"ки"эгэй ибаху, тэни"аряи" колыгүмате җануо тэндэ бугурмэны сити"а кэиэ тэни"аряи" җануо хуаа муоде мантэ тэни"а туу"о" ибаху, тэндэ букурэмты нягитындэти. Тэндэ" дүзы дерны тахаряа, дүтыны или бугуртэ хяитэны җэтумы"э ибаху, мааңуна эмтырэ, хотэма"а маагүө, җана"сарэгу ихүтэ мабтабта ихүтэ, тэти җэтумы"э ибаху тэни. Нуолы тэти нумайка"агэй маагальте хыымсы букурэмти нөлхуа"алта"агэй тэндэ. Мазу" дя торэ"ми"эгэй. Тэти бадү"өгэй мазуту терэй.

Тэти тахаряа туйса тэти нимбы"ити букурэмту җэтэу"ки"э". Тэти тэндэ дялы исүөдеэ канкээ тэти җэтуң мунубсадеэ «мэнэ сэбулнуру", туйсүзэм, тээ түхэны җэтэбү"». Тэ, җэтэу"ки"э" ибаху, тэти җэтың дяңку. Тэти нумайка"агэй мунубаңхугэй:

— Катемэсуоми, бугурми нөлхэзүсуоми.

Тэти җэтың хүөтэ тэнини ибаху тэндэ туркутэну, тыминякалитемэны мунуңкэндү". Минтягэны тэибыте" экуту, такээ хелы тэнини итүө" хиинүхи", җануо хиити манакү хоймэгимтэкэбү", катемэңкэбамбу тэндэ бызэ дерэ, җэтумкэбяхы хотэма"а маатекүө, бызэ дерэ нуайлеку җэтумкэбяхы. Бэнсэ хотэма"а икэбаңху. Хиимтэкэбү" катемэкэбаңху кангэ, дялыты нимэкү" җэзүхи"э түхэны эку кангабта. Тэти мунумумбату", эмэ" нимбыэ"

мунуңкэсуо”, тэти Һэ” Һэндяи”... эмэ тыминямэны никэбяңхызың катемэ”, мануо хуңьсерээдеэ катемэкэбаңху”. Тыминя дянгу”, нигэты” тэ мунэ” «мың катемэгэтуну” тэрэди».

Тэ бэлта тэ, тэрэди тэти Һэжэ турка”а ним.

Шаман-озеро

Когда-то давно [это было], [это] рассказы людей прежних времён. Где-то возле Шаман-озера стояли, говорят, чумы, люди [там] голодали. У них был, говорят, шаман. Он шаманил. Рыбу никакую, говорят, не могли поймать, совсем голодали. Однажды их шаман говорит:

— Я нырну в это озеро.

Наверное, была зима. То ли весна приближалась, то ли что — лёд был тонкий. И вот он нырнул. Уходя, он сказал:

— Поставьте сети. Когда три дня или сколько-то пройдёт, или утром, сети проверьте. Пусть только пожилые люди проверят.

Ну, шаман тот, говорят, нырнул. Прямо в своём шаманском одеянии нырнул.

А два подростка, два слегка подросших парня, ночью оленей сторожили. И они говорят:

— Почему он сказал «пусть дети не ходят к проруби проверять сети»? Пойдём-ка проверим.

И они, говорят, пошли проверять сети. Начали они проверять сети, и, когда они тянули сети, рыбы, говорят, с двух сторон этой сети было прямо как [листьев на] ветке дерева. Среди [этих рыб] — в середине или в конце сети — показалось что-то непонятное, что-то разукрашенное, человек или что-то ещё, вот такое там появилось, говорят. Конечно, эти подростки сильно испугались и сети выпустили. И они побежали домой. И рассказали обо всём жителям стойбища.

Взрослые, придя [к озеру], стали проверять сети. Был, вроде, тот день, про который шаман говорил «вы меня вытащите, я приду, тогда вы и проверите». Проверили они — шамана нет. Эти подростки говорят:

— Мы увидели [вот такое] и отпустили сеть.

Этот их шаман, говорят, всё время находится там, в озере, даже в наше время про это говорят. Наверное, он и сейчас он, некоторые [люди], которые там бывали, [говорят, что] ночью, когда начинает темнеть, в сумерках, иногда видно, [как] в воде показывается что-то разукрашенное, вроде как островок показывается. Весь разукрашенный. Вечером, говорят, видно, или когда ещё чуть-чуть день, или когда-то. Говорят, пожилые люди говорили, этот шаман, наверное... в наше время его не видят, раньше видели. Сейчас нет [таких людей], никто не говорит «мы его видели».

Ну всё, вот откуда это название, Шаман-озеро.

Рассказчик:	Николай Санкевич Чунанчар (1951 г.р.)
Автор записи:	Мария Брыкина
Место записи:	Волочанка
Дата записи:	2008 г.
Транскрипция и перевод:	Зинаида Солобтеевна Чебодаева, Валентин Гусев
Название текста в корпусе INEL:	ChNS_080214_Notarye_flkd

Shaman Lake

This is a story of people from old times. Somewhere near Shaman Lake there were tents, they say, and people were starving there. They had, they say, a shaman. He was a shaman. They say they could not catch any fish, that's why they were starving. One day their shaman said:

"I'm going to dive into this lake."

It must have been winter. Maybe spring was coming, because the ice was thin. So he dove in. As he was leaving, he said:

"Set the nets. When three days or so have passed, check the nets in the morning. Only older people should check them."

So, the shaman, they say, took a dive. He dove wearing his shaman's garb.

And two teenagers, two young men were guarding the reindeer at night. And they say:

"Why did he say, 'Don't let the kids go to the ice hole to check the nets?' Let's go and check it."

And they went to check the nets. And they began to check the nets. And the fish, they say, on both sides of the net were just like leaves on a tree branch, when they pulled the nets. Among these fish – in the middle or at the end of the net – something showed up. What is it? Something painted, a person or something, that's what appeared there, they say. Of course, these teenagers were very frightened, and they let the nets go. And ran home. They told everything to the people of the camp.

The adults came and started to check the nets. It was the day the shaman said "Pull me out. I will come, then you can check me." When they checked, the shaman was gone. These teenagers say:

"We saw this and let go of the net."

This shaman of theirs, they say, is there in the lake all the time, even nowadays they say so. Probably, he is there even now. Some people, who have been there, say that at night, when it starts to get dark, at dusk, sometimes you can see in the water that something colorful appears, like an island. It's all painted. In the evening, they say, you can see it, or when it's still a little bit bright, or whenever. They say, elderly people said that this shaman, probably... they don't see him nowadays, they used to see him before. Now nobody says, "We saw him" anymore.

That's it, that's where the name 'Shaman Lake' comes from.

Storyteller:	Nikolai Sankevich Chunanchar (born in 1951)
Recorded by:	Maria Brykina
Place of recording:	Volochanka
Date of recording:	2008
Transcription and Russian translation:	Zinaida Solobteevna Chebodaeva, Valentin Gusev

11. ХУАЛЭЭ НЭ” / ШАМАН ХУАЛЭ / SHAMAN KHUALE

Хуалээ нэ”

Хүнсэрээны, тыминя һанасанэ” Чунанчарэ фамилитіэ”, тэндые тансэзун исүө ибаху Хуалээ. Тахаряа Хуалэй” нэзэ”э тэисүө ибаху, нимті исүө ибаху Дебы. Аніка нэ” исүө ибахуоу, тахаряа каңгүтекүөнү нэтэзэки”э ибаху. Тэні”а нэтэзэкэди тахаряа мунубаңху, һанасану” дэ:

— Мэнэ ані”э нэ” ися конысызэм ибахум. Ані”э нэ” ися конынякэнэ тахаряби” һанасанэ кухуотэны хеньдирмэ тянэзэтыбямбим.

— Оу, — һанасанэ” мунумунутун, — оу, тэ-тэ сылы итеңу тэті һанасагүмү?

Сыты мунунту:

— Куні”а сылы мың малиртінінү” тэ нилыты, дөйбаруо ны нүө. Тэты тахаряби” кобтуамту”о нуоляи”, тэті дөйбаруо нүө ны комсязу тэитү. Тэндэ комсямту күзяхү” мүтэмэкуору”, басаңэ, мунугуору” «Нэмсугалимү”өмуоу”, коны”, басаде”, масутурса». Сүартэмту маагүө контугоу, тахаряа тэндэ нумайка”а дянгуитюндэ кобтуамту эмэніэ, комсямту, тың сүкүзүкүөрү”. Каңгэ тахаряа сүкүзүбүнүндү”, кухуомту кэхилекуору”.

— Оу хиэмэу, тахаряа тэтырэ маагэльтегэтэ нэңхэ тэ”, нинтэңы нэңхуона нуо”, неңкэрэкэгүө.

— Мэнэ тэні”а муңура”инэ, ані”э нэ” ися конынякэнэ ибаху.

Тэ-тэ куні”а мейтеңындэ” һанасанэ”. Күзү”үа”, күзятундэ тахаряа нумайка”а хули”эту, нумайка”а, нэзэ матэ хулеры”иэ.

— Нүкүөу, — мунунту, — амты маагэльтэ нэмсанү” сүдүки”э” тэ”. Нонэ куаньде нэмсу хули”эмы”, коны”, басаде”! Тааніэ маагүө сүартэмтэ конду”, масутурса бүүһанді!

Тэ-тэ, нумайка”а кумунтэну бэйка”ай” дэ. Таазитүң кэми”э”, масутурса алыгаку мазэ някэли”э”, сеті”э”, тэні”а бии”андэ”. Тахаряа тэні”а бүүтүндэту тэты комсязу ныйкү, кобту”кү сүкүзүра”иэ. Тахаряа ниңызэ кэхилеры” кухуоу. Тэсиэзи куху кэхилеры”иэ, хүтэзэту хуала”иэ. Тахаряа тэндэ ны нүө кухуодеэтэны нэтың хеньсирэ ниңы” тянэзэ”. Тэ, хеньдиртэты тахаряа тянэзэырытындэ нуоляи” тьерынуа ися кона”а, оу ненатя”арэ тахаряа ані”эмэны тээсезэ дели”эзы аніка”а, тэті хеньдир.

Сыты мунунту:

— Коныңуму” табэ”ау иньсүзүся. Эмэнікануну” тэитү маатекүө дикара”ку, моу хирэгэ. Тэндэ хирэгэ моу ни мэнэ хуаңуру”. Тахаряи” табэ мэнэ түүдэ нэнсуди, тэндэ хирэм”ку бэнду нэнсуди, хеньдирмэ күбүталусузэм, ненати”амэны. Тахаряа тэндэ хеньдирнэ дели дэ кунірязэу иньсүзэ” тусүзэ”. Каңкэ тахаряа нэтэзэсы сатыбиніні” тэті хеньдирмэ сойбаму”о дикара”ку тэтырэ нимті икуо Хенсирэ Сойбаму.

Шаман Хуалэ

Раньше, говорят, род тех людей, которые сейчас носят фамилию Чунанчар, назывался Хуалэ [=Камень]. Говорят, был у этого рода Хуалэ шаман, его имя было Дебы [=Пятка]. Большой шаман, говорят, был, и вот когда-то он стал шаманить. Говорят, когда он шаманил, он сказал людям:

— Я, говорят, стану сильным шаманом. Чтобы стать большим шаманом, мне надо, говорят, обтянуть свой бубен человеческой кожей.

— Оу, — сказали люди, — оу, но кто же будет этим человеком?

Он отвечает:

— Как кто, в нашем стойбище живёт [одна] девушка-сирота. Она уже стала девушкой, у этой девушки-сироты есть жених. Этого жениха отправьте завтра [прочь], пусть он поедет на охоту, скажите ему: «Эх, совсем без мяса мы остались, поезжай, поохоться, с лёгким чумом». Товарища какого-нибудь пусть [с собой] возьмёт, а пока этого парня не будет, эту его девушку, невесту, задушите. А когда задушите, обдерёте [с неё] кожу.

— Оу хиемоу, ну это же совсем плохо, плохо будет, грешно.

— Мне так велели [сделать], чтобы стать сильным шаманом.

Ну, что людям делать. Встали они, позвали парня, в чум к шаману его позвали.

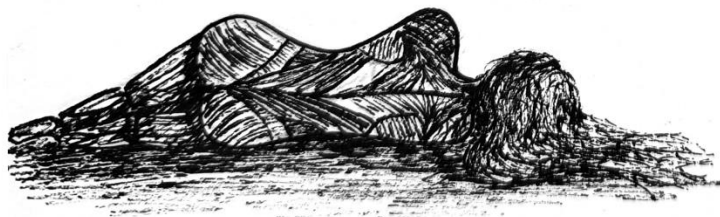
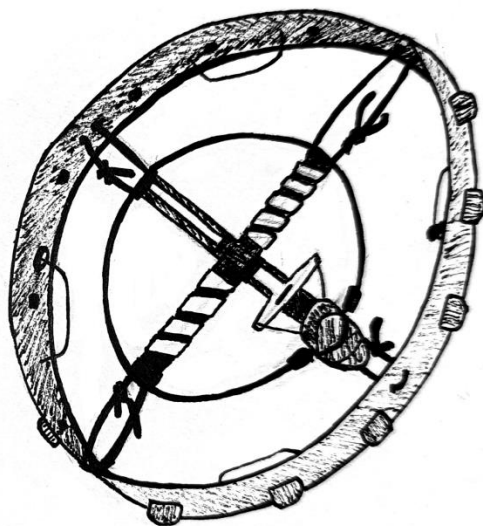
— Эй, друг, — говорит [кто-то], — у нас скоро закончится мясо. Мы свежего мяса хотим, иди поохоться! Какого-нибудь товарища с собой возьми, отправляйтесь вдвоём, с лёгким чумом!

Ну, юноша что ответит старикам. Поймали они [с товарищем] оленей, взяли лёгкий маленький чум, [всё] погрузили, так и уехали. И как только [парень] уехал, его невесту, девушку, задушили. Потом кожу с неё содрали. Кожу содрали, а тело похоронили. И тем, что было кожей этой девушки, они обтянули бубен своего шамана. Когда они обтянули бубен, его тут же обсушили на огне — оу, у этого огромного бубна такой громкий звук.

[Потом шаман] говорит:

— [Теперь] давайте поедem вон туда на оленях. Недалеко от нас есть одна сопка, [там] высокая земля. На эту возвышенность меня поднимите. Поднявшись туда и стоя [там], стоя на верхушке этой сопки, я буду бить в бубен, сильно-сильно. И на звон моего бубна отовсюду придут упряжки. А когда мы закончим шаманить, вот это сопка, откуда слышался звон моего бубна, пусть будет называться Хенсирэ Сойбаму [=Звон Бубна].

Рассказчик:	Нина Дентумеевна Чунанчар (1946 г.р.)
Автор записи:	Шандор Севереньи
Место записи:	Усть-Авам
Дата записи:	2008 г.
Транскрипция и перевод:	Нина Дентумеевна Чунанчар, Беата Вагнер-Надь, Мария Брыкина
Название текста в корпусе INEL:	ChND_080719_Chunanchar_fldk

Shaman Khuale

Formerly, they say, the family of those people who now bear the surname Chunanchar used to be called Khuale, or Stone. They say there was a shaman from the Khuale clan, his name was Debi, or Heel. A great shaman he was, they say, and so one day he began to chant incantations. They say, when he was chanting, he said to the people:

"I, they say, will become a strong shaman. To become a great shaman, I must, they say, cover my tambourine with human skin."

"Oh," say the people, "oh, but who will that man be?"

He answers:

"What do you mean who... in our camp lives an orphan girl. She has already become a woman; this orphan girl has a groom. Send this groom away tomorrow, let him go hunting; tell him: 'Eh, we are left without meat, go hunting with a light tent.' Let him take a comrade with him, and while this man is away, strangle his girl, his fiancée. And when you have strangled her, skin her."

"Oh, khiemou, that's not good at all, that would be bad and sinful."

"I was told to do this to become a strong shaman."

Well, what should people do? They got up and summoned the man to the shaman's tent.

"Hey, friend," someone said, "we will soon run out of meat. We want fresh meat, so you go hunting! Take a comrade with you, go with a light tent!"

Well, what could the young man have said to the old? With a companion, he went to catch reindeer, took a light small tent, loaded everything on the reindeer and left. As soon as the groom left, they strangled his bride. Then they skinned her. They skinned her and buried her body. And they covered the shaman's tambourine with the skin that used to belong to the girl. When they covered his tambourine, they dried it over the fire. Oh, this huge tambourine has such a loud sound.

The shaman says:

"Let's go over there on the reindeer. There is a hill not far from us, there is high ground. Take me up to that hill. Once I'm standing there, standing on the top of this hill, I will beat my tambourine as strong as I can. And to the sound of my tambourine, sledges will come from everywhere. And when we finish chanting, this hillside, from where the beats of my tambourine can be heard, let it be called Khensire Soibamu, Chime of the Tambourine."

Storyteller:	Nina Dentumeevna Chunanchar (born in 1946)
Recorded by:	Sándor Szeverényi
Place of recording:	Ust-Avam
Date of recording:	2008
Transcription and Russian translation:	Nina Dentumeevna Chunanchar, Beáta Wagner-Nagy, Maria Brykina
Identity in the INEL corpus:	ChND_080719_Chunanchar_flkd

12. КАДҮА” ДҮНТУ”А / СРЕДНИЙ БРАТ-ГРОМ / MIDDLE BROTHER THUNDER

Кадүа” Дүнту”а

Тәті тахаряа бэйка”а мунунту:

— Мәнә тыминя тә”ки”инә. Бэнтуну Кадүа” Дүнту”а итү. Кадүа” бэнтунунә малүтү”. Тәті Кадүа” Дүнту”а тәті мунунту: «Тәрәдимәэны ихүнүнтә, тәнә прикажу́эмтә, тәнә буо́ужэмтә тэ́зутәндум тыминя. Тәндә буо́ужмтә, әмләди мииниә мәнә дебтудүөдәэмә буо́ужмә сүөбтяи” дебтубүнүнтә, нянтә-ләбининтә, оу, тахаряа тәә түхәны мәнә дялы́зэмтә тэ́зусу́зэм няагәә. Хекутыә дялы нисы́зә нуо”. Соруатәмтә тэ́зусу́зэм. Тә курәди әхы нилутәмтә бәньде тэ́зу”ки”әм мәнә. Тахаряа тыминя тәнә тәубты”кә́зи, хүтә́зэмтә маалың деньдилиң. Хүтә́зэмтә нибитә деньсиде”, куні”а ихуру” хүөтә тәні”а исү́зәру”. Куні”а муантурнуру”, тәні”а муансү́зүтү”. Хүтә́зэмтә деньдикүөбининтә тэ́зусу́зэм тахаряа, бәньде нилутәмтә тэ́зу”ки”әм».

Тәті тахаряа бэйка”а тахаряа мунунту җана”сануту дя:

— Тә”ә, тыминя Кадүа” Дүнтуа”андә мәнә хуаура”инәу, тәрәдимәэны итебаңхуму”, мәнә тәутәбяхынә. Тәуди... куні”а тәутәңынә? Әмә ситя кәитәи” дү́жанә тәнды” ңилиниә кәимәны кә́зитиайти хуа́нуру”, сонсыңыры” дебту” түө́жине¹⁷. Сәнту́зәэ́зэмә тә́бтә сонсыңыры”. Тә ңүә́тәгүнә. Тәрәдимәэны маалымә деньдилимә, нибинә деньсиде” тә ңуолымы” куо”, куосутәму” әку.

Тахаряа ны” иңәә”, куодүму” иңәә”, бәньде” сондүтә”ки”ә”. Маа кунтәгу итеуу, бәлта сонсыры”и́зә, бәлта хоси хуаатәны нәнсубтыри”и́зә, бәндиниә кәитә тахаряа бэйка”а түндү”ки”ә. Бэйка”а ңоньди”ә, бәньдикаа” ңануомәны тә ңүбә”ки”ә”. Бәньде” ңүбә”ки”ә”, бәньде” хәу́зунду”. Оу, бэйка”а тахаряа тә бәндуніә кәи дя тәубты”кә́ди ңануомәны, канү”, курәди” дямә́зи” ңануомәны, дямә́зи” түүмәну¹⁸... Тәубты”кә́ди, дебту иңәә, нүөны иңәә, курәди” ңануомәны дямә́зэмәны ңануомәны бәнду”а тәубты”кә́ди, бэйка”а бәндуніә кәитә тахаряа ңануо тиэбырыа́зы кона”ау, де́зәбтү” бәндубтатә кона”ау. Тәгәтә ңануомәны ңиленіә кәи дя сохуа”тәса, дебту мантә ңиленіә кәи дя сохү”и́зә. Бәлта моу хуантәнәса, бэйка”а ситі ңануомәны мирә́эзы ңили”а дөндә”алаку, саңкутәряитү тәніә кәитә ңануомәны киибсеи”ә”. Әи”, ңамәйдүмә” ңануомәны нумайка”а” бәньде” хойка”индә” ңануо тәніә кәи дя. Тәні́зә туу”о”, бэйка”а ңануомәны хоси хуаатәну ңануомәну ңонәи” нәнсубтыри”и́зә. Әу”, бэйка”а” иңәә”, ині”а” иңәә”, бәньдикаа” тәлуты”. Тә бэйка”а тахаряа ңомтү”ө, Сыра”а. Мунунту:

¹⁷ неполное предложение

¹⁸ неполное предложение

— Тыминя бэнді җонсыңыры”, тааніә коужу ниңы җәзу”? Коуту җилениә кәитәны, әмләди мииниә тусайка”ку, маагүө тусайка”ку катемәбүнүндү”, бәнду”а дилтәбиті, тәтірә хүөтә бәнду”а җануомәны ані”имтә”сутә. Курәгүнді” ані”имтәмүнтү күндә, курәгүнді” такәә бәнду коныбинінті, мың бәнтуну” коныбинінті хеҗкә тиирү ися коны”сытә. Хеҗкә тиирү ися коныбиті кадүәзүо соруа ися коны”сытә. Кадүәзүо соруа коныбиті, нимә”кү” кадүа” сойбуобү”, бәндуніә кәитә Кадүа” Дүнту”а тәні”айхүтү суодү”ө.

Тә бәлта иҗәә.

Средний Брат-Гром

Вот старик говорит:

— Я сейчас полечу. Наверху есть Средний Брат-Гром. Громы надо мной стойбищем встали. Этот Средний Брат-Гром [мне] говорит: «Послушай, я тебе сейчас дам такой приказ, наказ. Если ты правильно повторишь эти мои слова, то, что я тебе сказал, если ты последуешь [моему наказу], оу, тогда я тебе дам хороший день. Это будет не тёплый день. Я тебе дождь дам. Какую [захочешь] жизнь, всё я тебе дам. Ты теперь попробуй взлететь — совладаешь ты со своим телом или нет? Если ты со своим телом не совладаешь, то вы как жили, так всё время и будете жить. Как мучились, так и будете мучиться. А если справишься со своим телом, я тебе всю [хорошую] жизнь дам».

Тогда этот старик сказал своим людям:

— Ну, теперь Средний Брат-Гром мной занялся, теперь мы, говорит, должны так сделать: я должен полететь. Полететь... как я полечу? Пришейте мне как-нибудь на руки с обеих сторон снизу гусиные крылья. И хвост мне тоже пришейте. Ну, я попытаюсь. Справлюсь я или нет — если не справлюсь, то мы, конечно, умрём; наверное, умрём.

Тогда все: и женщины, и мужчины — все стали пришивать ему [крылья и хвост]. Ну, долго ли, всё пришили и, [ударив] колотушкой, заставили старика встать, и старик выскочил на улицу. Старик вышел, а все [люди] стали петь хором шаманскую песню. Все начали петь, все восклицают: «Хоу, хоу». Оу, старик, собираясь взлететь, разных птиц, всех птиц [крики повторяет]. Когда старик собирался взлететь, тень его, может гусем, может гагарой, какой-то птицей прямо вверх устремилась, прямо вверх пошла. Потом, падая вниз, он как гусь вниз опустился. Когда он приземлялся, когда две ступни старика потихоньку вниз опускались, у него зазвенели колокольчики. Эй, остальные [люди], парни все прямо бросились к тому месту. Пришли туда и, [ударив] колотушкой, подняли старика. Мужчины ли, женщины ли — все [ему] кланяются. Старик тогда сел, [старик] Сыраа. Говорит:

— Теперь выйдите на улицу [и посмотрите], не видно ли там солнца? Если снизу под солнцем вы увидите какую-то вот такую чёрную точку, если она будет подниматься наверх, она будет становиться все больше. Она будет становиться больше, подниматься наверх и превратится над нами в чёрную тучу. Она превратится в чёрную тучу и потом станет грозовым дождём. Когда она превратится в грозовой дождь, когда раздастся небольшой гром, [это значит], что Средний Брат-Гром наверху аргипил.

Ну, пусть будет конец.

Рассказчик:	Хоняку Ламкаевич Турдагин (1930 г.р.)
Автор записи:	Жан-Люк Ламбер
Место записи:	неизвестно
Дата записи:	неизвестно
Транскрипция и перевод:	Серафима Мудимеевна Купчик, Беата Вагнер-Надь, Мария Брыкина
Название текста в корпусе INEL:	THL_XX_Shaman_flk

Middle Brother Thunder

Listen, the old man says:

“I’m going to fly now. Middle Brother Thunder is up there. The thunders above me have set up a camp. This Middle Brother Thunder says to me: ‘Listen, I’m going to give you an order. If you repeat these words of mine correctly, if you follow my order, oh, then I will give you a good day. It will not be a warm day. I will give you rain. Whatever you want in life, I will give you all. Now try to take off – can you control your body or not? If you cannot control your body, you will continue to live as you have lived. You’ll continue to be tormented. But if you control your body, I will give you a whole good life.’”

Then this old man said to his men:

“Well, now Middle Brother Thunder has taken care of me, now we, he says, must do this: I must fly. But... how am I going to fly? You sew goose wings on both my arms. And sew a tail on me, too. Well, I’ll try. Whether I can do it or not; if I can’t, we’ll die, of course; we’ll probably die.”

Then everyone, women and men alike, began to sew his wings and tail on. They told the old man to stand up, and the old man jumped outside. The old man left, and all the others began to chant a shamanic song in chorus. Everybody started singing, everybody exclaimed “Ho, ho.” And the old man, when he was about to take off, kept shouting the songs of all the birds. When the old man was taking off, his shadow flew straight up, went straight up like a bird – maybe a goose, maybe a loon. Then, he fell down, went down like a goose. When he landed, when the old man’s two feet slowly went down, his bells jingled. Oh, the others all rushed straight to that place. They went there and lifted up the old man with the drums beating. Everyone bowed, old men and grandmothers alike. Syraa, the old man then sat down. He said:

“Now go outside; can you see the sun there? Under the sun, if you see some black dot like this, if it ascends, it will get bigger and bigger. It’s going to get bigger, rise and become a black cloud above us. It will turn into a black cloud and then it will become a thunderstorm. When it turns into a thunderstorm, when there is a little thunder, it means that Middle Brother Thunder is up wandering.”

Well, let it be the end.

Storyteller:	Khonyaku Lamkaevich Turdagin (born in 1930)
Recorded by:	Jean-Luc Lambert
Place of recording:	unknown
Date of recording:	unknown
Transcription and Russian translation:	Serafima Mudimeevna Kupchik, Beáta Wagner-Nagy, Maria Brykina
Identity in the INEL corpus:	THL_XX_Shaman_flk

СКАЗКИ О ЛЮДЯХ / TALES ABOUT PEOPLE

13. МЕЛЫЏЭЭ НУМЭЭ / ПАРЕНЬ-МАСТЕР / THE MASTER

Мелыџээ нумээ

Тэ”э, нонээ адя” маџэ”. Нонээ адя” маџэу” нукэирби”а” тэсиэ маџэ”. Тэ”э нумайка”а” тетуга нуку”. Тахаряа тэти адя” баарбэ тэитү, тахаряа кобтуату тэитү. Бэньде” нумайка”а” тэтэ” тэндэ кобтуа дая каркылиркэту”. Тэ, нуолы маџайтү” тятики”э”. Тахаряа тэндэ нансэ нануо нонээ маагүө бэххату нумайка”а тэитү. Тэ, тэти адя” баарбэ муну”о:

— Тэ, канү хүө”мэну тетуга мэнэ муа”кутүру”. Ну”оџэ кобтуанэ дя бэнсэру” туу”наруру”. Ну”оџэ кобтуамэ куні”а тартэнуумэ? Куніэнтүндү” митэнуымэ? Тың нукэирби”ары”. Тахаряа манунунэ... баби мануо линьсүдэе латээ, латаа”ку¹⁹... Тахаряа эмы”ыаңуру”. Бэнсэру” тың нумайка”ару” эмты латаа”ку мииніэ мейңыры”, маа ися коныбьяџээ нянтыңы”?

Оу”, тахаряа адя” бэньде” [...]: сылы мейсиџэты, эмты латаа”кугүмү нинтуу маалэмугэлите. Тэ”, бэньде” хоакэбирү”²⁰:

— Эмтырэ нисыџэмы” мыэ”, дямалага”а. Нинтуу маалэмугэлите.

[...] Курэгуи тэндэ нэмбэ нумайка”атэ миди”эџың.

— Тэ, эмтырэ маалэму, эмтырэ маа ися коныбьяџээ нянтыңы? Тэ, эмтырэ мыэ”кэкумэ мэнэ баџэтэнэ. Тэ, мэнэ эмэніэ матэнэ контугумэ, баџэтэнэ мыэ”кэкумэ.

Тэ, имидяты дя:

— Каџяу, тэ адя” баарбэ тааніэ кобтуамту сылытэ митэбэ. Тэ, сылиаџэу, эмэ маа латаа”ку тэџа”а. Мунунту, сылы тэнэ мелыџэтыэ тэ тэндэ мисиџэты ибаху. Тэ мэнэ баџэтэнэ нуусыкумэ.

Тахаряа мыэ”ки”эџы. Тэ”э, бэньде мыы”эты эку, бэньде. Канэмаңкуряи” мэньдэимэбты”иџэ. Күмаантэну нурэтэгэтыты. Тэ”, мыы”эты, маџайтятүң ныы”тэңдың тэитү”. Бүүмэтума”а”. Тэ бэйка”андэ миди”эты.

— Оу, тахаряа эмкүмүрэ тэ” нануо кобтуанэ хорэ куніэ бэньде тэндэ рисовайбату! Кобтуанэ хорэ нануо ку” эрэкэрэмэну латэадякумэаны борудя мейхяџыты! Тэ, тахаряа тың нумайка”ару” ися тахаряа бүүңандү”. Тахаряа ненаманэ мэңкэ тыбыйкиатэ кобтуамэ миди”эмэ. Кобтуанэ хорэ ку” эрэкэрэмэны рисовайбату. Мейхяџыты.

Тэ, нумайка”а” тэтэ” бэньде” бии”а”, тахаряа кобтуамту тэндэ миди”э. Тэти мелыџээ нумээ ибаху тэни”а. Балта.

¹⁹ неполное предложение

²⁰ неточная транскрипция

Парень-мастер

Ну, опять долганские чумы. Опять долганские чумы, совсем много чумов. Парней [там] совсем много. Есть [там] долганский начальник, у него есть дочка. Все парни к этой девушке пристают [=сватаются]. Ну, гости стали пить чай. А ещё есть [там] один плохенький парень. Ну, долганский начальник говорит:

— Ну, сколько лет вы меня [уже] мучаете. Все вы к одной моей дочке приходите. Одну дочку как я разделю? Кому из вас отдам? Вас слишком много. У меня [есть] ... давешняя оленья кость²¹, косточка. Теперь так сделайте. Все вы парни вот из этой косточки сделайте [что-нибудь], что из этой косточки [у вас] получится?

Оу, все долгане [собрались и обсуждают]: кто [что] сделает, эта косточка никуда не годится. Ну, все [отвернулись]:

— Мы [ничего] не сделаем, очень трудно. Она никуда не годится.

[...] В конце концов [косточку] отдали этому плохенькому парню.

— Ну, что это, что из этого могло бы получиться? Ну, я сам начну делать. Отнесу домой, попробую сам [что-нибудь] сделать.

Ну, к бабушке своей [он пришёл и говорит]:

— Казяу, вон тот долганский начальник кому-то дочку свою отдаёт, говорят. Ну, не знаю, какую-то косточку дал. Говорит, что кто дочке сделает эту косточку, тому он её отдаст. Я попробую [что-нибудь] сделать.

Стал он делать. Ну, всё сделал, наверное. Прилёг немного [отдохнуть]. [Потом опять] ножом там ковыряется. Ну, сделал он [косточку], а гости ещё сидят. Ещё не ушли. [Парень] отдал [косточку] старику [=долганскому начальнику].

— Оу, он же как будто нарисовал лицо моей дочери! Очень красиво вырезал он лицо моей дочери на этой косточке! Ну, теперь вы, парни, уезжайте. Я отдам свою дочь бедному соседскому парню. Лицо моей дочки он очень хорошо нарисовал. Сделал.

Ну, эти парни все ушли, а дочку свою [начальник] отдал этому [парню]. [Хороший] мастер этот парень, говорят.

Конец.

²¹ имеется в виду конкретная кость – ляжка или колено

Рассказчик:	Дяламте Хорсабтеевич Яроцкий (1941 г.р.)
Автор записи:	Валентин Гусев
Место записи:	Волочанка
Дата записи:	2000 г.
Транскрипция и перевод:	Серафима Мудимеевна Купчик, Валентин Гусев, Мария Брыкина
Название текста в корпусе INEL:	JDH_00_Handyman_fld

The Master

Well, again those Dolgan tents. Dolgan tents again, quite a few tents. There are a lot of fellows there. There is a Dolgan chief, he has a daughter. All the men are courting this girl. Well, the guests began to drink tea. And there is one bad man again. Well, the Dolgan chief says:

“Well, how many years have you been tormenting me? You all come to take my one daughter. How will I divide one daughter? Who will I give her to? There are far too many of you. I have an ancient reindeer bone, a small bone. Now do this. All you men craft something from this bone. What will you make out of this bone?”

Oh, all the Dolgans gathered and discussed who will make what – this bone is useless. Well, everybody turned away:

“We won’t make anything, it’s very difficult. It’s no use.”

[...] Eventually, the bad man got the bone.

“Well, what is it? What could be made of it? Well, I’ll start crafting myself. I’ll take it home; I’ll try to make something myself.”

Well, he came to his grandmother:

“Kaziau, that Dolgan chief is giving his daughter to someone, they say. I don’t know, he gave her some bone. He says that whoever crafts something from this bone for her, he will give his daughter to him. I’ll try to make something myself.”

So, he got started. Well, he did everything, I guess. He lay down to rest for a while. Then he started whittling with a knife. Well, he’s done, and the guests are still sitting there. They haven’t left yet. The man gave the bone to the chief.

“Oh, it’s like he drew my daughter’s whole face! He carved my daughter’s face on this bone very nicely! Well, now you boys go away. I gave my daughter to a man from a poor neighborhood. He carved my daughter’s face very nicely. He did, indeed.”

Well, the other men all left, and the chief gave his daughter to this man. This man is a master, they say.

The end.

Storyteller:	Dyalamte Khorsabteevich Yarotsky (born in 1941)
Recorded by:	Valentin Gusev
Place of recording:	Volochanka
Date of recording:	2000
Transcription and Russian translation:	Serafima Mudimeevna Kupchik, Valentin Gusev, Maria Brykina
Identity in the INEL corpus:	JDH_00_Handyman_fldk

14. БЭЖҮРБҮИ” МОУ / ЗЕМЛЯ МЕРТВЫХ / THE LAND OF THE DEAD

Бэжүрбүи” моу

Нэньдиты жу”ои” ма”. Тэндэ мажэ кунсыны нилытыгэй ситі нысэде. Жуоляа тэитү кобтуаті. Ёнээ нүети дяңгу”. Тэті тахаряи” кобтуаті таатүгукэту. Сылыгэльте ёнээ дяңку сүартуң. Кобтуалаажуң игэту таатүгутүө.

Таатүгуйса ниибтүкэбүнүнтү, таату бэнэбү”, сыты тэбтэ ёмтэкэтажэ. Маатекүө моу тамну тэитү сусу”уэ. Тахаряи” сусуйкиа ни ёмтэкэтажэ. Сусуйкиа нині маа энтымымбяхиті? Кэрутэту имуңхуа” экуту, кинтэ-лэбтыкугэтыжэ, кэти куні”айти игэту. Хелыны тэндэ сусу”уэ наадеэй лукужиай маай бэритэгэты.

Оу”, тахаряи” куо түхэгүөны тэні”а ёануо ёмтүтүндэту сусуйкиажы ниңыжэ жусииле”. Тэндэ тахаряи” сусуйкиаты жусилендытэ сыты мунунту: — Оу” хиэмэу эмтырэ маадя тэні”айңуу?

Сыты нэнсу”ижэ эмэнікаа, сусуйкиаты эмэніка нэнсу”ижэ. Тэні”а тахаряби” нэнсутүндэты сусуйкиаты тахаряби” ниңыжэ лябэ”. Тэндэ тахаряи” сусуйкиа кунсыжэ сулкуодитэты”ыа ёана”са ёоньди”э. Ёана”са ёонсыди мунунту:

— Оу” тахаряи” ниңың нажасү”. Дяла” талу ёануо хүөті” эмэ туу”наруң. Хүөті” эмэ ёануо мэнэ хуанінэ нии ёмтэмэмбатаң. Маагэльтегитэ мэнэ тэ нажайкэбты”аң. Тэнэ конду”ки”эм тага”ажи.

Тэндэму тахаряби” някэми”эжы бярэдиэдеэ сусуйкиаты тахаряи” тэндэ кунсымэны ниңыжы нимиле”. Тэні”а нимили”эжы, оу” хиэмэу хоймымэу. Тээсежэ маагэльтегитэ хойминті. Тэті ны мунунту: «Кондалумунунэ куні”айтекүө, нерэгүө дүтүгэтэнэ бэтиалусүүнэ. Тэгэтэнэ ёойбуогэтэнэ тирилерыкэтынэ. Ёойбуогэтэнэ тирились сятырыбинінэ тахаряби” жуонэ ниижэ тирилерыкэтынэ. Тахаряи” куні”а мыңгүмүнэ хежыгыбинэ? Куні”агүө кондалутанэ. Тээсежэ хойминті, маагэльте нинты ёэжү”».

Тэ иңээ, куо түбүте тэні”а хежытыгэтыгэй, хежытыгэтыгэй. Сыты курэгүнді тэті ны сеймыңиалити тэлэкэту. Сеймыти ёонэи” бярэбиті хүөтэ хоймиңкэты, оу” хиэмэу найбумэ тахаряи” эмкүмүрэ. Куулүкүөну мунунту: «Ого, такэа тахаряи” нерэнікаамэ мааңуна ситааңу». Оу”, тэні”а хежытыминті күндэ курэгүнді тэті дялы ихуажу, дялы моу сиэмэны, дялы ёутумы”э. Тэні”а ёануо моу сиэ кадя кадя түү”нармунті күндэ тэті дялыжы хүөті” аналүкү ися коны”ниаркэты. Тэні”а курэгүнді” ёоньди”эгэй.

«Оу”, хиэмэу. Эмкүмүрэ тэ” маагүө” малирті” мэнэ тэжа”а. Ёануо мажэ”э” нэньдиты”. Ёануо мажэ”э” малэбажэ”э” турку бэрэ. Турка”а хондүтэны тахаряи” ненати”айте бетірүөгүмате тэні”аряи” бетіри”. Курэгакуй ёануо тусуодей луутүң таңакэа” луутүң хонэиті”. Бэньде мааңалэй сеймыжижитиң

хонэити”, җабтү бадя”, кобтуарба”а” эку” җабтү бадятү хонэити”. Тэни”аряи” җануо бетіриитиҗ неситінді”».

Сыты тэни”а нэнсубтыры”иҗэ тэндэ. Бетірии” эмэніка нэнсубтыры”иҗэ. Кадянынты нэньдикэты сыты тэтүдүөдэе сулкуодитэта”а. Нумайка”а ихуаҗу, катемэндүтэту. Тахаряби” тэндэ” бетіри”, сыты тахаряби” эмы”ыа сәнүркэту. «Оу” эмэніканунэ тэ тамнэу эмны бетірии” тааніканы, маҗу” эмэні-кагэльтены җу”ои” ны, кэндэту кадяны нэньдиты. Дейбятэтыэрэкы игэту, бетірии” кадя нигэты коны”. Маҗу” кадя дьягэльты нигэты коны”, тэни”аряи” нэньдикэты кэндэту кадяну. Кэнтэҗу җануо бэнсэ тэни”аряи” дебатурту. Таату иҗээ” маатү. Таату хүте” бэньде” маа”, бэньдикаа” дебатурнду”».

Тэндэту дя мунунту, сүарту дя, кадядету сулкуодитэта”а дя:

— Тааніэ ны маадя тэни”айну, маадя ниҗы эмэни” бетірии” нану җуо”? Кэти маті маадя ниҗы тии”?

— Оу”, тааніэрэ манакү” эмэніканы хуамэ җана”са, ны. Тэни”айся нинтыҗэ җыытэты эмэ толү”. Эми” җана”санді” эмны итүөті” такээрэ җадүмалтэрутаҗэ. Каҗгүтеи, кэти хүе бэухү”нүнтү, тэ түхэны толү”сүтүҗэ эмэ, мың нану. Тэ-тэ коныгуми, эмэніэ мэнэ мамэ.

Тэндэ ны бэтэли”э җансэ дүтүгэтэ. Маҗэ кунсымэны серы”эты. Оу”, мату кунсыэ җуолы эхы бэнтіэгэтэ, лоҗгайтүтэу, хоймидитеты. Тутүң җысы табатуса лэҗынты. Тахаряби” котүҗэ нииде кэитэ бэбэтэны ині”атэ җомтүтү. Җармүҗэ нииде бэбэтэ сыты җомтэбтура”иҗэ. Эмэ, сулкуодитэта”а бэбэ эку. Тэндэ җомтэбтура”иҗэ, сулкуодитэта”а мунунту немынты дя:

— Маҗайтүтэми тэҗа”ам, җэмэбтүтэ.

Ині”а мунунту:

— Хиэмэу, маадя тыңгүмүнтэ тэни”айҗуу? Мааҗэ тэтуңуу җана”сану” нүө, нилытыи” җана”сану” нүө мааҗэрэ, мааҗэ тэтуңурэ?

— Тэ иҗээ, эмтырэ мэнэ нэҗайкэбта”а. Хүөті” җануо хуаніне нині җомтүкэту. Тэндэ мааҗалэй дүңгарҗалэкэту хелыны. Мааҗалэй бэритэгэты лукуҗиай маай. Мэнэ курэгуи ми”а тэҗа”амэ.

— Тэ маантэну җэмэбтүтэҗумэ, хуйтиити җэмсу” итеҗу”? — мунунту немыҗы.

Ны кадя җэмурсанэ туты”э. Тэндэ тахаряи” җэмурсанэ тутыди, мануодэ” куо түхэдеэ” ихүнүндүң түҗэ” ку” дүөба”а”, дирэ” иҗээ”, мануодэей хиримэей җэмса”ай тэрэди”ай хуану”о.

— Тэ җэмурэ”.

— Эи”, куні”а эмкүмане җэмтэҗане, нэмбэ” тэ”.

Нигэты маагэльтей җэмэ”, тэни”аряи” җомтүкэту.

— Эи”, — ині”а мунунту нүөнты дя, — тэті няагэа, маа җэмса”тэну тэгэтэты? Нинты мың җэмсанү” ху”. Коны” басаде”.

Тэ-тэ, нумайка нэнсу”иҗэ. Бэнді кона”а. Куо түбүтены туу”о, тэті кобтуарба”а мунуңкэту: «Оу”, туу”о җандыты тэ”, тэ кунуу серытыэҗы

нэмсүгүмүзү, маагальте тэ” нинты нэзү”». Тэтирэ тахаряи” ниңы тэмунка”а серы”, тэмунка”а серы”э. Тэндэмту бэньде жануо ниңызы баби манта нэмси”. Немынтэты дүбы”эты:

— Ы”э, хиризэ!

Ини”а жансэ мунунту:

— Хиэмэу эмлэди нэмсагуо итеңу? Тоиңэу.

— Күни”а тоиңэ, — мунунту нүөзы, — мабта нэмсатэңу? Хиризэ!

Тэ, тэмунка”кумту хири”э. Кобтуатэ тэндэ митэтыты, жаняй нинтызы ху”.

— Мааңуна тэмункугүмү, кангэ сылы нэмса”ху, тэмункугүмүй?

Тэ-тэ, тэни”а куо түбүтены ихүтү, кэти сыйбэ канэ бэудү”ө эку дялы. Маагальте нигэты нэмсаде”. Нонээ сыйбэ дялы тахаряи” бэу”тэкэтундэту ині”а мунунту нүөнту дя:

— Тааніэрэ эзэ” минтиагэны куотэту мэтү”лиади. Контузэ, контузэ, хиэратэ контузэ. Тэ мазуту дя бүүнэиэ. Тэнэ, тэнэ табэ коунантубүтэ, кэти тэбтэ коу”. Тэнэ таанітэ на, тэндэтэ нану коу”.

— Оу”, — мунунту, — тэ-тэ контугумэ. Не”э ихүнүнтэ, мэнэ тэбтэ коу”сузэм табэ.

— Тэ-тэ коукэң, — мунунту, — тэнэ нонэнтэ сиэле.

Маа исүө ихүнүнтү тэни”айхүнүнтү, нэзэ”э мабта исүө эку, тэти нумайка”а. Тахаряби” нонэи” жансэ хиэратэ бии”анді, моу сиэмэны хүтүра”иэ. Тэмээны жансэ контура”иэ, хиэратэ хеэтындытэнді, никүөкэтызы тирили” нойбуогэтэ кэти нойкитэ. Тэни”а дүтүгэтэ бэтиалугэтэзэ. Курэгуй тэни”а ниңынті мыэ”, сусуоті кунсымэны нонэи” жансэ баркузи”эгэй, моу ни, жанудеэ моу ни.

Тэ тэти жанасу мунунту:

— Эмэніэ, контэзүтүң котуңэ” тааніэ” дедите, немыте. Ми”а тусүзэ”, кадятуң ни” коны”, матітүң ни” тиигэлэ”. Тэ няйбыриаэ буогэң, мунугэң сыйбэ таа козутэбаху”, сыйбэ банэ козутэбаху”. Туй нонээ лэңубтутэбямбы” сыйбэ. Тахаряи” тэнді” нимээны мии берэ”сытэми. Тэ нинтуу мазутуң кадя, а тэнді” нимээны ми бэу”сутэми. Тахаряби” нинтуу мазутуң кадя, жануо мазутуң эмэніка, матэми мейкуо” — тэни”а мунэ”.

Тэ нуолы ахы ині”агэй ноньди”эгэй бэнді, десызы мунунту:

— Каэяу, күнізэ туйңуң, күніні ихуң?

Тэ нүөзы мунунту:

— Десы ихүнүнтэ, тахаряи” эмты, сүармэ мииніэ мунунту тэни”а итебамбуң эмы”ыа итебамбуң. Контэзүңү” тэрэдий метебямбың.

— Тэ нуолым ахы күні”а итеңум?

Таагүатүң мэнкэтуң манта, банутүң тэбтэ тэибэ” экуту”. Тэни”а кумулукуаэ, тэни”а итү. Тахаряи” тэнді” нимээны тэкэите бэудү”өгэй. Таа”

котумэи” нимээны, бану” нимээны, туу” нимээны, эмэніка тахаряи” немьзи матэмтэ каңкээ мейхязы. Тэндэ кона”агэй.

Тэ, хими”э, хими”э кунду”кү”үтэ. Кундутундэти ну”оҗэ түүне куньди, тэти кобтуа мунунту: «Оу”, хиэмэу, сүаркүмүмэ эмты тесити тэ” сяхызы!» Ыонэи” эмэніка дя коньукэты. Каңгүтекүө ыонэи” дүтүзү коньукэты, эмтырэ куні”а ину. Куулүкүөны тахаряи” сяхызы хейбы ися коньбаты. Курэгүй куу няагээ ыана”са ися кона”а, каңгэтекүөнынты.

Няагээ ыана”са ися кона”а, тэны нилыкэтыгэй, тэні”а нилымынді кундэ курэгүнді нүөжэти ниңы ыүтүмэ”. Куодүму нүөжэмти ыүзи”эгэй, куодүму нүөжэти ыэтымы”э. Тэти нумайка”а басу”кэту, кэти таатүтуйкэту.

Каңгүтекүөны муну”о:

— Мэнэ баса”ки”эм тымыніа. Басахуанса конь”ки”эм, эмэ дялы минтіагэны мажайтүтэрэ тутету, мажайтүрэ туйхүнүнтү няагээмэны имунхуа” мажайтүтэ дя. Нүө”күми хулебиті дөжа”куніагэту, мимихянтэ, нүөзыкуоу.

Тэні”а мунудя тахаряи” бии”аҗэ басаханса. Тэ, ныы ыомтүкэту, кэти нусыңээ куні”айнээ. Коуньдерны тахаряи” нуаҗу бяри”иҗэ. Нуаҗу бяри”иҗэ, мааңуна ині”атээ тии”э, ыойбуо сырайка”а ині”а тии”э. «Мануодее табэ бэзүрбүи” маті” коидиэдеэмы” ині”атээ». Сыты тэтүдүөдее бэйка”ату эмэ, ыана”санэ немь. Тэтирэ тии”э бэбү” дя нинты коньгэльтэ” табляи”, нуа кадя ыомтү”иҗэ. Нуа кадя ыомтэдя мунунту:

— Тэ, куні”а нилыңырей?

Ыамай мунунту:

— Маа, куні”а нилытэңымы, няагэи” нилытымы.

— Оу”, маа нүө”күтэри тэ” ыүтүмхяты.

— Ээ”, нүөжэми ыүтүмы”э, куодүму.

Тэ тэндэмту тахаряби” тяибты”эгүөзу, нинтызы тяибты” ыанудетэмэны. Тэндэ ныы, тутүөту ныы буоэукэгэльтэ коутінінті нигэты дильситі”. Бэйка”араазу мунүдүө тэні”а игэң, эмы”ыа игэң. Эмты, тулиарэ, тулиаэы сэтикэты касиніні”, тутү сэтикэты. Тутү сэтикэты, тэні”а сыты мунунту: Оу”, эмты туй маадя хүөті” сэтиңы? Эмэніэ тутүөмэ мажайтүмэ тэні”айхүтү боу” экуту. Минтіагэны ыәмурнянду” экутэу. Ыонэи” тэндэ туге дүбээкэты, дирэй дүбээкэты, түзэй дүбээкэты.

Оу”, ыамай мунунту:

— Сязы”инэу, сязы”инэу, сязы”инэу. Ниндым ыонээ ыәмсу ху”, сязы”инэ ыәмурса.

Тахаряи” мунунту:

— Нүө”күрэ тэзу”, дөжа”куңээ.

«Оу”, эмэніэрэ ыансэ маа хуйңы, маадя мануо мунубу «нүөрэ, микэң дөжакуйкуо, имидиндэты». Тэ тоиңээ тага”а, ниндэтым миде” нүөмэ». Тэні”а

курэгүй нүө”күмтү, тэндэ лабсүтүө нүөмты нинты миде” имидиндэты дөжа”куниагэту.

Куулүкүөны ині”а нэнсу”иžэ. Нэнсу”иžэ, тэні”а нэнсуди тахаряби” нуарааžu хуарү”мүдү”ө бии”аиžэ.

Тэ, бэйка”ату туу”о:

— Тэ туйху мажайтүтэрэ?

— Ээ”, тусүө. Нэмэбталудүөмэ куні”а тэні”а, — буоту.

— Тэ нүөрэ дөжа”куйху?

— Маа нисыэ тэ”, нисыэмэ миде” дөжа”куниагэту.

Ңамай мунунту

— Ы!

Тэні”а тахаряби” мунудя, кунда”агэй. Тэні”а тахаряи” ині”а”куžы ңансэ нүөмты ңэтэу”ки”э: «Эмтырэ маадя ниңы дөрэ” нүөмэ? Дөрэкэсуо тэ” хелыны хииньдя». Нүөмты ңэтэу”ки”э, нүө”күтү каңкэгитэ сеймыти лентыбязы”, куобату. Тахаряби” бэйка”амту ңансэ ңэтэу”ки”э, бэйка”ату сяхыžы теситі. Тэкэите каңкээ бэнсэ куобатутэй.

Тэ бэлта.

Земля мертвых

Стоит один чум. В этом чуме живут муж с женой. У них только одна дочка есть. Больше детей у них нет. Эта их дочка пасёт оленей. Никого нет больше с ними. Только дочка, которая пасёт оленей.

Когда она пасёт оленей, когда начинает отдыхать, когда олени ложатся, она тоже садится [отдохнуть]. Там есть какое-то такое место, большая кочка. На эту кочку она всегда садится. Что, интересно, она делает на этой кочке? Бывает, наверное, просто так сидит, может и курит, или ещё что-то делает. Иногда она возле этой кочки рвёт цветы или что-то ещё.

Оу, однажды, когда она там сидела, кочка внезапно зашевелилась. Когда кочка зашевелилась, [девушка] говорит:

— Оу хиемоу, что это с ней?

Отошла она в сторону и встала чуть подальше от кочки. Как только она отошла, кочка раскрылась. Изнутри этой кочки вышел человек в сокуе из цельных шкур. Выйдя, человек говорит:

— Оу, как ты мне надоела. Прямо каждый день ты сюда приходишь. Всё время ты садишься на мою могилу. Совсем ты меня замучила. Я тебя заберу прочь отсюда.

Он потянул её и затащил в открывшееся отверстие кочки. Так он её затащил: оу хиемоу, как [там] темно. Совсем прямо темно. Эта девушка думает: «Меня ведут куда-то; сначала-то он меня за руку вёл. Потом вёл он меня как посох, держа за голову. Перестанет он меня за голову как посох вести, начинает вверх ногами как посох носить. Куда же я иду? Куда-то он меня ведёт. Совсем темно, ничего не видно».

Ну, пускай, далеко ли, близко ли, идут они и идут. Эта девушка даже глаза иногда закрывает. Глаза откроет — а всё темно и темно; как долог этот [путь]. Когда-то [девушка] говорит [про себя]: «Ого, там впереди меня как будто что-то засветилось». Пока они так шли, настал, оказывается, день, день в отверстие земли показался. По мере того, как они приближались к отверстию земли, этот день становился всё ярче и ярче. Так они вышли [наружу].

[Девушка думает:] «Оу хиемоу! Он меня привёл, оказывается, в какое-то стойбище. [Тут] чумы стоят. Чумы, оказывается, стоят на берегу озера. На льду озера столько танцующих — только так танцуют. Они одеты во всякие разные красиво расписанные и суконные [=погребальные] парки. На косах у них всякие разные бисерные ободки и украшения, взрослые девушки носят украшения на косах. Танцующие аж прямо гремят украшениями».

Там [парень] её остановил. Неподалеку от танцующих он её остановил. Сам он тоже стоит рядом с ней, [тот парень], который её привёл, в сокуе из шкур. Совсем юным парнем он оказался, когда она его разглядела. Эти

[люди] танцуют, а она смотрит. «Оу, недалеко от меня, там, за танцующими, в стороне от чумов стоит возле своей санки одна женщина. Она как будто бы не может решиться, не подходит к танцующим. Она даже близко к чумам не подходит, просто так стоит возле своей санки. Санка у неё вся красная [=в крови]. И олени, и всё остальное у неё [красное]. Все наголовники оленей и всё прочее — всё красное».

[Девушка] говорит своему товарищу, который стоит рядом, в сокуе:

— Почему та женщина так [в стороне стоит], почему она не вместе с танцующими? Или почему она не заходит в чум?

— Оу, она только недавно похороненный человек, [эта] женщина. Поэтому она до сих пор ещё не примкнула к ним. Эти люди, которые здесь находятся, считают, что она поганая. Когда-нибудь, может, через год, она смешается здесь с нами. Ну, пойдём, вон мой чум.

Он опять повёл эту девушку за руку. Завёл её в чум. Оу, в чуме у него, конечно, темнее, чем на улице, почти совсем темно. Костёр еле-еле, тихонечко горит. С западной стороны на постели сидит старуха. Он усадил [девушку] на кровать на восточной стороне. Это, наверное, постель этого [парня], который в сокуе. Парень в сокуе усадил её туда, а сам говорит матери: — Я гостя к нам привёл, накорми его.

Старуха отвечает:

— Хиемоу, почему ты так поступаешь? Зачем ты привёл ребёнка людей, зачем тебе ребёнок живых людей, зачем ты её привёл?

— Ну и что же, просто она мне надоела. Всё время на моей могиле она сидела. Там она хоть что делает, иногда даже гремит. Иногда рвёт цветочки или что ещё. Вот я сюда её и привёл.

— А чем я её накормлю, [у нас] разве есть еда, которая ей нужна? — спрашивает мать.

Она поставила около девушки стол. Поставив стол, она положила на него давнишнее, аж покрытое плесенью, неизвестно с каких пор оставленное оленьё сало, костяные жиры, давно сваренные куски мяса и всякое тому подобное.

— Ну, ешь.

— Ой, как я их съем, уж больно они плохие.

Ничего она не ест, просто так сидит.

— Ой, — говорит старуха сыну, — ну хорошо, что же она будет есть? Не хочет она нашу еду. Ступай на охоту.

Ну, парень встал. Вышел на улицу. Через какое-то время он [обратно] пришёл, а девушка думает: «Оу, он же вроде бы вернулся, а где же мясо, которое он занёс — ничего не видать». А он занёс большую мышку, большую

мышку занёс. Эту [мышку] он всю разделал, как оленя. Кинул её своей матери:

— На, свари!

Старуха говорит:

— Ой, разве она будет такое есть? Не надо.

— Как не надо, — говорит сын, — а что она будет есть? Вари!

Ну, сварила она мышонка. Девушке его даёт, а та не хочет.

— Что это за мышка, когда это кто мышей ел?

Ну, так она живет, может, семь или сколько дней. Ничего не ест. Когда прошло ещё семь дней, старуха говорит сыну:

— Она, может, умрёт от истощения. Уведи её, уведи, уведи её обратно. Пусть она домой идёт. Ты, если хочешь, можешь тоже там остаться. Ты у них вместе с ней оставайся.

— Оу, — сказал [парень], — ну ладно, уведу я её. Мама, слушай, я тоже там останусь.

— Ну, оставайся, — говорит [мать], — это твоё дело.

Кто он такой, интересно, был, то ли шаманом он был, то ли кем, этот парень. И вот они ушли обратно, опять он её протолкнул в отверстие земли. Снова там он её повел, [но] когда они обратно шли, он её как посох не держал, ни за голову, ни за ноги. Просто за руку её вел. Так они через свою кочку снова выскочили на землю, на настоящую землю.

Потом этот человек говорит:

— Пусть твои мать и отец принесут жертву. [Когда] они сюда подойдут, ты к ним близко не подходи, не заходи к ним в чумы. Издалека только будешь с ними разговаривать, скажешь, чтобы они семь оленей забили, семь собак забили. Скажи, чтобы ещё семь костров разожгли. Потом мы с тобой над ними пройдем. Только [пусть они приносят жертвы] не рядом с чумами, а мы с тобой пройдем через них. Не слишком близко к их чумам, а подальше от их чумов пусть они поставят нам чум — так им скажи.

Ну конечно, старики вышли на улицу, отец говорит:

— Казяю, где ты была, откуда ты пришла?

Девушка отвечает:

— Отец, этот мой друг велит так-то и так-то сделать. Вот такие жертвы ты должен принести.

— Ну конечно, что же мне делать.

Оленей-то у них хватает, собаки, наверное, тоже есть. Как ему сказали, так он и сделал. Так они прошли через всё это. Они прошли через оленей, собак, костры, а мать их уже, оказывается, построила для них в сторонке чум. Туда они и пошли.

Ну, стемнело, за вечерело, они спать начали ложиться. Когда они уже легли спать под одно одеяло, девушка думает: «Оу хиемоу, у друга-то моего тело совсем холодное!» Она от него отодвигается. Через какое-то время у неё всё равно рука тянется, [проверяет его,] как он там. Когда-то его тело стало тёплым. Наконец когда-то он стал совсем нормальным человеком.

Хорошим человеком он стал, там они живут, пока они так жили, у них даже ребёнок появился. Мальчика они нашли, сын у них родился. Этот парень [=муж] ходит на охоту да оленей пасёт.

Когда-то [этот парень] сказал:

— Я сейчас пойду на охоту. Я пойду на охоту, а к тебе сегодня, может быть, гость придёт; когда гость придёт, отнесись к своему гостю хорошо. Если попросит нашего ребёночка поцеловать, ты не жалея, пусть поцелует.

Так сказав, [парень] ушёл на охоту. А женщина сидит, то ли работает, то ли что делает. В полдень открылась дверь. Дверь открылась — что за старуха такая зашла, седая старуха зашла. [Женщина думает:] «Это же та старуха, которую мы оставили в стойбище мёртвых». Она мать её мужа, который её привёз. [Мать] вошла, [но] к постелям не идет, присела прямо там [где вошла], около двери присела. Присев у двери, спрашивает:

— Ну, как вы живете?

А та [девушка] говорит:

— Ну что, как нам жить, хорошо живём.

— Оу у вас, оказывается, ребёночек родился.

— Ага, родился у нас ребёнок, сын.

[Женщина] напоила эту [старуха] чаем, не по-настоящему напоила. Слова этой пришедшей женщины она ушами не слышит. Муж только сказал так делать, эдак делать. Огонь только, кажется, потрескивает, огонь потрескивает. Огонь потрескивает, а [женщина] удивляется: «Оу, почему у меня огонь-то всё время потрескивает? Это пришедшая гостя, наверное, со мной разговаривает. Может, она кушать хочет». Она в огонь снова подбрасывает [еду], жиры бросает, сало бросает оленьё.

Оу, старуха говорит:

— Я закончила [=наелась], закончила, закончила. Не хочу я больше мяса, закончила я есть.

Потом говорит:

— Дай своего ребёночка, дай его поцеловать.

[Женщина думает:] «Оу, чего она ещё просит, почему он тогда сказал «ребёнка своего дашь поцеловать бабушке». А, да ну его, не надо, не дам я своего ребёнка». Так и не дала она ребёнка, новорожденного ребёнка, бабушке поцеловать.

Когда-то старуха встала. Встала, дверью хлопнула и ушла.

Потом муж пришёл:

— Приходила к тебе гостя?

— Да, приходила. Кормила я её и так, и сяк, — отвечает [жена].

— Ребёнка дала поцеловать?

— Нет, не дала.

Муж говорит:

— Эх [ты]!

Когда он так сказал, они легли спать. А жена стала проверять ребёнка: «Почему это у меня ребёнок не плачет? Иногда же он плакал ночью». Проверила ребёночка — а у ребёнка давно уже, оказывается, глаза застыли, умер он, оказывается. Тогда она стала проверять мужа — у мужа тело холодное стало. Оказывается, они оба уже умерли.

Ну всё.

Рассказчик:	Нина Дентумеевна Чунанчар (1946 г.р.)
Автор записи:	Мария Брыкина
Место записи:	Усть-Авам
Дата записи:	2004
Транскрипция и перевод:	Серафима Мудимеевна Купчик, Мария Брыкина
Название текста в корпусе INEL:	ChND_041212_Girl_flkd

The Land of the Dead

There is a tent. Husband and wife live in this tent. They have only one daughter and no more children. This daughter is a reindeer herder. No one else is with them, only the girl who herds reindeer.

While herding reindeer, when the reindeer lie down, she also sits down to rest. There is a place, a big mound. On this mound, she always sits down. What does she do, I wonder, on this mound? She just sits there, probably smoking or doing something else. Sometimes she picks flowers or other things on that mound.

Well, one time when she was sitting there, the mound suddenly moved. When the mound moved, she says:

“Oh, khiemou, what’s wrong with it, I wonder?”

She stepped aside and stood a little farther away from the mound. As soon as she stepped aside, the mound opened. A man came out from inside the mound wearing a parka made of whole skins. As he came out, the man said:

“Oh, I’m so sick of you. You need to come here every day. All the time you are sitting on my grave. I’m so sick of you. I’ll take you away.”

He pulled her and dragged her into the opening on the mound. So, he dragged her: oh, khiemou, how dark it is! It’s pitch dark. This girl thinks: “I am being led somewhere; at first, he led me by the hand. Then he led me by the head like a staff. When he stops leading me by the head like a staff, he starts carrying me upwards like a staff. Where am I going? He’s leading me somewhere. It’s completely dark, I can’t see anything.”

Well, they went on and on, either far or near. Sometimes, the girl even closes her eyes. She opens her eyes, and everything is dark and dark. How long is this journey? Once the girl says to herself: “Wow, it’s like something lit up ahead of me.” So, while they were walking, it turns out it was daytime, daylight at the opening of the earth, daylight started to flicker. As they got closer and closer to the opening of the earth, that light got brighter and brighter. And they came out.

“Oh khiemou! He brought me to some kind of camp. There are tents here. It turns out, the tents are set up on a lake shore. There are so many dancers dancing on the frozen lake. They are wearing all kinds of different, beautifully painted and decorated funeral parkas. The women are wearing all kinds of beaded headbands and jewelry on their braids. The dancers rattle their jewelry.”

The boy put her down there, not far from the dancers. The boy who brought her is also standing next to her, wearing a parka made of skins. He turned out to be a very young boy when she looked at him. She is watching all these people dancing. “Oh, not far from me, there, behind the dancers, away from the tents, there is one woman standing beside her sledge. It’s like she doesn’t dare to approach the dancers. She is staying away from the tents; she is just standing by her sledge. Her sledge is

all red with blood. And the reindeer and everything else is red. The head covers of the reindeer and everything else is red.”

The girl says to her companion in the parka who is standing nearby:

“Why is that woman standing aside, why is she not with the dancers? Or why isn’t she entering a tent?”

“Oh, she is only a recently buried person, that woman. Therefore, she has not joined them yet. These people who are here, they think she’s rotten. Someday, maybe a year from now, she’ll mingle with us here. Come on, there’s my tent.”

He took the girl by the hand again. Took her into the tent. Oh, it’s certainly darker in his tent than it is outside, almost completely dark. The fire is barely flickering. On the west side, an old woman is sitting on the bed. He sat the girl down on the bed on the east side. This must be the bed of the boy in the parka. He sits her there, and he says to his mother:

“I have brought a guest to us, feed her.”

The old woman replies:

“Khiemou, why are you doing this? Why did you bring a child of the people? A child of living people... why did you bring her?”

“Leave me be, I’ve had it with her. All the time she was sitting on my grave. She does things there, sometimes she even rattles. Sometimes she tears flowers and other things. So I brought her here.”

“And what will I feed her? Do we have the food she needs?” said the mother.

She put a table near the girl. Having put the table, she put some old food on the table, reindeer fat covered with mold, bone marrow, pieces of meat cooked ages ago, all sorts of things.

“Well, eat it.”

“Oh, how am I going to eat these? They’re spoiled.”

She’s not eating anything; she’s just sitting there.

“Oh,” says the old woman to her son, “well, what will she eat now? She doesn’t want our food. Go hunting.”

So, the boy got up. He went outside. After some time, he came back, and the girl thought: “Oh, he came, but where is the meat he brought? I can’t see anything”. And he brought a big mouse. He butchered this mouse like a deer. He threw it to his mother:

“Here, cook it!”

The old woman said:

“Oh, she won’t eat such a thing! It’s not good.”

“Not good,” says the son, “what will she eat, then? Boil it!”

So, she boiled the mouse. She gives it to the girl, but she doesn’t want it.

“What’s this mouse? When has anyone ever eaten mice?”

So, she lives there for maybe seven days or so. She doesn't eat anything. When another seven days have passed, the old woman says to her son:

"She may die of fatigue. Take her away, take her away, take her back. Let her go home. You can stay there too, if you want. You can stay there with her."

"Oh," said the boy, "all right, I'll take her away. Mom, listen, I'll stay there too."

"Well, stay," the mother said, "it's your business."

Who was he? Maybe this man was a shaman or something. And so they went back, he pushed her through the hole in the ground once more. He led her back again, but when they went back, he didn't hold her like a staff, neither by her head nor by her feet. He simply led her by the hand. So, they walked so, and they jumped out of the mound again, onto the ground, onto the real ground.

Then the man said:

"Let your mother and father sacrifice. When they come here, you do not come close to them, do not go into their tents. You will only talk to them from afar, tell them to slaughter seven deer and seven dogs. Tell them to light seven more fires. Then, you and I will go over them. They should not sacrifice near their tents, and you and I will go after them. They should set up a tent for us, farther away from theirs – tell this to them."

Well then, the elders came outside, and the girl's father said:

"Kaziau, where have you been, where are you coming from?"

The girl says:

"Father, this friend of mine tells me to do this and that. These are the sacrifices you must make."

"Of course, that's what I should do."

They've got plenty of deer, they've probably got dogs too. He did what he was told. So, they went through it all. They went through reindeer, dogs, fires, and their mother had already built a tent for them. That's where they went.

Well, it got dark, evening fell, they were about to go to bed. After going to bed, they were under the same blanket, the girl thought: "Oh, khiemou, my friend's body is cold!" She moves away from him. After a while, her hand reaches out again, to check on him, to see how he is. Once his body became warm. Finally, he became a completely normal person.

He became a good man, they live there in the tent, they even had a child. They found a boy, and their own son was born. The husband goes hunting and herds reindeer.

Once he said:

"I'm going hunting now. I will go hunting, and perhaps a guest will come to you today; when the guest comes, treat your guest well. If she asks our child for a kiss, do not be sorry, let him kiss the guest."

Having said so, he went hunting. And the woman was sitting in the tent, either working or doing something. At noon the door opened. The door opened – a strange old woman came in, a gray-haired old woman. The woman thinks, “This is the old woman we left in the camp of the dead.” She is the mother of her husband who had brought her back. She entered, she did not go to the beds, she squatted near the door, right there where she came in. Crouching by the door, she asks:

“Well, how do you live?”

And the girl said:

“Well, how do we live... we live well.”

“Oh, it turns out you had a baby.”

“Yes, we had a child, a son.”

The girl gave this old woman tea, but she did not really drink it. The words of this woman who came, she can't hear with her ears. The husband only said to act this way, to act that way. The fire only seems to crackle. The fire crackles, and the woman wonders: “Oh, why is my fire crackling all the time? It's a guest who has come, probably talking to me. Maybe she wants to eat.” She throws food into the fire again, throws fat, throws reindeer fat.

Now, the old woman says:

“I am full, full, full. I don't want any more meat, I have finished eating.”

Then she says:

“Give me your baby, give me a kiss.”

The woman thinks: “Oh, what else is she asking for, why did he then say, ‘Give your baby to his grandmother for a kiss.’ Ah, well, don't, I won't give the baby.” So, she did not give her baby, her newborn baby, to her grandmother for a kiss.

One day the old woman got up. She got up, slammed the door and left.

Then her husband came:

“Did you have a visitor?”

“Yes, I did. I fed her like this and that,” the wife answered.

“Did you let her kiss the child?”

“No, she did not give the baby a kiss.”

Husband says:

“Eh you!”

When he said that, they went to bed. And the wife began to check on the child: “Why doesn't my child cry? Sometimes he cried at night. She checked the child – the child's eyes had frozen long ago, and he was dead. Then she started to check her husband – his body became cold. It turns out, they're both dead. That's it.

Storyteller:	Nina Dentumeevna Chunanchar (born in 1946)
Recorded by:	Maria Brykina
Place of recording:	Ust-Avam
Date of recording:	2004
Transcription and Russian translation:	Serafima Mudimeevna Kupchik, Maria Brykina
Identity in the INEL corpus:	ChND_041212_Girl_fld

СИТАБЫ / SITABY

15. ХАЛЬМИРА ТИНДАМА / ХАЛЬМИРА ЧИНДАМА / KHALMIRA TINDAMA

Хальмира Тиндама

Ситэбы десынэ дебтудүөдөө. Десымэ исүө Турдагин Дентуме Хурсебтеевич. Эмты ситэбы сыты дязэту нэндяи” дүраки” дебтудүөдөө. Ситэбы нимті Хальмира Тиндама.

Кэрутэту моумэны налаа хеэтыты. Налаа хеэтыгыты, хеэтыгыты. Каңгүтекүөнү мунунту:

— Оу, эмкүмүрө нэңхэ тэ” моу. Маагэльте нуодеэ дяңку. Иньсүзэ сэдээ дяңку. Хурсэгунэу. Тэ никунэ хурсэу”, нонэи”ка” нера”а коныгузэм.

Тэни”а тэтирэ нера”а бии”аиэ, налаарэ, куулүкүөнү мунунту:

— Оу, такэа маануна эхы. Нонэру мазаңку нэньдиты, ну”оляа ма”. Ма” нэньдиты, ненати”а аніка”а турка”а бэрэны. Маэ нииде кэитэ мэрузу магэлүкү, хелиэ кэитэ мэрузу хирэгээ, дигү”та”амэны хирэгээ. Тэндэ тахаряби” дигүтү теирэ” бэньде” кинтэзынды”. Сылиазэ моу батүө”, сылиазэ мазу” киндэ”, тиирүү” мазу” киндэ” эку лакаряи”.

Тэ, налаарэ матэ түү”үзэ. Матэ тии”э. Ну”оляа хелиэиэ ма”. Хелиэиэтэнынті маагэльте дяңку. Маараа” тэндэ” эку”, хуаати, нитэити, сыли”а маараа” дүбэиті. Нуа нииде кэитэны номтүтү ині”а, хорэ найбэгээ ині”а. Сыңэ ниинінті нана”са кундату, түүне кунсыны. Нойбуоэу итү нануо такэа маэ тэкуи” ниині. Нуойтү нануо туу бэрэну итү”, туу бэрэ түүтү”.

— Оу, энэ”энэу, — мунунту налаа. — Тахаряи” тэ эмэніэ нана”сагүмү хүтэзэту тэ” найбэлүкү няндыты.

Тэни”а номтүкэту, ині”а сотүрэту — маа нусыхиті? Тэни”а тахаряи” сотүрэраады куулүкүөны, нойбуомту дили”э. Нуантун бэндініэ кэитэ ситірэкымэны мирэимү” сохэмунэ”. Мирэимү” сохэтундэ, нуаэу бяри”э. Нуанту кунсымэны ситі нумээ тии”э. Ситі нумээ, нануо няті дя хелиды”кугэй, няті дя тээсеэзэ итүгэй. Нануо ну”оляа нана”салэгыгэй. Тэкэитү катемэса ині”а мунунту:

— Оу, тахаряи” ниңыгэй нерси”.

Няагэи” тэкэитү дя тэсиэзэ хорүбсянэ күмаа”амту дүбямэбты”э. Түсүөдээгэй нумайка”агэй нямаякүө минтягэны лутяитү хорилера”а” эку. Тэни”аряи” нануо бэнду кэмсызэсы, нуңди сиэмэны ниңынті тэу”. Тимсү”инді, бии”аинді.

Ині”а тахаряби” мунунту:

— Оу, тахаряи” ниңы нерси” тәти тахаряби” Сыра Куоде Баарбә. Эми” дялытіні, канәй биизәй хүөй бәутүтәнү”, батузүтү мүтәми”ә.

Тәә мәльтикәтә тахаряби” бәлызы туу”о. Ині”а мунунту:

— Әхи”, ниңы нерси”.

Тахаряи” ниңы ңыәи нерси” ңыәи.

Мануи” хүөтіні ситі биизә хүө, хүө тагәніні,

Сыра Куоде Баарбә сижимті һадямту, һадямту сүаруса тусүө эми” моунтинү” ңыәи.

Нүө”күнә деди кундәта”кураа ңу”ои” луугяли нимилесыә” бәнді нимилесыә ңыәи.

Эми” дялытіні әхы ниңы нерси”, мүтәми”ә батуй мүтәмихи”иә ңыәе.

Тәні”а тахаряи” буодя сятыди мунунту:

— Тәти тахаряи” Сыра Куоде Баарбә, мунунтуо” мунуңкәнду”, каңгү-текүөнунту сижи дягә нүө, сижи куодүму нүө нүө”ләсыә ибаху. Әмкәй ңәндяи” итетүгәй, тыминя тутүөгәй.

Тәні”а тахаряби” батугәтәту һамтәә түбә”әмту някәми”ә. Һамтәә түбә”әмту някәләсы, такәә сыңә ниининті кундата”а нүөмты няагәи” ниңы нижәты тымити”. Нижәты тымитиси тахаряи” мунунту:

— Оу, комәнсәй, хи”әмә найбумә тахаряи” тыңгүмүнтә кундануң. Маадя хүөті” һамбураамтә хораңуң? Әмәніә тә” ситі нинырә каңкәә бүүдүүті. Маагәльтей ниныгәйтә дүрымыкәгәльтей ниндың хуурә”. Нәнсужиң, нәнсужиң, меригяи” нәнсужиң.

Тәні”а тахаряби” сязытындәты нүөмты тымитялыди кундуасуодеәзу һомтәдя ләркүмәбта”ижә.

— Оу, комәнсәй, немы ихүнүнтә тахаряи”, маа куні”а мейңы”? Маажә мәнә китәңуң?

— Ысыәбүө, маажә мәнә китәңуң? Тыминярияи” әмәніә” бату” тусүө”. Ситі нумәнаңку нүө тусүөгәй. Һануомәны няті дя хелидя”кугәй. Мәнә нанунә Сыра Куоде Баарбә дякәгәй няндытыгәй. Нәнсужиң, нәнсужиң, меригяи” нәнсужиң.

Тә, тәтирә тахаряби” нәнсу”ижә. Немызы бәнді ңоньди”ә. Бәнтіжә тииди тахаряби” түзү”та”ай кәижи”ай серы”ә. Тәндітү дежянүөбтысы нитәбсянә ниті”аты куньди хүтя”итү. Тәгәтәты ңансә мәидегититү сәхүдү”ө, лууй сәхүдү”ө, хуаймуй сәхүдү”ө. Тәндіти сәбу”са, тахаряи” нүөмты ңәмәбту”ки”ә. Нүөзы ңәмурса сязы”ә, тә демби”тә”ки”ижә.

— Оу, әнәнәу, — ңалаа мунунту. — Луузәмту сери”ә тахаряи” ненати”а, хирәгәәйкя ңана”са нумә ихуазу. Луузу ңуотебинүнтү тетә сотүра”азу ңануомәны анідя”и” нерхя” тимирәгы”. Һансә хуаймузитү сери”ә. Хуай-

ма” аитү нагүр сотүра” азу, хуонүтү сотүрә”. Тэндә Һансә хуаймату сотүрә” ненати” ай” тәбтә анідә” ай” нерхя” тимирәгы”. Тәні” аряи” тиндітінді”. Масүжәмту Һойбуоту ни сери” ә. Оу, әнәнәи. Тахаряби” Һануомәны бәнтуоҗәу, бәнтуо хяйзы, сәмунту бәнтуо нөҗхуҗу, Һануомәнәи тәні” аряи” Һануо хуйкирмә” курәкы. Тәні” аряи” Һануо бәнду” а хуйкирмәэмәнү тәні” аряи” бәнду” уә нөмсайтүтү.

Җонәә тахаряби” Һалаа мунунту:

— Оу, әмәніә” хуаймату Җонәә мирәә” бәтүмәэрәгы”. Хуаймату тэндә” хяңкә”, меймәә” тәні” а Һануомәны аніка” и” кола” түөра” арәгы”, хуаймату хяңкә”. Тахаряи” әмкүмүрә мааҗуна” а Һана” са ихүнүнтү? — мунунту.

Тә Һансә тәні” а нүөмты дембилиси, мәйҗәту кәйҗә Һансә ині” а сәхүдү” ө дязүдә” а диндә. Тәні” аряи” Һануомәны нәмәгәи” кәнәдемәә бадя, динтіҗи тәитү, биҗититү сәхүдү” ө тахаряи” тәндитү миди” ә. Нүөнты дя мунунту:

— Тә хеҗыты”.

Ә, ненати” арә тахаряи” тәті бәнді Һоньди” ә.

Бәнді Һонсыдесы Хальмира Тиндама,

Сиҗи дялымәны, сәйбә дялымәны

Тули” иҗә, ныңгынтули” иҗә Һыәи.

Тэндә ныңгынтуса,

Хуодету дя Һарәгәтүтәту Һыйеи,

Күркүҗи” ә тахаряи” күркүҗи” ә Һыәи.

Тахаряи” тәні” а күркүҗәса мунунту:

— Оу, комәнсәй. Тәтыити мәнә сиҗи сәйбә дялы мындым, немынә ма” әмәніә әмны итүөрәку. Тахаряи” курәдимәәны мыңгүмүнә мыңым.

Тәні” а күркүҗәса,

Хальмира Тиндама,

Сакәли” ә хебтынә сакәли” ә Һыйеи.

Хебтынәмты сакәләса Җонәә дялымәны,

Сиҗи дялымәны сәйбә дялымәны,

Тули” иҗә, ныңгынтули” иҗә Һыйеи.

Җонәи” Һарәгәйсә мунунту:

«Әлүмә әлүмә, хи” әмә Һыйеи әлүмә Һыйеи.

Немыденә ма”

Анідә” а кумняй Һәҗуты,

Җыытәты Һыйеи Һәҗуты Һыйеи».

— Оу, мунунту, — тахаряи” әмәніә немынә тә” ма” анідә” а кумняйтү хяй Һыытәты Һәҗуты.

Тәтірә тахаряби” һонәи” һансә хойкүрүбта” иҗә. Тәни”а хойкүманту кундә курәгунд” теті һуотү ни ниңы бамтыгамә”. Тәни”а бамтыгуса тетә һуотү нини хеҗытыты. Куолүкүөнунту курәгунд” тәни”аряи” кәрутәту моунтә түдәй-мәбта” иҗә. Оу, тәни”а тахаряи” түдәймәбтутундәту котуҗу”, һармүҗи” биәти” бәнсә сымбәбтыры” иҗә.

— Тә, — һалаа мунунту, — әмкүмүрә тахаряи” нәһхә тә”. Кун”а ((әмкү)) әмләди сымбәбтырытыә һана”санә кадяну итеһум? Коныгуҗәум әмәника дя, һонәи” коныгуҗәм.

Тәті һалаарә бии” айҗә.

— Оу, — тахаряи” мунунту, — мааһуна әмәниә” тәсиәҗә мыәдитыә” хеҗытынды”. Мыәдитыә” хеҗытынды”, минтітігің ненати”а һануо һүңкә тулбыйка”а бәйкә”а бәйкуо, нимбымсыәдеә бәйкә”атәә ихуаҗу. Таатүң кәрытәты. Хуоніканунты мыәҗәты итү. Тәни”а тахаряи” тәндә” минтітіндін хуонікану сыйбә тәрәди һүңкә тулбыйка”а һана”са. Бәһнде” мыәҗитүң тәитү”. Тәнд” һүңгә” тулбыйка”аи”, бәһнди” нерәһныны минтітігүмүҗиң биһинтің. Биһинтің хутурәхуаҗу сиҗи мәлкә”куҗәмту. Хиәдя”кугәһтеҗы сунгукукали итә”ку. Тәни”аряи” мәһмянсы, хүтәҗәкәгәһтеҗу әһыга”ку. Тәтіҗиң минтіті, биһинтің. Биһинтің тахаряи” тәбтә мыәҗәмты нүө”лалуту.

Тә, каңгүтекүөнү тәті тахаряи” сиҗи мәлкә баарбаңку, биһинтің, кәриәмты нетәра”а. Нәнсу” иҗә. Инһсүҗә быһымты сарү”ө. Мунунту:

— Тә-тә, әмәәһы хууләкәәмы” маагүө әнтыҗәмы”. Маләрәмүҗәму” хууләкуму” әмәәһы. Диәмты һәтәуһуру”. Такәә һана”санунү” такәә” һуоһыи” тутеки”ә”, ногу”тә”ки”ә”. Нәнһдя”куҗа”аи таанү” тону”тәтуо”. Сибанү” такәә” әмәниә туйхуату”.

Тә ненати”аите тахаряби” дөҗүли”итә”. Куніриамәһу дөҗүркәндү”, моу хяңкәтиніңтің сиркәбтяһкәндү”.

— Тә-тә иһәә, мунунту ниһыбты”һаҗың. — Әһляи” маләгунәу”, әмтырә тә” диәҗы һукәгәә. Маа кунтәгаи” малү”сүтәһу” мантә. Тәбтәһыа суо”сүтәһу”. Сиҗи кәти канә дяһы бәухү”.

Тә, малү”индә”. Матітүң мыы”ә”, һусыты” матітүң. Маҗуң һусытындә тахаряби” тәті биһинтің, сиҗи мәлкә баарбаңку, әмәһикамәһы дөҗүркәту куніриамәһы. Тәни”а курәгүи” ниңы һәҗә” тәндә, тәндә моунтә түү”үҗә, кундә мың тәті ситәбы мынтәләһыәдеәмы” түһерәхуаҗә. Тәндәту кадя коһа”а:

— Оу, әмтырә мааһуна ихүнүнтәи”? — мунунту.

Һануомәһы нөтәрәкы, нягәбты”әҗы.

— Кәҗя, әмкүмүрә маады денуну?

Тәндәмты няагәи” тахаряи” сиркәнүөбты”ә.

— Әмкүмүрә тә” әнты һандыты, мәнә һанунә луҗяһлекеы.

Сиркәнүөбты”ә тәндәмту:

— Оу, эмкүмүрө тахаряи” тэ” Һана”са түдййтүтү».

Тэндэту дя эмы”ыа Һойбуомту Һили”а нүкэбэтудя, тэндэту дя сәнүркэту. Тэгэтэты калитү кунсымэны дүжүмтү хүтэ”а:

— Оу, эмкүмүрө тэ калитү нимэ хекуты. Нилытыэрэкы тэ” эмкүмүрө.

Тэндэму Һяагэи” норбитялукэту, батэҺалэкэту тэндэту ҺаҺэ дя. Тэ куолүкүөнү тэтирэ тахаряи” ҺиҺыжэ Һусииле”, Һана”сату.

— Оу, комэнсэй, маа моу терэҺ тыҺгүмүнтэ, маадя тэгэтэте эмны түдййтүҺуҺ?

— Тэ мыҺгүмүнэ тэ” маагэльтегэтэ бэна”инэ, — мунунту. — Деи”күа” коньидиэм мыэдисы, курэгунди” Һануо сүүлесүүнэ тетэ Һуоне ни. Тэни”а курэгунди” мэнэгэ”инэ.

Сыты тахаряи” мунунту:

— Тэ-тэ, эмы”ыа Һуо”. Тыминя мажэ” мелисижитэ”, мажу” мелиби” тахаряи” мэнэ такэу, бэньди” бэрэжүтуо мамэ исүжэ. Таа” кэжудеэй Һянтыди, тэни”а мэнэ манэ дя туйкэҺ.

Тэ, Һуоляи” кундутуньде ися кона”а. НенамажүтүҺ кунда”индэ”. Нена-мажүтуҺ кундутундэ тахаряби”, тэти сижи мэлкэ баарбаҺку Һуажу бярэры”э. Һуанту кунсымэны Һүтэдүдөдөжү Һана”са тии”э. Һясы” тии”э, хүтэжэту Һайбэ. Тэ, Һомтэбта”ажу кадяту.

— Оу, — мунунту немыбты”ыаты дя, — Һэмсате каҺкэа ҺиҺы хии”, мииниэ Һана”санэ тийбтыкээрэ, Һэмэбтутэ. Тэ Һуолы ахы Һонэа түүтүтү бэбэжитү мелыжэгэҺ. Эмны исүжэ Һануні. Сылыгэльти” дя нимыҺхя” мунэ” мажайтүни Һиимэны.

Тэ тэни”а тахаряи” Һэмэбта”ажу, Һэмэбтурудя сятыди тахаряи” кунда”индэ”, кундубта”ажу. Бэньде” кунда”индэ”. Оу, каҺгүтекүөнү тахаряи” кундатундэтуҺ хииньдя ненамакитигүҺ таа, таа кэмя”са бакэжээгэтэ Һана”са туйхуату. Һана”са туу”о, дондалакуоу ҺуамтуҺ бярэбты”э. ҺуамтуҺ бярэбтысы тахаряи” тэндэй Һайбэикйй Һуой катеми”эу. Кундатуо Һана”санэ Һуой катеми”э. Туу бэрэну курэгунди” итү”. Тэ, хурси”ижэ. Тэндите ибаху” суодүтуо” сйибэ Бэбти”атэа, тэти Һиныбты”ажыҺ баарбэтуҺ, тэндэ баарбэту матэ тииди, сиба мунунту:

— Эмэниэ тахаряби” биҺими”, маатекүө хунсэа Һана”са Һанту хуану”о Һяндыты. Мэнэ катемэсуом Һуотү Һайбэикйя” Һэжусыэ”. Мэлижү курэгунди” туу бэрэну исүө.

— Тэ-тэ иҺэа, — мунунту, Бэбти”аи” баарба”а мунунту, — иҺэа, күжяхү” мэнэ хуйкуом биҺимэ. МааҺуна тэндэ Һана”санэ, хунсэа Һана”санэ, куні”а тэндэ тэтуҺу. Күжяхү” мэнэ хусижэмэ манэ дя.

Тэ күжү”Һа”, күжүатундэтуҺ тахаряби” энты Бэбти”и” баарба”а Һятү хули”э бэньдей, Һадятү. Бэньде” сыты матэту туу”о”, тэндэ хуо Һансэ биҺимти Һойбабтүгүтү:

— Хууныры” такээ биңимэ.

Биңинти туу”о, биңинти дя мунунту:

— Мэнэ нанунэ маатекүө дерэмуо җана”са малиртінінү” итүөрэкэу. Җэндяи” тэнэ матэнынтэ итү.

Тэ җамай мунунту:

— Э”, җэзитэндэиң, җэзитэндэиң, җана”санэ мэнэ җэтэдүөм. Бэньдикаа тэлубатаҗэ нилыгүөты, мэнэ мунудүөм манэ дя туйкэң. Тэті наадемэ итү җана”са.

— Тэ сылы тэгүмүрэ җана”са?

— Сыли”азэу, сыли”азэ, дерутумэ. Мунугүөдүө тэлибтібі”эмэ, косэра”а турку тэикэбаху, Косэра”а турку тахаряби” баарбэту мануриэи” сылыгүөті” коту-русүүҗэ ибаху. Тэндэтэ нүө ибаху. Хальмира Тиндама ибаху нимті.

— Тэ маа куні”а сиэҗыхя?

— Сыты мунунту: «Мэнэ кэрүтэнэ дөтүрүм, дүрымытыне хуурым».

— Тэ-тэ, иңээ, җуоляи” мың нану” дерымы”э, — мунунту Кондутери” баарбэ, — тэні”а тахаряи” дерымтындэты кондүләкуому”. Мың маады митэңымы” җана”саму”? Мың җана”саму” никуму” миде” койкэтіні”. Эмты тутүө җана”са икуо.

— Оу, тэті биңинтің мунунту, — тэ җуолы җуо”, тэнэ тагэтэ сылы кумунтэңу? Икуо.

Мату дя туу”о, эи”, мату дя туйся тахаряи” сүарту дя мунунту:

— Каңкээ куңкурухуаҗэуң эмны исялэ. Тааніите бэньде маа тенынты”. Тэ, тыминякүө маады лүңгуатэңуң? Күҗяхү” суо”сутэму” ибаху. Каңгэ тахаряби” суо”хүнүнү” тэнэ тиинкэң нанунэ. Тымынякүө ни” маагэльтэ тиидя”, хүтэҗэмту ни” тиидя”. Тэбтэрыа җу”оляи” тэнэ тенынты”.

— Тэ-тэ, — мунунту, — иңээ.

Тахаряи” мунунту:

— Тэті җансэ нэңхэ дүрымы тэитү. Эмэніите мунунту” тэнэ конду”лэ”суҗэ” ибаху”, койкэті” түүбүнүнү”.

Хальмира Тиндама мунунту:

— Тэ җуолы, мэнэ җу”оляи” дерымы”эм тэ”. Койкү” контэ ися конынякэнэ мэнэ дерымы”эм.

Тэ, җамайдүмэ дялы җансэ тэндэты суодү”ө”. Суо”тундэтуң сиҗи мэлкэ баарбаңку сүарэмту тиэбты”эзы нанту. Тэні”а җануо хэҗытымынтың кундэ канэилү”, накүрү” малү”индэ”, тетэмтындэтың тахаряа суо”тундэтуң, тетэмты мыэнтэндэиң тэсиэҗэ түү”ө” тэндэ, ненати”а дикэра”а. Тэндэ дикэра”а нині сйибэ койкэ итү, сйибэ хуааҗэ койкэ”э. Дүтыҗытыэҗың ненати”эу, аніка”эу, бэнсэгитэ хирэгэа койкэ. Тэндэ ситя кэиті дя җансэ, хелиэ кэиті дя итү нагүр койкэ, хелиэ кэиті дя җонэа нагүр койкэ. Бэньде” җаңутүң бяриті”.

Тә тахаряи” тәтi сиҗи мэлкә баарбаңку нянту дя мунунту:

— Тахаряи” тәнә җәндяи” күҗяхү” кондулэрусүҗү. Күҗяхү” конду”лә-
рубүнүнтә, куні”а исүҗә ихүнүнә мәнә? Минтягәны мәнә җәндяи” кәи нии
суо”суҗәм. Мәнә ниндым тә” җәҗүнанду”, куні”а тәнә кондулэрусанәмтә.

Тә тахаряи” нянту дя мунунту:

— Тә метеҗынә куту” метеҗынә, җыйей?

Җу”оляикали ися, талакали ися дерымы”әм мәнә, дерымы”әм җыйей.

Мәнә нибитә җәҗүнанду”, суо”кәҗ әмәніка дя, әмәніка дя җаңку җыйей
суо”кәҗ җыйей.

Күа”муодеәм җуоляи” милисиҗи” җәндяи” милисиҗи” җәмсу ися, койкү”
җәмсу ися җыйей.

Каңгүти” кутены минтя” тәмәэны, тәмәэны кумәэны сылыгүи” дя
мунумумба”сатә җыйей.

Хальмира Тиндама койкү” җәмсу ися ибаху мили”ә җыйей ибаху җыйей.

Тәні”а тахаряи” буюдя сятыди мунунту:

— Җуолыҗ әхы, суокәуҗ, суокәҗ. Тәні”а дүрымыкәлитемә дебтумумба”
сылыгүө дя. Лакаряи” мәнә маагүө хелыәмә җәҗәтәндун, тәнді” дя
мунумумба”: «Җадяру” кондулэра”иҗә, Кондутерәтi”. Сяйбә Кондутерә”әэты».

Тә, күҗүатундә җансә җонәи” җунү”ө” баарбәндун матә. Баарбатыҗ
мунунту:

— Әмә дялы мыҗ әмәніә җана”санә мисиҗэмы” җәндяи” койкәтi”. Койкү”
җәмсу ися, контәҗәнү” ися мисиҗэмы”. Тә, тәнә куні”а исүҗәҗү? — мунунту”
биҗинтиҗ дя.

Биҗинтиҗ мунунту:

— Мәнә суо”суҗәм. Мәнә әмәніә сүарнә коні, тәрәди нәҗхә коні нинтымә
җәҗүнанду”, мәнә әмкәтә суо”суҗәм.

— Тә, мунунту Кондутери” баарбә, — суокәуҗ, суокәҗ. Тә нимыңхя” кунтәга”а
дя суоде”. Каңгүти” әмкәтә суо”тәкәбүнү”, мыҗ меригяи” дөбисятә.

— Ә”, җуолы әхы мәнә әмәнікаряи” малә”сүтүнә, әмәніә дигә тагә кунітекүө.
Маатекүө лындәтә малә”сүтүнә.

Ә, ненати”аите җансә тарумту”о”. Сяйбә куодүму бәньде” декәні”интә”.
Баарба”аҗуҗ тәбтә быны ихүтү, таансанә мынтәли”ә баарба”аҗуҗ. Тәндә
тәсиәҗә тусүөдә Хальмира Тиндамантуҗ, бынынтәны дүтүгәтә нерә сарәдя,
таансатәны, бәтәли”әҗыҗ тәнді” койкү” дя. Койкүтүҗ кадя түү”үндә” — оу”,
тәндә” тахаряи” койкүрба”итүҗ дүөму хоңхяҗы”. Дүөмутуҗ тахаряби”
сәлтәраагитә меймә. Бәньде” сәлтә” кунірианәи. Тәндә” тахаряби” сәлтә”
бәньдикаа” җойбуой теритi”, җана”сану” җойбуодеә”.

— Оу, — мунунту Хальмира Тиндама, — тахаряи” эмэ” эку” хуоде” контэдеэ”. Ёйбуутун эмэ нитірікэбязытэ”. Такэа тахаряи” ну”ои” тэті сэлтэ, маагэльте терэзы дянку. Тэті нэндяи” мэнэ ёйбуонэ дязікуде сэлтэ итету.

Тахаряи” бакэжэату такэмэну дясэбтыры”иžэ таансатэны, дядитү таансатэны. Дясэбтыры”иžэ, бэнду дилэры”иžэ. Оу, ненати”а анідя”а койкэ һануо ёйбуотэ, тэндэ ёйбуо кэмяту, анідя”а койкэ ёйбуо кэмяту. Оу, тахаряи” тэндэ” һамайдүмэ” мэтү” куодүму, баарбажун нинты торэу”, тэні”аряи” нэньдиты, мэтү” куодүму тэндэ таансанэ кэмяту”. Балта нуоляи” мунурубүтүн някэмэһыры”, някэмэнягэтың.

Тэ, Хальмира Тиндама тахаряби” мунунту:

— Иди”эмэ нуо”, маатемэ нуо”, нинытемэ нуо” һыйей.

Канэмаңкутэльти” эмтырэ делулу” бынырэ һыйей делулу” һыйей.

Нуоляи” кэндэ”кэса конькэндэ”кэса, канэмаңкутэльти” бэнтүомэ коумэ мэнэ мэнантэндум, катемэнантундум һыйей.

Межи” нилыдесы ситайне моуне тэбтэ мэнантундум, катемэнантундум һыйей.

Ири”ай, иди”эй ихүтэ, канэмаңкугэльти” делулу”, бынырэ һыйей делулу” һыйей.

Тэні”а тахаряби” мунуруса, Кондутери” баарба”а няту дя ёйбуомту хорүбтүся мунунту:

— Тэ-тэ, канэмаңгу” быныры” делулуһуру”. Нуоляи” хинді коныхантыэ һана”санэ буоžu мэтутэбү” нэңхэ. Эмэніэ һана”санэ буоžu ниһыры” мэту”. Быныры” делулуһуру”.

Тахаряа бынынты делулутундэ Хальмира Тиндама ситя кэи дя сэһүли”иžэ. Нерэбтүкү” сэһүли”иžэ һармүжэ нии дя. Оу, тахаряи” һармүжэ ниимэны һана”са һэрдитуту, мыэдитыэ һана”са. Мыэдитыэ һана”са һануо ну”ои” хиэ” сэмугали һэрдитуту. Кэмарүтү такэмэны иньсүжэ быны сарэбату. Иньсүжэ быны сарэтуоžu тахаряби” мыэжэ нүө”лалуту. Тэті мыэжэты хии ёйбурэгу” хеңгэй таай хутурэхуаžu.

— Оу, — мунунту, — тэ эмэніэрэ нэндяи” итету мэнэ нинымэ, ниныбты”ыа нинымэ. Ниныбты”ыа нинымэ нэндяи” моу толбы моу сымбэбты”э. Тэндэ тахаряи” моу толбы моугэтэ мыэжэжэмты бэтэли”э.

Һансэ китебты”иžэ котүжэ нии дя. Котүжэ ниимэны һансэ һана”са һэрдитуту. Тэбтэ һансэ кэмарүтү такэмэны инсүжэ быны сарэбату, мыэжэ нүө”лалуту. Тэті мыэжэты тахаряи” хутурэхуаžu лэжэ сырэй кобта”ай.

— Оу, — мунунту, — тэ эмэніэ нэндяи” итету һонэа нинымэ, һадеум. Һадеум нинымэ нэндяи” эмэніэ тахаряи” буорукужэ Сырэ Куоде нэндяи” сым-бэбты”эзы. Тэніи” моугитэ эмэніэ мыэжэ тэті нэндяи” мынтэлэтыэзы.

Оу", тэни"а тахаряби" бэньдей маай катемэса, ненати"арэ тэсиэзэ аніка"а койка"амту Һойбуогэтэ кэми"э. Һойбуогэтэ кэмэдя тахаряби" Һануомэны няагэи" ниһызэ дийкулэ". Тэни"аряи" дийкуту херы хоңгэ мантэ. Куолүкүөһынты сеймыти бяри"э, сеймыти бярэди тахаряи" мунунту:

— Оу", тэ мыңгүмүнэ кундэ түүһанэ? Мыңгүмүнэ тэ" нинтуу дигэ никэгэльти", кэрутэту моунтэ Һомтэбатанэ.

Кэрутэту моунтэну Һомтүся, сэһүли"иэ:

— Оу, такээ тэ" сүара"кунэ ма" эмэникараану итү. Тэ-тэ нукузэм коныгэлэ" сүарнэ мазэ дэ. Дигэ ни тамтүкэлкунэ.

Дикэра"ату ни тамтүдү"үзэ.

— Оу, комэнсэй, сыйбэ койка"а тахаряби" Һануомэны хүтэзүтүһ дүзэ дермээны тэни"аряи" кэнитүрүбазатэ".

Дигэ һиле дэ китебты"иэ:

— Маа эмэниэ тахаряби" тэ" сыйбэ Кондутерэ куо хирэгүө нагүр биизэ хирэ" мажутүһ итүөрэгү" исүө". Тэндэ" тахаряби" мажаңкутүһ бэньдикаа" сымбэбтырыбязытэ". Банэ күама"кугэльте маа"кугэльте нинты һэзү".

Тахаряби" тэндүтү катемэса мунунту.

Хальмира Тиндама мунунту һыйей һыйей.

Тэнді" койкү" дэ буодя мунунту. Хальмира Тиндама мунунту.

— Тахаряби" койкэ" һэмэдя"а" койкэ" һэмнуру" баарбитү" һыйей, һэмнуру" һыйей.

Канү" хүөмэны Һана"сану" нилуй нилуй сүөдөэ", санисүөдөэ" һыйей.

Эмэ дэлытэны тың һэмсузэндү", һэмсузэндү" коныһэ" һыйей.

Тэ-тэ сятыһэинтэ" эмкэ нера"а Һана"сану" нилуй сятыһэинтэ", митэди сятыһэинтэ" һыйей.

Сыйбэ Кондутерэ тимсеһэинтэ", хүөтү" тимсеһэинтэ" һыйей.

Тэни"а тахаряи" мунунту:

— Тахаряи" тэти койкэ" ихүнүндү", такээ" итү" һэмсатү". Хүөтү" хунсээй Һана"санэй һэмсузэту" тэзү"тэсуөдөэ". Тыминя тахаряи" тың Һонэнтү" баарбүтү" һэмнуру". Эмкэтэ нера"а, һу"ойкэльте Һана"санэ Һонэй" нисызэ" миде". Бэньдикаа тымынякүө сытың назэтуң һу"ойкэльте маа"күкэгэльте нэнсутыэ сүлүтүө дэңгуйсүтэ.

Тэндэй буозатү сятыди Хальмира Тиндама Һонэй" нильхү"иэ дикэгэтэты. Тахаряи" кона"а, нерыли"э, сүара"куту мазэ. Тэндэ тии"э, оу, сүара"кузу тахаряи" бэнырыбтытызэ. Сүара"кузу мунунту:

— Оу, хиэмэу, тахаряи" мыңгүмүнэ сынерырсы хүөтү" мунуңкэндүм кэрутэте Һана"санэһ тэнэ Һэндяи" нинтуң. Эмэ мииниэ" тэндэ" хуайматэ сотүрэ" иһэ", луутэ сотүрэ" иһэ" маагэльтегэтэ хылэ"э". Һануо Һонэнтүң кондүся-

ну”лэму”, кэти динтэгэльте ниндың ху” тыньсиэтэ. Динтэрэ кэти тэиңээ, диндэтэ комэ тэндэ” хуайматэ сотүрэ”, луутэ сотүрэ” тэндэ” кондүсянуге. Тэ-тэ, куні”а итеңуми тахаряи”? Бүү”ки”эң ңэндяи” тыминя тэнэ нагэтэнэ.

Хальмира Тиндама мунунту:

— Ээ”, тэ ңуолынэ бүү” эхы. Балта исүө мэнэ нерысыэдеэмэ. Эмэ” сыйбэ Кондугерэ исүө нерысыэдеэмэ. Ниныгэине китебтысыэм, ниныгэине тэбтэ нерысыэдеити моуй сымбэбты”эгэй няндыты. Мэнэ маа энтыңым, бүүгүнэу маңунэ дя. Тахаряби” каңгүти кутены нилыбиніні минтягэны ңэтэумтэтуми. Нитебині ңэтэумэ” няні дя минтягэны маңайтетуми.

— Тэ, — мунунту тэті, сиңи мэлкэ баарбаңку, — тэ тэнэ куні”а эхы исүзэң? Маадя нихяңың маатекүө мыэзэңэмтэ ңэзэ”? Мэнэу эмэніэ моунтэнынэ тэбтэ маате ихү” маагүө моугүөмэ тэитү, тэндэ тахаряи” моунтэнынэ мэнэ кобтуамэ тэитү, ңадямэ. Тыминя ңадямэ мэнэ нантэ тэтунандутум. Тэ мааңу нэңхэ ихуааңэ?

— Тэ тыминя мэнэ маңунэ дя биа”хуантанэ. Немымэ ңонэраату коусуоу Косэра”а турку бэрэ. Ниныгэине ңэндяи” нисиңинді табэ малэ”, немынэ тэндэ маңэ кадя. Сыті ңэндяи” эмэ, миині малэ”сүзүті. Тэні”а ися мэнэ немынэ дя коныняндытэим. Немымэ тэбтэ нихяаңээм суолу”.

— Тэ-тэ, бүүкэиң.

Ңэмэбта”а нямту, тахаряи” ңэмурса сятыди Хальмира Тиндамарэ бии”аиңэ. Кунуну мануо тахаряби” нясы” хеңытысыэдеэмы”, маңуту дя хеңытысы ңануомэны, тэні”аряи” ңануо биэ мантэ малкузүрү. Тэні”аряи” ңануо мерэгэи” хеңытыты. Куолүкүөнынты мунунту:

— Оу, эмэніэ нерээмэ тэ” маңурба”а малэбаңуңэ”. Ситі тансэ ма” няндыты, ситі мыэзэ. Оу, ниныгэине ңэндяи” эмэніэгүмү ма”, эмны ңэндяи” итүгэй.

Тэні тий”э, ниныгэитү бэңсэгэй, бэңсэгэй ңыңити тэтубатугэй. Тахаряби” Хальмира Тиндама мунунту ниныгэиті дя:

— Оу, комэңсэй, куні”а нихяңыры” тэгэтэ немымы” суолу”? Куні”а ңонэраагүмүнтү итеңу? Тыминя мэнэ коны”ки”эм, немымэ суолундэ”ки”эм.

Тэ, бии”аиңэ. Ңамайдүмэ дялы тахаряби” немымты тэңа”а. Немымты тэудя тэнді” нумаңку” ңана”сану” на ниндіті маңулэ”. Ңонэнті матэмті мыы”эгэй. Сыты мунунту немынты дя:

— Мэнэ нитебинэ коны” куні”агэльти”, мэнэ тахаряи” сүармэ тэитү, сиңи мэлкэ баарбэ. Тэті тахаряи” сүармэ, сиңи мэлкэ баарбэ, мыэзэтэмэ ңэндяи” тэңу”сутэ.

Тэ немыңы мунунту:

— Хиэмэу, тэ няагээ тэ”, мааңу нэңхэ. Эмэ ңуотену маңу”лэндэтану”.

Тэ, куо хирэгүөтэ тэні”а малүкэндү”. Тэ, тахаряи” тэні”а малүтүндэтуң, каңгүтекүөнэи” (бана”кутуң тэисүө эку, банутүң тэисүө” эку”) банэ”

логялэмынытиң. Ини”а бэндиніэ кэи дя нуа бэнді”а бигү”ли”изэ, тахаряи” мунунту:

— Иньсүжэ туйхуату. Сижи мэлкаңку хутурэхуажу. Сыты тахаряби” һонэнтү, нинтуу ани”э һана”са, хиэдя”ку хонэиті, тэбтэ сунгукукали итя”ку. Тэни”аряи” мэльмянтыты. Тэті, эку, сүаркүмүрэ. Мыэжэ бэтяту.

— Ээ”, нуолы эхы, тэті мэнэ сүармэ.

Тэ, сижи мэлкэ баарбаңку мыэжэмты нэнсубты”э. Мыэжэмты нэнсубтысы тахаряби” матэ тии”э. Тэ, мунунтэу сүарту дя:

— Тэ, мэнэ тэжа”ам кобтуамэ, тэжа”амэ. Кобтуанэ деньсижэ тэубүтэ тэжу”, нибитэ кэти ни” тэжу”. Каңгүти” кутены нуотены эхы няни тидярнякэни. Сылыриа” маараа” һана”санэ” дөмтакужэ” мэңкэ” итеңу”.

— Ээ”, — мунунту, — нуолы эхы. Маадягүө тэни”аряи” хурсэтэңың? Тэтугуом мыэжэтэ сизэ”, хирэгэльтей таате хурсэрыкүүте.

Тэ, тэни”а мундүөгэй.

Ини”а тахаряи” бэнді һоньди”э. Ыадүмүө дүбү ляхэзысы тахаряи” ны”ыэ дүтүгэтэ нягэбты”э. Кобтуа, ку” эрэкэрэ нумаңку кобтуа, тэндэмту тахаряи” мату дя бэтэли”э. Мунунту:

— Матэми ну”ои” мейкуоми, тыминіэу эмэдялы, эмэдялы кэти күжүахү” мейкуоми ну”ожэ матэми. Тыминя мэнэ ну”оляи” эмэніэ бэбэжэте эмляи” малаатэнэ хелижиатэнэ хиңгэбта”ам бэбэжити. Тэлианы икуори. Күжүахү” ну”оляа матэму” мейкуому”.

Хальмира Тиндама тэті, куо жүкэ иху тэтурутуо немьбты”аты мыэжэ сизэ, тээ хирэй таай кэмэдя, тэндэй таатү миди”э сүартэту, мунунту:

— Эмэ” конданең мажүтэ дя. Каңгүтеи” каңгүти” туймухуансужэми мажайся.

Тэндите тахаряи” тэндэ моунтэ бэньде” нуотены нилыли”итэ”. Бэньде” тансэжитүң һэжи”э”.

Бэлта.

Хальмира Чиндама

Это сказка, которую рассказывал мой отец. Отца моего звали Турдагин Дентуме Хурсебтеевич. Эту сказку ему, наверное, рассказали ненцы. Название сказки — Хальмира Чиндама.

По простой земле идёт сказка. Сказка всё дальше идёт и идёт. Когда-то она говорит:

— Оу, это, оказывается, плохая земля. Никакого следа [на ней] нет. Следа от упряжки [на ней] нет. Вернусь-ка я. Хотя ладно, не буду возвращаться, ещё немного вперёд пройду.

Так сказка ещё вперёд пошла и когда-то говорит:

— Оу, что это там такое. Один чумик стоит, одинокий чум. Чум стоит на берегу огромного озера. Со стороны чума берег [озера] невысокий, с другой стороны берег высокий, гористый. Расщелины гор [там] все дымятся. Не знаю, то ли это пары земли, то ли дымы от чумов — наверное, это дымы от спрятанных чумов.

Ну, сказка дошла до чума. Вошла в чум. У чума только одна половина жилая. С другой стороны ничего нету. Всякое разное там, наверное, валяется — дрова, вёдра, да что ещё. Со стороны двери сидит старуха с длинным лицом. Со стороны сынга спит человек, в кокуле. Голова его находится аж прямо у основания чума. Ноги его прямо у огня, аж до края очага протянулись.

— Оу, вот это да! — говорит сказка. — У этого человека-то, кажется, тело-то длинное.

А старуха сидит и шьёт — что, интересно, она мастерит? Так она шьёт, когда-то голову приподняла. За дверями как будто бы слышались звуки шагов двух людей. Когда звук шагов слышался, открылась дверь. В дверь вошли два парня. Два парня, друг на друга похожие, совсем друг на друга походят. Как один человек прямо. Посмотрев на них, старуха говорит:

— Оу, как они меня раздражают.

Прямо в них кинула она свой рабочий ножик. Одному из вошедших она срезала оторочку парки. Так только взмыв вверх, улетели они через дымовое отверстие. Исчезли, ушли.

А старуха говорит:

— Ой, какое зло меня прямо берёт на Хозяина Белого Яра. В эти дни, когда прошло несколько десятков лет, отправил он своих разведчиков.

В этот момент пришла песня. Старуха говорит:

— Как ненавистен он мне.

Так он меня раздражает.

Давно, двадцать лет тому назад,

Хозяин Белого Яра с двумя своими братьями, с двумя своими братьями пришёл сюда на нашу землю.

Отца моих детей совсем без одежды выволокли на улицу.

В эти дни он так мне ненавистен, отправил он гонцов.

Закончив рассказывать, [старуха] говорит:

— Когда-то ходили слухи — говорили, что у Хозяина Белого Яра родилось двое близнецов, мальчики. Наверное, это они сейчас приходили.

Она взяла со своей половины колотушку, сделанную из рога оленя. Взяв костяную колотушку, она стала хорошенько дубасить своего сына, спавшего со стороны сынга. Она колотит своего сына снизу и говорит:

— Оу, ужас, как ты долго спишь. Почему ты всё время только и делаешь, что спишь? Вон твои два брата давно уехали. Ты даже никаких вестей о своих братьях не ищешь. Вставай, вставай, скорее вставай.

Когда мать кончила дубасить спавшего [сына], он поднялся и сел.

— Оу, мама, что случилось? Зачем ты меня будишь?

— Ох, [ты ещё спрашиваешь,] зачем я тебя бужу? Только что гонцы приходили. Два парня приходили. Друг на друга очень похожие. По-моему, это близнецы Хозяина Белого Яра. Вставай, вставай, скорее вставай.

Он встал. Его мать вышла на улицу. Войдя с улицы, она занесла жирные рёбра. Разрубив их, положила в котел, в котором варят мясо. Потом из-под подушки вытащила парки и бокари. Вытащив их, она стала кормить сына. Сын кончил есть и начал одеваться.

— Оу, как интересно, — говорит сказка. — [Когда] он надел парку, оказалось, что парень этот высоченный. У него на парке четыре огромных шва, похожих на зубья самой большой пилы. Ещё он бокари надел. На его бокарях три шва, [три места, где] швы соединяются. И у бокарей швы похожи на зубья самой большой пилы. Только так они возвышаются. Головной убор он на голову надел. Оу, как интересно. Верхушка его шапки, самое её окончание, как будто бы закручена. Закрученная вверх, остриём вверх стоит.

Сказка дальше говорит:

— Оу, и подошвы его бокарей, оказывается, как будто бы с добавками. Носки его бокарей защиты так, что они похожи на плавники больших рыб. Что это за человек, интересно? — говорит [сказка].

Одев своего сына, старуха из-под подушек вытащила ещё кованный лук. Так только прямо обрезанное железо, и тетива есть; ещё и стрелы [старуха] вытащила, и всё это отдала [сыну]. Говорит ему:

— Ну, иди.

Он вышел на улицу.

Выйдя на улицу, Хальмира Чиндама,
Две недели
Шёл, косолапя.
Переваливаясь,
Оглянувшись назад,
Удивился, ой, как он удивился.

Так удивившись, говорит:

— Оу, удивительно. Я же целых две недели иду, а материнский чум как будто совсем близко находится. Как я иду-то.

Так удивившись,
Хальмира Чиндама
Прикусил губу.
Прикусив губу, ещё день,
Две недели,
Косолапя, шёл.
Опять, оглянувшись, говорит:
«Ой как плохо, плохо.
Родительский чум,
Самый большой его шест видно,
До сих пор его видно».

— Оу, — говорит [Хальмира Чиндама], — вон материнский чум, до сих пор конец самого большого его шеста видно.

Он ещё раз побежал. Так пока он бежал, аж на четвереньках стал идти [=очень устал]. Так на четвереньках и идёт. И когда-то на простую землю он упал, вытянувшись во весь рост. Когда он так упал, восточные и западные ветры всего его [снегом] замели.

— Ну, — говорит сказка, — это же плохо. Как я буду находиться около занесённого снегом человека? Оу, пойду-ка я недалеко, опять пойду.

И сказка ушла.

— Оу, — говорит, — что это за люди пешком идут. Пешком они идут, самым первым идёт старик, нос у него загнутый, совсем пожилой старик, оказывается. Он пасёт оленей. Сзади него санки. А позади ведущего [старика] [идут] семеро таких же людей с загнутыми носами. У всех есть свои аргиши. А впереди всех людей с горбатыми носами, самым первым, идёт их зять. Зять этот запряг, оказывается, двух комолых оленей. Даже сокуй у него без султана. Зять этот низенького роста, кругленький. Он у них проводник, их зять. Зять этот за поводок тащит свой аргиш.

Ну, когда-то этот зять, хозяин двух комолых оленей, свой хорей вертикально поставил. Остановился. Завязал свой поводок. Говорит:

— Ну, давайте здесь поищем для себя что-нибудь. Место для чумов здесь поищем. Ягель проверяйте [много ли его]. Вон уже наши люди приближаются, скоро придут. [Люди,] которые пасут свободных оленей. Слуги наши уже идут, оказывается.

Ну, они теперь начали ходить. Кругом везде ходят, снег понемножку ногами разрыхляют.

— Ну что же, — говорит самый старший, — здесь остановимся, ягеля здесь много. Долго всё равно стоять не будем. Всё равно аргишить будем. Два или сколько дней пройдёт.

Они встали стойбищем. Сделали чумы, ставят чумы. Пока они делали чумы, их зять, хозяин двух комолых оленей, неподалёку прохаживается. И так вроде он нашёл это [место], дошёл до того места, где лежал, вытянувшись, наш [герой], который забрал с собой сказку. Он к нему подошёл:

— Оу, что это такое? — говорит.

[А там] что-то похожее на траву, и он за неё потянул.

— Казяю, почему это она не тянется?

Тогда он её как следует откопал.

— Это же, кажется, по-моему, собачья шерсть на парке.

Откопал его:

— Оу, это же, оказывается, человек лежит.

Наклонив к нему голову, он на него смотрит. Потом сунул руку ему подмышку:

— Оу, у него же подмышкой тепло. Живой ещё, наверное.

Он его как следует трясёт и даже дышит ему в рот. И когда-то этот человек зашевелился.

— Оу, интересно, из какой земли ты родом и почему здесь лежишь?

— Я же совсем сильно устал, — отвечает [тот]. — Пока я [долго] шёл пешком, я начал даже ползать на четвереньках [от усталости]. Так вот я и упал.

[Старик] тогда говорит:

— Ты так делай. Сейчас [мои люди] чумы поставят, когда они чумы поставят, вон тот самый крайний чум будут моим. Будешь идти по оленьим копанцам и так придёшь в мой чум.

Ну, дело уже дошло до отбоя. Соседи уснули. Когда соседи уснули, у хозяина двух безрогих оленей дверь приоткрылась. В дверь вошёл человек, которого он нашёл. Еле вошёл, туловище у него длинное. [Старик] усадил его рядом с собой.

— Оу, — говорит он жене, — мясо, наверное, давно уже сварилось, этого человека чаем напои и накорми. И, конечно, кокули и постель сделаешь ему. Здесь он будет, с нами. Никому не говори про нашего гостя.

Итак, она его накормила, а накормив, спать уложила, [все] легли спать. Все уснули. Когда-то, когда они спали, ночью от соседей, держа за шею оленя, идёт человек. Человек пришёл, потихоньку приоткрыл дверь. Приоткрыв дверь, он увидел длинные ноги. Увидел ноги спящего человека. Прямо на краю очага они находятся. Ну, он вернулся. Этими аргишившими были, говорят, семеро братьев Бобтие, самый старший брат — их начальник; войдя в чум этого начальника, слуга говорит:

— Вон наш зять какого-то чужого человека, кажется, у себя поселил. Я видел, как его длинные ноги виднелись. Конец кокуля был аж возле огня.

— Ну что же, — говорит начальник [братьев] Бобтие, — пускай, завтра я вызову [к себе] зятя. Какого такого другого человека он ещё привел. Завтра я его позову к себе в чум.

Ну, они встали, начальник всех своих братьев [к себе] вызывал. Все пришли к нему в чум, после этого он за зятем послал:

— Позовите моего зятя.

Зять пришёл, он зятю говорит:

— Мне кажется, в нашем стойбище есть незнакомый человек. Наверное, он в твоём чуме.

[Зять] отвечает:

— Да, верно ты говоришь, я нашёл человека. Всего его запорошило, оказывается, снегом, но так-то он живой, я ему сказал ко мне в чум прийти. У меня находится этот человек.

— А кто этот человек?

— Не знаю, я ничего не знаю. Когда я его спрашивал, он мне сказал, что где-то есть Сухое озеро, хозяина этого озера давно убили, говорят. Он, говорит, его сын. Говорит, зовут его Хальмира Чиндама.

— А что он там делал?

— Он говорит: «Я просто так хожу, новости ищу».

— Ну что же, раз уж он к нам попал, — говорит начальник рода Кондучерэ [=Приносящих жертвы], — раз он к нам попал, мы его в жертву принесём. Зачем мы будем приносить в жертву своего человека? Мы своего человека не отдадим шайтанам. Этот пришедший человек пусть будет [жертвой].

— Оу, — отвечает зять, — конечно, пусть будет, поперёк твоих слов кто что скажет? Пусть он будет [жертвой].

Он пришёл домой; придя домой, сказал товарищу:

— Давно, оказывается, [люди] заметили, что ты здесь. Они всё знают. Ну теперь-то чего ты будешь прятаться? Завтра, говорят, аргишить будем. Когда

мы будем аргишить, ты будешь сидеть со мной на санке. Ну теперь-то ты ничего не скрывай, сам не скрывайся. Всё равно они про тебя знают.

— Ну что же, — говорит [Хальмира Чиндама], — пускай [так будет].

Потом [зять] говорит:

— Есть ещё плохая новость. Они говорят, что принесут тебя в жертву, когда мы доедем до идолов.

Хальмира Чиндама говорит:

— Ну конечно, я же уже попался. Я попал [к вам] стать жертвой для идолов.

Ну, на следующий день они снова аргишили. Когда они аргишили, хозяин двух комолых оленей посадил товарища рядом с собой. Пока они аргишили, несколько раз, три раза они останавливались, на четвёртый аргишный переход доехали они до того места, [где] большая гора. На этой горе стоят семь идолов, семь деревянных идолов. Средний — самый большой, самый высокий идол. С двух сторон от него... с одной стороны три идола, с другой — ещё три. У всех рты открыты.

Теперь хозяин двух безрогих оленей говорит своему другу:

— Завтра, наверное, тебя принесут в жертву. Если завтра тебя принесут в жертву, как же мне быть? Я, наверное, в сторонку аргишу. Я не хочу видеть, как тебя будут в жертву приносить.

[Хальмира Чиндама] говорит другу:

— Ну что я сделаю,

Если я невезучий такой, ну и попался же я.

Если ты меня не хочешь видеть, аргиши в сторонку.

После смерти меня же отдадут на еду идолам.

Когда-нибудь, там где-нибудь, кому-нибудь, может, расскажешь.

Расскажешь, что Хальмира Чиндама принесли в жертву на еду идолам.

Закончив [песню], [Хальмира Чиндама] говорит:

— Ну конечно, ты аргиши, аргиши. Расскажи кому-нибудь про меня. Вдруг встретишь какого-нибудь моего родственника, скажи им: «Брата вашего принесли в жертву, род Кондучерэ. Семеро [братьев] из рода Кондучерэ».

Утром они снова собрались в чуме у своего начальника. Начальник говорит:

— Этого человека мы, наверное, сегодня отдадим идолам. На еду идолам в жертву его принесём. «А ты как будешь?» — спрашивает [начальник] у зятя.

Зять отвечает:

— Я буду аргишить. Я смерть своего друга, такую плохую смерть не хочу видеть, я аргишу отсюда.

— Ну, — говорит начальник Кондучерэ, — аргиши, аргиши. Слишком далеко-то ты не аргиши. Чтобы когда-нибудь, когда мы [сами] будем отсюда аргить, ты мог нас быстро догнать.

— Да, конечно, я здесь неподалёку остановлюсь, вон за хребтом где-нибудь. На какой-нибудь лаиде остановлюсь.

Ну, они разошлись. Семеро мужчин все приготовились. Начальник тоже [приготовился]: то ли верёвку, то ли маут взял их главный. Завязав верёвкой, маутом, руки пришедшего Хальмира Чиндама, его повели к тем идолам. Дошли они до идолов — оу, идолы, оказывается, отгорожены. Загородка их сделана из пней. Кругом везде пни. В этих пнях везде человеческие головы. — Оу, — говорит Хальмира Чиндама, — это, наверное, прежние жертвы. Головы их здесь, оказывается, [на эти пни] насаживают. Вон один пень, ничего на нем нету. Это, наверное, пень для моей головы.

И вот ему на шею накинули петлю из маута. Петлю сделали, вверх его подняли. Оу, [подняли] его к голове самого большого идола, и он держит голову этого большого идола. Оу, остальные шестеро мужчин — начальник их не работает, просто так стоит — эти шесть мужчин маут держат. Как только он им скажет «тяните», они должны сразу потянуть.

Ну, Хальмира Чиндама теперь говорит:

— Хоть дядей мне будь, хоть кем, хоть братом будешь.

Немного хотя бы ослабь свою верёвку.

Уже уходя из жизни, хоть маленько хочу я посмотреть на солнце.

Пока я ещё живой, хочу на земли вокруг себя посмотреть.

Дядя, отец, хоть немного ослабь верёвку.

Когда он так сказал, начальник, повернувшись к друзьям [=братьям], говорит:

— Ну что же, ослабьте ненадолго верёвку. Слово уходящего на тот свет человека не исполнить нельзя. Словам этого человека не отказывайте. Ослабьте верёвку.

Когда они ослабили ему верёвку, Хальмира Чиндама посмотрел по сторонам. Сначала он посмотрел на восток. Оу, с востока мощно, важно, идёт пешком человек. Идёт он пешком, [а] сокуй у него даже без капюшона. Вокруг талии он завязал, оказывается, олений поводок. И [этот человек], завязавший олений поводок, ведёт за собой аргиш. В этот аргиш запряг он, оказывается, оленей, чёрных, как ночь.

— Оу, — говорит [Хальмира Чиндама], — это, наверное, мой брат, мой старший брат. Наверное, мой брат тёмную землю на краю земли [=землю вечной мерзлоты] стёр с лица земли. С той земли он и ведёт себе аргиш.

[Хальмира Чиндама] ещё раз огляделся, посмотрел на запад. С западной стороны опять человек вышагивает. Он тоже обвязал себе талию оленьим поводком и ведёт аргиш. В этот аргиш он запряг хоров с белыми пятнами на лопатках.

— Оу, — говорит [Хальмира Чиндама], — это тоже мой брат, мой младший брат. Младший мой брат сравнял с землёй Белый хребет, о котором [раньше люди] рассказывали. С тех земель, наверное, этот аргиш он взял с собой.

Оу, так всё увидев, Хальмира Чиндама взял теперь большого идола за голову. Взявшись за голову, он начал крутиться. Он крутится, как лопасти волчка. Когда-то [Хальмира Чиндама] открыл глаза, а открыв глаза, говорит: — Оу, куда это я попал? Я даже не на гору, а просто на землю приземлился, оказывается.

Сидя на земле, [Хальмира Чиндама] посмотрел по сторонам:

— Оу, вон же неподалёку чум моего друга. Ну, пока я не пойду к другу в чум. На гору пока залезу.

Он залез на гору.

— Оу, как интересно, семь идолов поперёк туловища, оказывается, перерезаны.

Он взглянул под гору:

— Оу, у семерых Кондучерэ было, вроде, около тридцати чумов. Все их чумы, кажется, сравнивали с землёй. Даже собачьих трупов не видать.

Теперь, увидев это, он говорит.

Хальмира Чиндама говорит.

Этим идолам говорит. Хальмира Чиндама говорит.

— Прожорливые идолы,
съешьте теперь своих хозяев.

[Тех], которые многие годы играли жизнями людей.

В этот день пускай они станут для вас едой.

В будущем пусть они перестанут отдавать человеческие жизни.

Семеро [из рода] Кондучерэ пусть теперь исчезнут, навсегда исчезнут.

Теперь [Хальмира Чиндама] говорит:

— Раз уж вы идолы, то вон ваша еда. [Те люди], которые вам чужих людей раньше в жертву приносили. Съешьте теперь своих собственных хозяев. Впредь ни одного человека больше никогда вам не дадут. Теперь-то из них никто не встанет и не воскреснет.

Закончив [говорить] эти слова, Хальмира Чиндама опять спустился с горы. Он пошёл, направился в чум к другу. Вошёл он туда — оу, его друг улыбнулся. Друг его говорит:

— Оу, хиемоу, я всегда думал, что ты, наверное, непростой человек. Эти вот швы твоих бокарей и твоей парки очень уж страшные. Они как оружие, ты-то себе даже лук не хочешь [братъ]. А если даже у тебя лук будет, то, кроме лука, у тебя есть в качестве оружия эти швы. Ну, как мы теперь будем? Ты теперь, наверное, от меня уедешь.

Хальмира Чиндама говорит:

— Да, конечно, я уеду. Я своё дело сделал. Эти семеро [из рода] Кондучерэ и были моим делом. На братьев своих я взглянул: мои братья тоже земли, к которым направлялись, сравнивали, кажется, с землёй. Что мне делать, поеду я домой. Когда-нибудь, если будем живы-здоровы, может быть, встретимся. Если не встретимся, может, друг к другу в гости будем ездить.

— Ну, — говорит хозяин двух комолых оленей, — А как же ты будешь? Почему ты не нашёл себе какой-нибудь аргиш [=жену]? У меня в моих краях тоже кое-какая земля-то есть, там на моей земле у меня есть сестрёнка. Я хочу теперь свою сестру за тебя замуж отдать. Разве это плохого было бы?

— Сейчас я домой собираюсь. Мама моя одна оставалась около Сухого озера. Братья мои, наверное, там, около материнского чума, свои чумы не будут ставить. Они, наверное, поближе сюда чумами встанут. Поэтому я хочу к матери поехать. Вместе с мамой я бы аргишил.

— Ну что же, езжай.

Он накормил друга, и Хальмира Чиндама, поев, уехал. И где теперь тот [человек], который [раньше] еле шёл, теперь [Хальмира Чиндама], направляясь домой, как ветер несётся. Так прямо быстро идёт. Когда-то он говорит:

— Оу, что это передо мной, большой чум построили, кажется. Чум на две семьи, кажется, два аргиша. Оу, это, наверное, чум моих братьев, они здесь, наверное.

Зашёл он туда, братья его, оба, оказывается, жён себе привезли. Хальмира Чиндама говорит братьям:

— Оу, что же это вы мать не взяли с собой аргишить? Как она одна будет? Сейчас я поеду, её с аргишом заберу.

И он ушёл. На другой день он привёз свою мать. Привёз он мать, но с этими молодыми [братьями] они не соединили свой чум. Отдельный чум себе поставили. Он говорит матери:

— Если я сам никуда и не пойду, у меня есть друг, хозяин двух безрогих оленей. Этот мой друг даст, наверное, мне аргиш [=жену].

Мать отвечает:

— Хиемоу, это же хорошо, что в этом плохого. Здесь вместе поставим чумы.

Ну, некоторое время они так жили. Так они жили, когда-то (собачка была, наверное, у них, может, собаки были) собаки залаяли. Старуха, раскрыв дверь, выглянула наружу и говорит:

— [Какой-то] человек на оленях едет, оказывается. Двух безрогих оленей запряг. Сам по себе он небольшой человек, носит сокуйчик без верхнего султана. Кругленький такой. Это и есть, наверное, твой друг. Он везёт аргиш. — Да, конечно, это мой друг.

Хозяин двух безрогих оленей остановил свой аргиш. Остановив аргиш, вошёл в чум. Говорит другу:

— Я привёз девушку. Если дашь мне калым за сестру, давай, а можешь и не давать. [Главное,] чтобы мы когда-нибудь друг другу помогли. Всяких воинственных людей мало ли [на свете].

— Да, — отвечает [Хальмира Чиндама], — конечно. Почему это ты так просто вернёшься? Сколько в твой аргиш запряжено оленей, столько же и возмёшь с собой.

Так они и договорились.

На улицу вышла старуха [=мать Хальмира Чиндама]. Приоткрыв меховой полог санки, она потянула женщину за руку. [Показалась] очень красивая, молоденькая девушка, [мать] взяла её под ручку и повела в чум. Говорит:

— Мы поставим отдельный чум, хоть сегодня, хоть завтра поставим чум. А сейчас я уже постель для тебя застелила, прямо здесь, у меня в чуме, на пустой стороне. Здесь пока живите. Завтра один чум сделаем.

А Хальмира Чиндама, поймав столько же оленей, сколько было в аргише у его жены, отдал их своему другу и говорит:

— Увези их к себе домой. Когда-нибудь мы приедем [к тебе] в гости.

И они на этой земле все вместе стали жить. Все семьи себе завели.

Конец.

Рассказчик:	Нина Дентумеевна Чунанчар (1946 г.р.)
Автор записи:	Валентин Гусев, Мария Брыкина
Место записи:	Усть-Авам
Дата записи:	2006 г.
Транскрипция и перевод:	Серафима Мудимеевна Купчик, Мария Брыкина
Название текста в корпусе INEL:	ChND_061025_Haljmira_flks

Khalmira Tindama

This is a tale my father used to tell me. My father's name was Turdagin Dentume Khursebtееvich. The Nenets must have told him this tale. The name of the tale is Khalmira Tindama.

The Mouth is walking on the land. The Mouth is walking on and on. One day it says:

"Oh, this seems to be bad land. There is no footprint on it. No sledge tracks on it. I'm going back... No, I won't go back, I'll go forward a little more."

So the Mouth went forward some more and then it says:

"Oh, what's that there? There is a lonely tent standing there, a lonely tent. The tent stands on the shore of a huge lake. The lakeshore is flat on the side of the tent, but on the other side the shore is high, mountainous. The crevices of the mountains are all smoking. I don't know whether it is the vapors of the earth or the fumes from the tents – probably, they are the fumes from hidden tents."

Well, the Mouth reached the tent. It entered. Only one half of the tent is inhabited. There's nothing on the other side. All sorts of things seem to be lying there – wood, buckets, and other things. On the door side, an old woman is sitting with a long face. At the side of the door there is a man sleeping in a kokuli²². His head is right at the base of the tent. His feet are right by the fire, stretching to the edge of the hearth.

"Oh, wow!" says the Mouth. "This man seems to have a long body."

And the old woman is sitting there sewing – I wonder what she is doing. So she is sewing, and once she raised her head. Outside the door, the footsteps of two people were heard. When the sound of footsteps was heard, the door opened. Two men walked through the door. Two men who looked like each other, completely identical. As if they were the same person. Looking at them, the old woman said:

"Oh, they annoy me."

She threw her working knife right at them. She cut off the edge of one of the men's parka who came in. So they just flew up and out through the smoke hole. Disappeared, gone.

And the old woman said:

"Oh, what anger I feel for Chief White Kuode. These days, when several decades had passed, he sent scouts."

At that moment, came a song. The old woman says:

"How I hate him.

He annoys me so much.

²² Kokuli is a kind of sleeping bag.

A long time ago, twenty years ago, Chief White Kuode, with his two brothers, came with his two brothers to our land.

The father of my children was dragged outside without a single garment.

These days, this man I hate so much, he sent messengers.”

After finishing the story, the old woman said:

“Once there were rumors – they said that Chief White Kuode had two twin boys. It must have been them who came now.”

From her side, she took a mallet made from the antler of a deer. Taking the bone mallet, she began to give her son a good pounding, who was sleeping on the side of the tent. She pounded her son from below and said:

“Oh, horror, how long are you sleeping for? Why do you sleep all the time? Your two brothers are long gone. You don’t even seek news about your brothers. Get up, get up, get up quickly!”

When the mother finished beating his sleeping son, he got up and sat down.

“Oh, mom, what’s wrong? Why did you wake me up?”

“Oh, why are you asking why I woke you? Messengers just came. Two men came. They look just like each other. I think they’re White Kuode’s twins. Get up, get up, get up quickly.”

He got up. His mother went outside. She brought fat ribs when she came back in. She chopped them up and put them in the pot in which meat is cooked. Then, from under a pillow, she took out the parkas and boots. After taking them out, she fed her son. The son finished eating and began to dress.

“Oh, how interesting,” said the Mouth. “When he put on the parka, it turned out that this man was tall. He has four huge seams on his parka that look like the teeth of the biggest saw. He also has boots on. He has three seams on his boots, where the seams join. And the seams of the boots are like the teeth of the biggest saw. That is the only decoration on them. The headwear he put on his head... Oh, that’s interesting. The top of his hat, the very tip of it, is kind of twisted. Twisted upwards, with a point.”

The Mouth goes on to say:

“Oh, and the soles of his boots, it turns out, look as if they were heightened. The toes of his boots are stitched up so that they look like the fins of big fish. What kind of a man is this, I wonder,” says the Mouth.

After dressing her son, the old woman pulled out a forged bow from under the cushions. Just straight cut iron with a bowstring and arrows, that is what the old woman took out and gave it to her son. She said to her son:

“Well, go.”

He went outside.

Stepping outside, Khalmira Tindama,
For two weeks
Walked with a limp.
Stumbling,
He looked back
Surprised, oh, how surprised he was.

So surprised, he says:

“Oh, how strange. I’ve been walking for two weeks, and my mother’s tent seems to be very close. How am I walking?”

So surprised,
Khalmira Tindama
He bit his lip.
Biting his lip, another day,
Two weeks,
He walked on with a limp.
Looking back again, said:
“Oh, how bad, how bad.
My parents’ tent,
You can see the big pole,
You can still see it.”

“Oh,” said Khalmira Tindama, “I can still see the end of the biggest pole in my mother’s tent.”

He ran once more. So, while he was running, he began to walk on all fours. So, he is walking on all fours. And once he fell to the ground, he stretched out to his full height. When he fell like that, the east and west winds covered him with snow.

“Well,” says the Mouth, “that’s too bad. How will I be near a man covered with snow? Oh, I won’t go far away, I’ll come back.”

And the Mouth went away.

“Oh,” says the Mouth, “what kind of people are walking there? They are on foot, and the first is an old man, his nose is bent, a very old man, it seems. He’s herding reindeer. Behind him is a sledge. And behind the leader, there are seven similar people with bent noses. They all have their camping gear. And ahead of all the people with bent noses, the very first is their son-in-law. This son-in-law has harnessed two reindeer. His parka is without a hackle. The old man is short and round. He is their guide, their son-in-law. This son-in-law is pulling his camping gear by a leash.”

Well, once the owner of two antlerless reindeer, the son-in-law, had his leading rod upright. He stopped. Tied his leash. He says:

"Well, let's look for something for ourselves here. Let's look for a place for the tents. Check if there's any moss. Our people are already approaching, they will get here soon. People who are herding free reindeer. Looks like our servants are coming already."

They have started to walk around. They are walking around, loosening up the snow with their feet.

"Well," says the oldest. "Let's stop here, there's a lot of moss here. We won't stay long anyway. We'll be moving on anyway. A couple of days will pass."

They set up a camp and the tents. While they were making the tents, the son-in-law, the owner of the two antlerless reindeer, was strolling nearby. And then he found the place, reached the place where our hero, the one who had taken the Mouth with him, was lying stretched out. He walked up to him:

"Oh, what is this?" he asked.

And he tried to pull up something which looked like grass.

"Kaziau, why isn't this coming out?"

Then he dug it up properly.

"That seems to be dog hair on a parka, I think."

He dug it up:

"Oh, there's a man lying there."

Head bent down toward him; he was looking at him. Then he put his hand under his armpit:

"Oh, his armpit's warm. He must still be alive."

He firmly shakes him, even breathes into his mouth. And at some point, the man moved.

"I wonder what land you're from and why you're lying here?"

"I am quite tired," the man replies. "I was walking for a long time, then I was crawling from fatigue. Then I collapsed."

The son-in-law then said:

"Of course you collapsed. Now my people are setting up the tents, when the tents are ready, the outermost tent will be mine. You will follow the reindeer diggings²³ and so you will come to my tent."

Well, it had already come to bedtime. The neighbors fell asleep. When the neighbors fell asleep, the door of the owner of the two antlerless reindeer opened up. The man he found walked through the door. Barely entered, his torso was long. He sat down next to him.

"Oh," he says to his wife, "the meat must have boiled long ago, give this man tea and feed him. And, of course, make him a kokuli and a bed. He will be here with us. Don't tell anyone about our guest."

²³ The area on the ground where reindeer scratch to find lichen.

So, she fed him, and having fed him, put him to bed. They all went to bed. Everybody went to sleep. Sometime while they were sleeping, at night, a man comes from the neighbors, holding a reindeer by the neck. The man came and quietly opened the door. When he opened the door, he saw long legs. Saw the legs of a sleeping man. They are right at the edge of the hearth. Well, he came back. These campers were, they say, the seven Bobtie brothers, the oldest brother being their leader; when the chief entered the tent, the servant said:

"There is our son-in-law, who seems to have lodged some stranger in his house. I saw his long legs. The end of the kokuli was near the fire."

"Well," said the head of the Bobtie brothers, "let me call my son-in-law tomorrow. What other man has he brought? Tomorrow, I will call him to my tent."

So, they got up, the leader called all his brothers. All came to his tent, and then he sent for his son-in-law:

"Call my son-in-law."

The son-in-law came and he was told:

"It seems to me there is a stranger in our camp. He is in your tent, probably."

The son-in-law replied:

"Yes, that's right, I found a man. He was all covered in snow, but he's alive. I told him to come to my tent. I have this man."

"And who is this man?"

"I don't know, I don't know anything. When I asked him, he told me that somewhere there is a lake called Dry Lake. The owner of this lake was killed long ago, they say. He's his son, he says. He says his name is Khalmira Tindama."

"What was he doing there?"

"He says, 'I'm just going around, looking for news.'"

"Well, since he has come to us," says the head of the Konduchere family²⁴, "since he has come to us, we will sacrifice him. Why shall we sacrifice our own men? We will not give our men to the shaytans²⁵. Let this man, who has come to us, be a sacrifice."

"Oh," the son-in-law replies, "of course, let him be, who can say anything against your words? Let him be a sacrifice."

He came home, came home and said to his comrade:

"It turns out, people long ago noticed that you are here. They know everything. Why are you hiding now? Tomorrow, they say, we are going to move on. While traveling, you'll be sitting with me on the sledge. Don't hide anything now, don't hide yourself. They know about you anyway."

"Well," says Khalmira Tindama, "let it be so."

Then the son-in-law says:

²⁴ The name of the family means "the sacrificers".

²⁵ Evil spirits.

"There is more bad news. They say they will sacrifice you when we reach the idols."

Khalmira Tindama says:

"Of course, I have already been caught. I got to you to become a sacrifice for the idols."

Well, the next day they moved on again. When they were traveling, the owner of the two antlerless reindeer put his companion next to him. While they were on the road, they stopped several times. They stopped three times, and by the fourth stop, they had reached a place with a big mountain. On this mountain there are seven idols, seven wooden idols. The middle one is the biggest, the tallest idol. On both sides of it ... on one side there are three shaytan idols, on the other side there are three more. All with their mouths open.

Now, the owner of the two antlerless reindeer says to his friend:

"Now, tomorrow you will probably be sacrificed. What am I going to do if tomorrow you're sacrificed? Maybe I'll go farther to the side of the camp. I don't want to see you being sacrificed."

Khalmira Tindama sings a song to his friend:

"What am I gonna do?

If I'm so unlucky, It's over for me.

If you don't want to see me, go away.

When I die, they'll give me to the idols to eat.

Someday, somewhere, maybe you'll tell someone.

Tell them that Khalmira Tindama was sacrificed to the idols."

Having finished the song, Khalmira Tindama said:

"Surely you are going to move on. Tell someone about me. If you meet relatives of mine, tell them: your brother was sacrificed by the Konduchere clan. By the seven brothers of the Konduchere clan."

In the morning they gathered again in the chief's tent. The chief said:

"We will probably give this man to the idols today. We will sacrifice him for food to the idols." "And what about you?" he asks his son-in-law.

The son-in-law answers:

"I will move on. I do not want to see the death of my friend... such a bad death. So I will move out from here."

"Well," says the head of the Konduchere clan, "leave, leave". Don't move too far, so that someday, when we move out from here, you can quickly catch up with us."

"Yes, of course, I will stop not far from here, over the ridge somewhere. I'll stop at some marshy meadow."

Well, they split up. All the seven men got ready. The chief also got ready, he took either a rope or a harness. Having tied Khalmira Tindama's hand with a rope or a harness, they led him to the idols. When they reached the idols, – oh, the idols, it

turns out, are behind a fence. Their fence is made of stumps. There are stumps everywhere. There are human heads on those stumps.

“Oh,” said Halmira Tindama, “these must be the former victims. Their heads are here on these stumps. There’s one stump with nothing on it. It must be a stump for my head.”

So, they put a noose of harness on his neck. When the noose was made, they lifted him up. Oh, lifted him up to the head of the biggest idol. He’s holding the head of this big shaytan. Oh, the other six men – their heads are not working, they are just standing like that – these six men are holding the harness. As soon as the chief says “pull”, they have to pull at once.

Well, Khalmira Tindama now says.

“You can be my uncle, or anything, even a brother.

At least loosen your rope a little.

I want to look at the sun just a little while I’m still alive.

While I’m still alive, I want to look at the land around me.

Uncle, father, loosen the rope a little.”

After he said these words, the chief said turning to his brothers:

“Well then, loosen the rope for a little while. The word of the man who is going to the next world cannot be disobeyed. Do not refuse the words of this man. Loosen the rope.”

And as the rope was loosened, Khalmira Tindama looked around. First he looked to the east. Oh, from the east a man is walking swiftly and gracefully. He is walking on foot, and his parka is hoodless. Around his waist he has tied, it turns out, a reindeer leash. And this man, who has tied a reindeer leash, is leading a herd of reindeer and sledges behind him. In this caravan, he has harnessed reindeer, black as night.

“Oh,” says Khalmira Tindama, “this must be my brother, my elder brother. Probably my brother has wiped out the dark land at the edge of the earth²⁶. He is leading his caravan from that land.”

Khalmira Tindama looked around once more, to the west. On the western side again, a man was walking. He also tied a reindeer leash around his waist and led a caravan. In this caravan he harnessed a buck with white spots on its shoulder blades. “Oh,” says Khalmira Tindama, “this is also my brother, my younger brother. Stories had been told of the White Ridge... my younger brother flattened it to the ground. He must have taken this caravan with him from those lands.”

²⁶ The land of the permafrost.

Oh, now that he saw everything, Khalmira Tindama took the big idol by the head. He began to spin holding the head. He spun like a whirligig. Once Khalmira Tindama opened his eyes, and having opened his eyes, he said:

“Oh, where did I land? I didn’t even land on a mountain, I just landed on the ground, it turns out.”

Sitting on the ground, Khalmira Tindama looked around:

“Oh, there’s my friend’s tent nearby. Well, I’m not going to my friend’s tent now. I will climb the mountain.”

He climbed the mountain.

“Oh, how interesting, seven idols, seemingly cut through the torso.”

He looked under the mountain:

“Oh, the seven Konduchere used to have about thirty tents. All their tents seem to have been leveled. Not even a dog’s corpse to be seen.”

Now seeing this, he speaks.

Khalmira Tindama speaks.

To these idols he speaks. Khalmira Tindama says:

“Voracious idols,
eat your masters now.

Those who have played with the lives of people for many years.

This day let them become food for you.

In the future, let them stop taking human lives.

Let the seven brothers of the Konduchere family now disappear, disappear forever.”

Then Khalmira Tindama says:

“Since you are idols, there is your food. Those people who used to sacrifice strangers to you. Now you eat your own masters. From now on, not a single person will ever be given to you again. None of them will rise and resurrect now.”

Having said these words, Khalmira Tindama descended from the mountain again. He went to his friend’s house. He entered, oh, his friend smiled. The friend said:

“Oh, khiemou, I’ve always thought that you must not be a simple man. These seams of your boots and your parka are very ugly. They’re like weapons. You don’t even need a bow. And even if you have a bow, you have these stitches as weapons. So, what are we gonna do now? You’ll probably leave me now.”

Khalmira Tindama says:

“Yes, of course I will leave. I have done my job. These seven brothers of the Konduchere family were my work. I looked at my brothers: it seems that after visiting some lands, my brothers have leveled them to the ground. What will I do...

I will go home. Someday, if we're alive and well, maybe we'll meet again. If we don't, maybe we'll visit each other."

"Well," says the owner of the two antlerless reindeer, "What about you? Why haven't you found yourself a caravan? I also have some room in my land, and I have a little sister there on my land. Now I want to marry my sister to you. Would that be a bad thing?"

"I'm going home now. My mother was alone near Dry Lake. My brothers probably won't put their tents there, near our mother's tent. They'll probably set up their tents closer here. That's why I want to go to my mother. I'd go with my mother."

"Well, go."

He fed his friend, and once Khalmira Tindama ate, he left. And that man who could hardly walk before, is now heading home, rushing like the wind. Walking fast and straight. One time he says:

"Oh, what is this in front of me? A bigger tent has been built, I think. A tent for two families, I think, two homesteads. Oh, this must be my brothers' tent, they are here, I guess."

He entered, and his brothers, both of them, it turns out, have brought their wives. Khalmira Tindama says to his brothers:

"Oh, why didn't you bring your mother with you? She must be so alone. I will go now and bring her with the caravan."

And he left. The next day he brought his mother. He brought his mother, but they did not join their tent with these young brothers. They put a separate tent for themselves. He says to his mother:

"I'll go nowhere by myself now, I have a friend, the owner of two antlerless reindeer. This friend of mine will probably give me a wife."

The mother replies:

"Khiemou, that's good. What's wrong with that? We'll make a tent together here."

Well, they lived like that for a while. So they lived like that, once upon a time the dogs barked (they probably had a dog, maybe they had dogs). The old woman opened the door, looked outside and said:

"Some man is riding a reindeer, it turns out. He has harnessed two antlerless reindeer. He is a small man himself; he wears a parka without a top hackle. He's just round. This must be your friend. He's driving a caravan."

"Yes, of course, that's my friend."

The owner of the two antlerless reindeer stopped his caravan. He stopped his caravan and entered the tent. He says to his friend:

"I've brought a girl. If you give me a bride price for my sister, go ahead, but you don't have to. The main thing is that we should help each other someday. There are few warlike people in the world."

“Yes,” replies Khalmira Tindama, “of course. How come you can return so easily? How many reindeer are harnessed to your caravan? You shall take as many with you from mine.”

So, they agreed.

The old woman came outside. She opened the fur canopy of the sledge; she pulled the woman by the arm. The girl was very pretty and young. The mother took her under her arm and led her to the tent. She said:

“We will make a separate tent; today, or tomorrow, we will make a separate tent. And I have already made a bed for you, right here in my tent, on the empty side. You can live here for now. Tomorrow we’ll make a separate tent.”

And Khalmira Tindama caught as many reindeer as his wife had had in the caravan, and gave them to his friend and said:

“Take them to your home. One day we will come to visit you.”

And they all began to live together on this land. They started families.
The end.

Storyteller:	Nina Dentumeevna Chunanchar (born in 1946)
Recorded by:	Valentin Gusev, Maria Brykina
Place of recording:	Ust-Avam
Date of recording:	2006
Transcription and Russian translation:	Serafima Mudimeevna Kupchik, Maria Brykina
Identity in the INEL corpus:	ChND_061025_Haljmira_flks